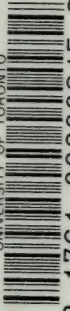

UNIVERSITY OF TORONTO

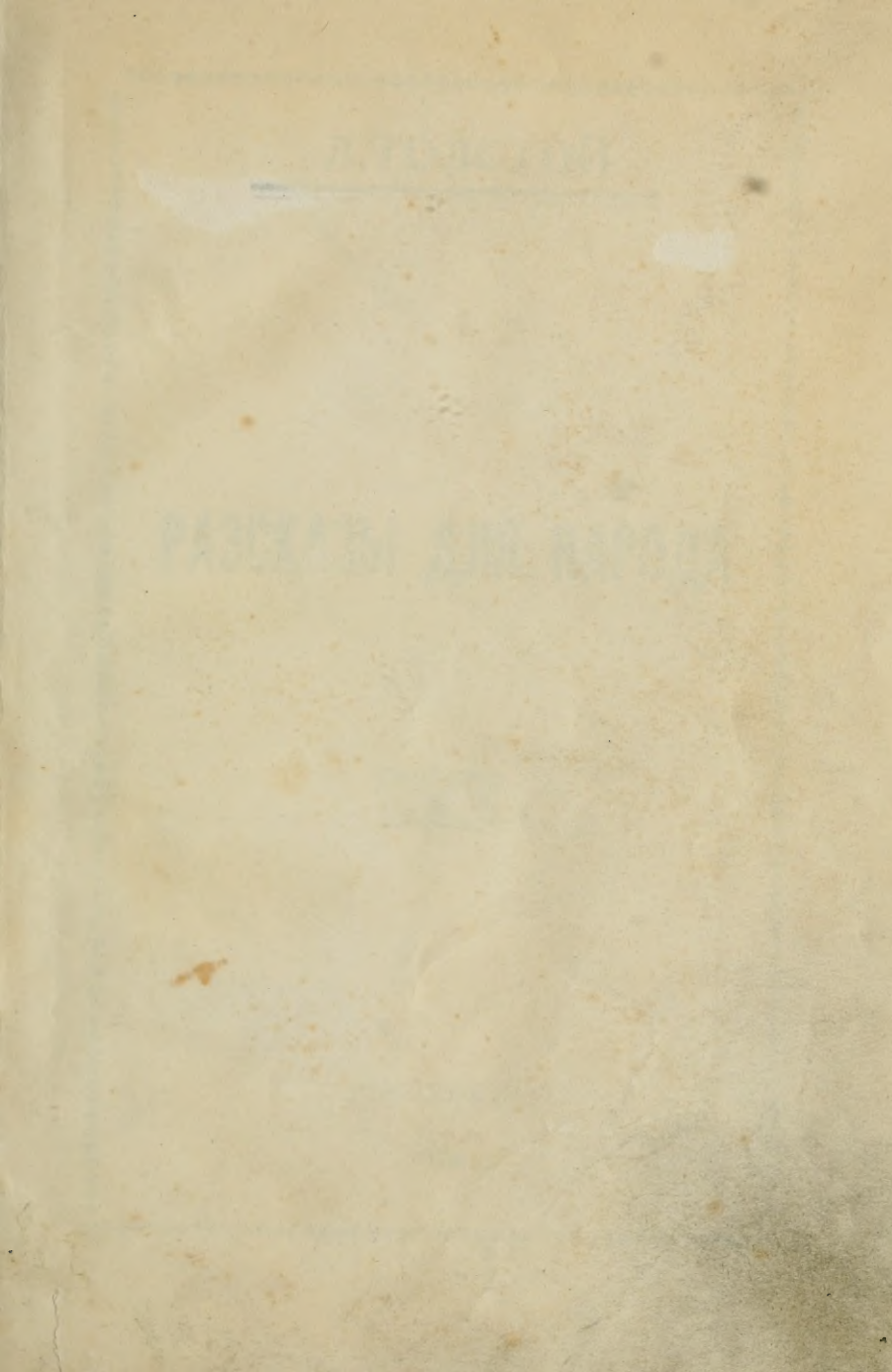

3 1761 00300815 8

Presented to
The Library
of the
University of Toronto
by

BYELORUSSIAN ALLIANCE IN CANADA.

Л. ТОЛСТОЙ

РАЗСКАЗЫ ДЛЯ НАРОДА

НЬЮ ЙОРКЪ.

1919.

PG

3365

A15

1919

LIBRARY

758923

UNIVERSITY OF TORONTO

СВѢЧКА.

Было это дѣло при господахъ. Всякіе были господа. Были такіе, что смертный часъ и Бога помнили и жалѣли людей, и были собаки, не тѣмъ будь помянуты. Но хуже не было начальниковъ какъ изъ крѣпостныхъ, какъ изъ грязи да попали въ князи! И отъ нихъ то хуже всего житье было.

Завелся такой приказчикъ въ господскомъ имѣніи. Крестьяне были на барщинѣ. Земли было много, и земля была добрая; и воды, и луга, и лѣса, всего бы всѣмъ достало — и барину и мужикамъ, да поставилъ баринъ приказчикомъ своего дворового изъ другой вотчины.

Забралъ приказчикъ власть и сѣлъ на шею мужикамъ. Самъ онъ былъ человѣкъ семейный — жена и двѣ дочери замужемъ — и нажилъ ужъ онъ денегъ: жить бы да жить ему безъ грѣха, да завидливъ былъ и завязъ въ

грѣхѣ. Началось съ того, что сталъ онъ мужиковъ сверхъ тней на барщину гонять. Завелъ кирпичный заводъ, всѣхъ — и бабъ и мужиковъ — поморилъ на работѣ, а кирпичъ продавалъ. Ходили мужики къ помѣщику въ Москву жаловаться, да не вышло ихъ дѣло. Ни съ чѣмъ отослалъ мужиковъ и не снялъ воли съ приказчика. Прозналъ приказчикъ, что ходили мужики жаловаться, и сталъ имъ за то вымещать. Еще хуже стало житье мужикамъ. Нашлись изъ мужиковъ невѣрные люди: стали приказчику на своего брата доносить и другъ дружку подводить. И спутался весь народъ, и обозлился приказчикъ.

Дальше да больше, и дожилъ приказчикъ до того, что сталъ его народъ бояться, какъ звѣря лютаго. Проѣдетъ по деревнѣ, такъ всѣ отъ него, какъ отъ волка, хоронятся, кто куда попало, только бы на глаза не попадаться. И видѣлъ это приказчикъ и еще пуще злился за то, что бояться его. И битьемъ, и работой донималъ народъ, и много отъ него муки приняли мужики.

Бывало, что и изводили такихъ злодѣевъ; и про этого стали поговаривать мужики. Сойдутся гдѣ въ сторонкѣ, кто посмѣлѣе и говоритъ: «Долго ли намъ терпѣть злодѣя нашего? Пропадать за одно — такого убить не грѣхъ!»

Собрались разъ мужики въ лѣсу до Святой: лѣсъ господскій послалъ приказчикъ подчищать. Собрались въ обѣдъ, стали толковать.

— Какъ намъ, говорятъ, теперь жить? Изведеть онъ насъ до корня. Замучилъ работой: ни дня, ни ночи ни намъ, ни бабамъ отдыха нѣтъ. А чуть что не по немъ, придерется, поретъ. Семень отъ его пороня померь. Аннисима въ колодкахъ замучилъ. Чего-жъ еще намъ дожидать?

Приѣдетъ вотъ сюда вечеромъ, станетъ опять озорничать, только сдернуть его съ лошади, пристукнуть топоромъ, да и дѣлу конецъ. Закрыть гдѣ, какъ собаку, и концы въ воду. Только уговоръ: всѣмъ стоять за одно, не выдавать!

Говорилъ такъ Василій Минаевъ. Пуще всѣхъ былъ онъ золъ на приказчика. Поролъ онъ его каждую недѣлю и жену отбилъ, къ себѣ въ кухарки взялъ.

Поговорили такъ мужики, и приѣхалъ на вечеръ приказчикъ. Приѣхалъ верхомъ, сейчасъ придрался, что не такъ рубятъ. Нашелъ въ кучѣ липку.

— Я, говоритъ, не велѣлъ рубить липы. Кто срубилъ? сказывай, а то всѣхъ запорю.

Сталъ добираться, въ чьемъ ряду липа. Показали на Сидора. Исколотилъ приказчикъ Сидору все лицо въ кровь. Отхлесталъ и Василю татаркой за то, что куча мала. Поѣхалъ домой.

Сослились опять вечеромъ мужики, и сталъ говорить Василій:

— Эхъ, народъ! Не люди, а воробьи. «Постоимъ, постоимъ», а пришло дѣло, всё подъ застрѣху. Такъ то воробьи противъ ястреба собирались: «не выдавать, не выдавать, постоимъ, постоимъ!» А какъ налетѣлъ, всё по кропивѣ. Такъ-то и ястребъ ухватилъ какого ему надо, поволокъ. Выскочили воробьи: чивикъ, чивикъ! — не досчитываются одного. «Кого нѣтъ? Ваньки. Э, туда ему дорога. Онъ того и стоитъ». Такъ то и вы. Не выдавать, такъ не выдавать! Какъ онъ взялся за Сидора, вы бы сгрудились, да и покончили. А то: не выдавать, не выдавать, постоимъ, постоимъ! а какъ налетѣлъ, — такъ и въ кусты.

Стали такъ говорить чаще и чаще, и совсѣмъ со-

брались мужики уходить приказчика. Повѣстили на Страстной приказчикъ мужикамъ, чтобы готовились на Святой барщину подь овесъ пахать. Обидно это показалось мужикамъ и собрались они на Страстной у Василя на задворкѣ и опять стали толковать.

— Коли онъ Бога забылъ, говорятъ, и такія дѣла дѣлать хочеть, надо и вправду его убить. Пропадать заодно!

Пришелъ къ нимъ и Петръ Михеевъ. Смирный былъ мужикъ Петръ Михеевъ и не шелъ въ совѣтъ съ мужиками. Пришелъ Михеевъ, послушалъ ихъ рѣчи и говорить:

— Грѣхъ вы, братцы, великій задумали. Душу погубить — великое дѣло. Чужую душу погубить легко, да своей то каково? Онъ худо дѣлаеть — передъ нимъ худое. Терпѣть, братцы, надо.

Разсердился на эти рѣчи Василій.

— Заладилъ, говорить, одно: грѣхъ человѣка убить. Извѣстно — грѣхъ, да какого, говорить, человѣка? Грѣхъ человѣка добраго убить, а такого собаку и Богъ велѣлъ. Собаку бѣшеную убить надо, людей жалѣючи. Не убить его — грѣхъ больше будетъ. Что онъ людей перепортить? А мы хотъ и пострадаемъ, такъ за людей. Намъ люди спасибо скажутъ. А слюни-то распусти, онъ всѣхъ перепортить. Пустое ты, Михеичъ, толкуешь. Что-жь, развѣ меньше грѣхъ будетъ, какъ въ Христовъ праздникъ всѣ работать пойдемъ? Ты самъ не пойдешь!

И заговорилъ Михеичъ.

— Отчего не пойти? говорить. Пошлютъ, и пахать пойду. Не себѣ. А Богъ узнаеть, чей грѣхъ. Только намъ

бы Его не забывать. Я, говоритъ, братцы, не свое говорю. Кабы намъ показано было зло зломъ изводить, такъ бы намъ и отъ Бога законъ лежалъ: а то намъ другое показано. Ты станешь зло изводить, а оно въ тебя перейдетъ. Человѣка убить не мудро, а кровь къ душѣ лишнетъ. Человѣка убить душу себѣ окрованить. Ты думаешь — худого человѣка убить: думаешь — худо извелъ, анъ глядь, ты въ себѣ худо злѣе того завелъ. Покорись бѣдѣ, а бѣда покорится.

Такъ и не договорились мужики: разбились мыслями. Одни такъ думаютъ по Васильевымъ рѣчамъ, другіе на Петровы рѣчи соглашаются, чтобы не заводить грѣха, а терпѣть.

Отпраздновали мужики первый день, воскресенье. На вечеръ приходитъ староста съ земскими съ барскаго двора и, сказываютъ — Михаилъ Семенычъ, приказчикъ велѣлъ на завтра наряжать мужиковъ, всемъ пахать подъ овесъ. Обошелъ староста съ земскимъ деревню, повѣстилъ всемъ на завтра выѣзжать пахать, кому за рѣку, кому отъ большой дороги. Поплакали мужики, а ослушаться не смѣютъ, на утро выѣхали съ сохами, принялись пахать. Въ церкви благовѣстятъ къ ранней обѣднѣ, народъ вездѣ праздникъ справляетъ, — мужики пашутъ.

Проснулся Михаилъ Семенычъ, приказчикъ, не рано, пошелъ по хозяйству: убрались, нарядились домашнія — жена, дочь вдовая (къ празнику пріѣхала); запрягъ имъ работникъ телѣжку, съѣздили къ обѣднѣ, вернулись; поставила работница самоваръ, пришелъ и Михаилъ Семенычъ, стали чай пить. Нанялся Михаилъ Семенычъ чаю, закурилъ трубку, позвалъ старосту.

— Ну что, молъ, поставилъ мужиковъ на пахоту?

— Поставилъ. Михаилъ Семенычъ.

— Что, всё выѣхали?

— Всё выѣхали, я ихъ самъ разставлялъ.

— Разставить-то разставилъ, да пашутъ-ли? Поѣзжай посмотри, да скажи, что я послѣ обѣда приѣду, чтобы десятину на двѣ сохи выпахали, да чтобы пахали хорошо! Если огрѣхъ найду, я я на приздикъ не посмотрю!

— Слушаю-сь.

И пошелъ было староста, да Михаилъ Семенычъ, вернулъ его. Вернулъ его Михаилъ Семенычъ, а самъ мнется, хочеть что-то сказать, да не знаетъ какъ. Помялся, помялся, да и говорить:

— Да вотъ что, послушай ты еще, что они, разбойники, говорятъ про меня. Кто ругаетъ и что говорить — все мнѣ Расскажи. Я ихъ, разбойниковъ, знаю, не люблю имъ работать, только бы на боку лежать, лодырничать. Жрать да праздновать — это они любятъ, а того не думаютъ, что пахоту пропустишь, опоздаешь. Такъ вотъ ты и отслушай отъ нихъ рѣчи, кто что скажетъ, все мнѣ передай. Мнѣ это знать надо. Ступай да смотри все Расскажи, ничего не утаивай.

Повернулся староста, вышелъ, сѣлъ верхомъ и поѣхалъ къ мужикамъ въ поле.

Услыхала приказчица мущины рѣчи со старостой, пришла къ мужу и стала его просить. Приказчица была женщина смиренная, и сердце было въ ней доброе. Гдѣ могла, умирала мужа и заставляла передъ нимъ мужиковъ.

Пришла она къ мужу и стала просить:

— Другъ ты мой, Мишенька, говоритъ, для великаго дня, праздника Господня, не грѣши ты ради Христа, отпусти мужиковъ!

Не принялъ Михайлъ Семенычъ жениныхъ рѣчей, только засмѣялся на нее.

— Или давно, говоритъ, по тебѣ плетка не гуляла, что ты больно смѣла стала, — не въ свое дѣло вяжешься?

— Мишенька, другъ ты мой, я сонъ про тебя видѣла нехорошій, слушай ты меня, отпусти мужиковъ!

— То-то, говоритъ, и я говорю: видно, жиру много набѣла, думаешь, и плеть не проймаешь. Смотри!

Разсердился Семенычъ, ткнулъ жену требкой съ огнемъ въ зубы, прогналъ отъ себя, велѣлъ обѣдъ подавать.

Поѣлъ Михайлъ Семенычъ студню, пирога, щей со свининой, поросенка жаренаго, лапши молочной, выпилъ наливки вишневой, закусилъ сладкимъ широгомъ, позвалъ кухарку, посадилъ ее пѣсни играть, а самъ взялъ гитару и сталъ подыгрывать.

Сидитъ Михайлъ Семенычъ съ веселымъ духомъ, отрыгивается, на струнахъ перебираетъ и съ кухаркою смѣется. Вошелъ староста, поклонился и сталъ докладывать, что на полѣ видѣлъ.

— Ну что, пашутъ? Допашутъ урокъ?

— Ужь больше половины вспахали.

— Огрѣховъ нѣтъ?

— Не видалъ, хорошо пашутъ, боятся.

— А что, разборка земли хороша?

— Разборка земли мягкая, какъ макъ разсыпается.

Помолчалъ приказчикъ.

— Ну, а что про меня говорятъ, — ругаютъ?

Замаялся было староста, да велѣлъ Михаилъ Семенычъ всю правду говорить.

— Все говори, ты не свои слова, а ихнія говорить будешь. Правду скажешь, я тебя награжу, а покроешь ихъ, не взыщи, выпорю. Эй, Катюша, подай ему водки стаканъ для смѣлости.

Пошла кухарка, поднесла старостѣ. Поздравилъ староста, вышилъ, обтерся и сталъ говорить. «Все одно, думать, не моя вина, что не хвалятъ его; скажу правду, коли онъ велить». И осмѣлился староста и сталъ говорить:

— Ропщутъ, Михаилъ Семенычъ, ропщутъ.

— Да что говорятъ? Сказывай.

— Одно говорятъ: Онъ Богу не вѣруетъ.

Засмѣялся приказчикъ.

— Это, говорить, кто сказалъ?

— Да всѣ говорятъ. Говорятъ, онъ, моль, нечистому покорился.

Смѣется приказчикъ.

— Это, говорить, хорошо. Да ты порознь Расскажи, что кто говорить. Васька что говорить?

Не хотѣлось старостѣ сказывать на своихъ, да съ Василиемъ у нихъ давно вражда шла.

— Василий, говорить, пуще всѣхъ ругаетъ.

— Да что говорить-то? Ты сказывай.

— Да и сказать страшно. Не миновать, говорить, ему безпокаянной смерти.

— Ай, молодець! говорить. Что-жь онъ зѣваетъ-то, не убиваетъ? Видно, руки не доходятъ? Ладно, говорить, Васька, посчитаемся мы съ тобой. Ну, а Тишка — собака тоже, я чай?

— Да всѣ худо говорятъ.

— Да что говорятъ-то?

— Да повторять-то гнустно.

— Да что гнустно-то? Ты не робѣй сказывать.

— Да, говорятъ, чтобы у него пузо лопнуло и утроба вытекла.

Обрадовался Михайль Семенычъ, захохоталъ даже.

— Посмотримъ, у кого прежде вытечетъ. Это кто-же? Тишка?

— Да никто добраго не сказалъ, всѣ ругаютъ, всѣ грозятся.

— Ну, а Петрушка Михеевъ что? что онъ говорить? Тоже, говнякъ, ругается, я чай.

— Нѣтъ, Михайло Семенычъ, Петра не ругается.

— Что жъ онъ!

— Да онъ изъ всѣхъ мужиковъ одинъ ничего не говорилъ. И мудреннѣйшій мужикъ! Подивился я на него, Михайль Семенычъ!

— А что?

— Да что онъ сдѣлалъ! И всѣ мужики дивятся.

— Да что сдѣлалъ-то?

— Да ужъ чудно очень. Сталъ я подѣвзгать къ нему.

Онъ на косой десятинѣ у Туркина верха пашеть. Сталъ я подѣвзгать къ нему, слышу — поетъ кто-то, выводитъ тонько, хорошо такъ, а на сохѣ промежь обжей что-то свѣтится.

— Ну?

— Свѣтится, ровно огонекъ. Подѣхалъ ближе, смотрю — свѣчка восковая 5-тикопеечная приклеена къ распоркѣ и горитъ, и вѣтромъ не задуваетъ. А онъ въ новой рубахѣ ходить, пашеть и поетъ стихи воскресные. И заворачиваетъ и отряхаетъ, а свѣчка не тухнетъ. Отряхнулъ онъ при мнѣ, переложилъ палицу, завелъ соху, все свѣчка горитъ, не тухнетъ!

— А сказалъ что?

— Да ничего не сказалъ. Только увидаль меня, похристосовался и заплѣлъ опять.

— Что же говорилъ ты съ нимъ?

— Я не говорилъ, а подошли тутъ мужики, стали ему смѣяться: вонъ, говорятъ. Михеичъ ввѣкъ грѣха не стмолить, что онъ на Святой пахаль.

— Что жъ онъ сказалъ?

— Да онъ только сказалъ: «на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!» онять взялся за соху, тронулъ лошадь и заплѣлъ тонкимъ голосомъ, а свѣчка горитъ и не тухнетъ.

Перестальсмѣяться приказчикъ, поставилъ гитару, опустилъ голову и задумался.

Посидѣлъ, посидѣлъ, прогналъ кухарку, старосту и пошелъ за занавѣсъ, легъ на постель и сталъ вздыхать, сталъ стонать, ровно возъ со снопами ѣдетъ. Пришла къ нему жена, стала его разговаривать; не далъ ей отвѣта. Только и сказалъ:

— Побѣдилъ онъ меня! Дошло теперь и до меня!

Стала его жена угаваривать:

— Да ты поѣзжай, отпусти ихъ. А вось, ничего! Какія дѣла дѣлалъ, не боялся, а теперь чего жъ такъ оробѣлъ?

— Пропалъ я, говоритъ, побѣдилъ онъ меня.

Крикнула на него жена.

— Заладилъ одно: «побѣдилъ, побѣдилъ». Поѣзжай, отпусти мужиковъ, вотъ и хорошо будетъ.. Поѣзжай, я велю лошадь осѣдлать.

Привели лошадь, и уговорила приказчица мужа ѣхать въ поле отпустить мужиковъ.

Сѣлъ Михаилъ Семенычъ на лошадь и поѣхалъ въ полѣ. Выѣхалъ въ околицу, отворила ему ворота баба, въѣхалъ въ деревню. Какъ только увизалъ народъ приказчика, похоронились все отъ него, кто во дворъ, кто за уголъ, кто на огороды.

Проѣхалъ всю деревню приказчикъ, подѣхалъ къ выѣзднымъ воротамъ. Ворота заперты, а самъ съ лошади отворить не можетъ. Покликалъ, покликалъ приказчикъ, чтобы ему отворили, никого не докликался. Слѣзъ самъ съ коня, отворилъ ворота и сталъ въ воротникахъ опять садиться. Вложилъ ногу въ стремя, поднялся, хотѣлъ на сѣдло перекинуться, да испугалась лошадь свиньи, шархнулась въ частоколь, а человекъ былъ грузный, не попалъ на сѣдло, а перевалился пузомъ на частоколь. Одинъ былъ въ частоколѣ коль, заостренный съ верху, да и выше другихъ. И попалъ онъ пузомъ прямо на этотъ коль. И пропоровъ себѣ брюхо, свалился наземь.

Приѣхали мужики съ пахоты. фыркають, нейдутъ ло-

шади въ ворота. Поглядѣли мужики — лежитъ навзничъ Михайль Семенычъ, руки раскинулъ, и глаза остановились, и нутро все на землю вытекло, и кровь лужей стоять, — земля не впитала.

Испугались мужики, повели лошадей задами, одинъ Петръ Михенчъ слѣзъ, подошелъ къ приказчику, увидалъ, что померъ, закрылъ ему глаза, запрягъ телѣгу, взвалилъ съ сыномъ мертваго въ ящикъ и свезъ къ барскому дому.

Узналъ про всѣ дѣла баринъ и отъ грѣха отпустилъ мужиковъ на оброкъ.

И поняли мужики, что не въ грѣхѣ, а въ добрѣ сила Божія.

1885 г.

КАКЪ ЧЕРТЕНОКЪ КРАЮШКУ ВЫКУПАЛЪ.

Выѣхалъ бѣдный мужикъ пахать, не завтракавши, и взялъ съ собою изъ дома краюшку хлѣба. Перевернулъ мужикъ соху, отвязалъ сволока, положилъ подъ кустъ; тутъ же положилъ краюшку хлѣба и накрылъ кафтаномъ. Уморилась лошадь и проголодался мужикъ. Воткнулъ мужикъ соху, отпрягъ лошадь, пустилъ ее кормиться, а самъ пошелъ къ кафтану пообѣдать. Поднялъ мужикъ кафтанъ — нѣтъ краюшки; поискалъ, повертѣлъ кафтанъ, потрясъ — нѣтъ краюшки. Удивился мужикъ. «Чудное дѣло, думаетъ. Не видалъ никого, а унесъ кто-то краюшку». А это чертенокъ, пока мужикъ пахалъ, утащилъ краюшку и сѣлъ зъ кустомъ послушать, какъ будетъ мужикъ ругаться, его, чорта, поминать.

Потужилъ мужикъ.

«Ну, да, говорить, не умру съ голоду! Видно, тому нужно было, кто ее унесъ. Пускай ѣсть на здоровье!»

И пошелъ мужикъ къ колодцу, напился воды, отдохнулъ, поймалъ лошада, запрягъ и сталъ опять пахать.

Смутился чертенокъ, что не навелъ мужика на грѣхъ, и пошелъ сказаться на большему чорту. Явился къ на большему и рассказалъ, какъ онъ у мужика краюшку унесъ, а мужикъ замѣсто того, чтобы выругаться, сказалъ: «на здоровье!» Разсердился на больший дьяволъ. «Колн, говорить, мужикъ въ этомъ дѣлѣ верха надъ собою взялъ, ты самъ въ этомъ виноватъ: не умѣлъ. Если, говорить, мужики, а за ними и бабы такую повадку возьмутъ, намъ уже не при чемъ жить станеть. Нельзя этого дѣла такъ оставитъ! Ступай, говорить, опять къ мужику, заслужи эту краюшку. Если ты въ три года сроку не возьмешь верха надъ мужикомъ, я тебя въ святой водѣ выкупаю!»

Испугался чертенокъ, побѣжалъ на землю, сталъ придумывать, какъ свою вину заслужитъ. Думалъ и придумалъ. Обернулся чертенокъ добрымъ человѣкомъ и пошелъ къ бѣдному мужику въ работники. И научилъ онъ мужика въ сухое лѣто посѣять хлѣбъ въ болотѣ. Послушался мужикъ работника, посѣялъ въ болотѣ. У другихъ мужиковъ все солнцемъ сожгло, а у бѣднаго мужика выросъ хлѣбъ густой, высокій, колосистый. Прокормился мужикъ до нови, и осталось еще много хлѣба. На лѣто научилъ работникъ мужика посѣять хлѣбъ на горахъ. И выпало дождливое лѣто. У людей хлѣбъ повалился, попрѣлъ и зерна не налило, а у мужика на горахъ обломный хлѣбъ уродился. Осталось у мужика еще больше лишняго хлѣба. **И не знаетъ мужикъ, что съ нимъ дѣлать.**

И научилъ работникъ мужика затереть хлѣбъ и вино курить. Накурилъ мужикъ вина, сталъ самъ пить и другихъ поить. Пришелъ чертенокъ къ набольшему и сталъ хвалиться, что заслужилъ краюшку. Пошелъ набольшій посмотреть.

Пришелъ къ мужику, видитъ — созвалъ мужикъ богачей, виномъ ихъ угощаетъ. Подносить хозяйка вино гостямъ. Только стала обходить, зацѣпилась за столъ, пролила стаканъ. Разсердился мужикъ, разбранилъ жену: «Ишь, говорить, чортова душа! развѣ это помои, что ты, косолопая, такое добро наземь льешь?»

Толкнулъ чертенокъ набольнаго локтемъ: «Примѣчай, говорить, какъ онъ теперь не пожалѣетъ краюшки».

Разбранилъ хозяинъ жену, сталъ самъ подносить. Приходить съ работы бѣдный мужикъ, незванный; поздоровался (присѣлъ, видитъ — люди вино пьютъ; захотѣлось и ему съ устали винца выпить. Сидѣль-сидѣль, глотал-глоталъ слюну, — не поднесъ ему хозяинъ; только про себя пробормоталъ: «Развѣ на всѣхъ васъ вина напасешься!»

Понравилось и это набольшему чорту. А чертенокъ хвалится: «Погоди, то ли еще будетъ».

Выпили богатые мужики, выпилъ и хозяинъ. Стали они всѣ другъ къ дружкѣ подольщаться, другъ дружку хвалить и масляныя обложныя рѣчи говорить. Послушалъ, послушалъ набольшій, — похвалилъ и за это. «Коли, говорить, отъ этого питья такъ лисить будутъ да другъ дружку обманывать, они у насъ всѣ въ рукахъ будутъ». — «Погоди, — говорить чертенокъ, — что дальше будетъ; дай они по другому стаканчику выпьютъ. Теперь они,

как лисицы, другъ передъ дружкой хвостами виляютъ, другъ дружку обмануть хотятъ, а погляди, сейчасъ какъ волки злые сдѣлаются».

Выпили мужики по другому стаканчику, стала у нихъ рѣчь погромче и погрубѣе. Въмѣсто масляныхъ рѣчей стали они ругаться, стали другъ на друга обозляться, сдѣпились драться, исколунали другъ дружкѣ носы. Взязался въ драку и хозяинъ, избилъ и его.

Поглядѣлъ наибольшій, и понравилось ему и это. «Это, говоритъ, хорошо». А чертенокъ говоритъ: «Погоди, то ли еще будетъ! Дай они выпьютъ по третьему. Теперь они какъ волки остервенились, а дай срокъ, по третьему выпьютъ, сейчасъ какъ свиньи сдѣлаются».

Выпили мужики по третьему. Разсолодѣли совсѣмъ. Бормочутъ, кричатъ, сами не знаютъ что, и другъ дружку не слушаютъ. Пошли расходиться — кто порознь, кто вдвое, кто по-трое — повалились всѣ по улицамъ. Вышелъ провожать гостей хозяинъ, упалъ носомъ въ лужу, измазался весь, лежитъ какъ боровъ хрюкаетъ.

Еще пуще понравилось это наибольшему. «Ну, говоритъ, хорошее питье ты выдумалъ, заслужилъ краюшку. Скажи жъ ты мнѣ, говоритъ, какъ ты это питье сдѣлалъ? Не иначе ты сдѣлалъ, какъ напустилъ туда сперва лисей крови: отъ нея-то мужикъ хитрый какъ лисица сдѣлался. А потомъ — вольчей крови: отъ нея-то онъ обозлился какъ волкъ. А подъ конецъ подпустилъ ты, видно, свиной крови: отъ нея-то онъ свиной сталъ».

— Нѣтъ, — говоритъ чертенокъ, — я не такъ сдѣлалъ. Я ему всего только и сдѣлалъ, что хлѣба лишняго

зародилъ. Она, эта кровь звѣриная, всегда въ немъ живеть, да ей ходу нѣтъ, когда хлѣба съ нужду рожается. Тогда онъ и послѣдней краюшки не жалѣлъ, а какъ стали лишки отъ хлѣба оставаться, сталъ онъ придумывать, какъ бы себя потѣшить. И научилъ я его потѣхи — вино пить. А какъ сталъ онъ Божій даръ въ вино курить для своей потѣхи, поднялась въ немъ и лисья, и волчья, и свиная кровь. Теперь только бы вино пить, всегда звѣремъ будетъ.

Похвалилъ наибольшій чертенка, простилъ его за краюшку хлѣба и у себя въ старшихъ поставилъ.

МНОГО ЛИ ЧЕЛОВѢКУ ЗЕМЛИ НУЖНО.

1.

Пріѣхала изъ города старшая сестра къ меньшей въ деревню. Старшая за купцомъ была въ городѣ, а меньшая за мужикомъ въ деревнѣ. Пьютъ чай сестры, разговариваютъ. Стала старшая сестра чваниться — свою жизнь въ городѣ выхваливать: какъ она въ городѣ просторно и чисто живетъ и ходитъ, какъ она дѣтей наряжаетъ, какъ она сладко ѣсть и пьетъ и какъ на катанья, гулянья и въ театры ѣздитъ.

Обидно стало меньшей сестрѣ, и стала она купеческую жизнь унижать, а свою крестьянскую возвышать.

— Не промѣняю я, говорить, своего житья на твое. Даромъ что сѣро живемъ да страху не знаемъ. Вы и почище живете, да либо много наторгуете, либо вовсе проторгуетесь. И пословица живетъ: барышу накладъ — большой братъ. Бываетъ и то: нынче богатъ, а завтра подъ окнами находишься. А наше мужицкое дѣло вѣрнѣе: у мужика животъ тонокъ, да дологъ, богаты не будемъ, да сыты будемъ.

Стала старшая сестра говорить: «Сытость-то какая, — со свиньями да съ телятами! Ни убранства, ни обращенья! Какъ ни трудись твой хозяинъ, какъ живете въ навозѣ, такъ и помрете, и дѣтямъ то же будетъ.

— А что жъ, — говоритъ меньшая, — наше дѣло такое. Зато твердо живемъ, никому не кланяемся, никого не боимся. А вы въ городѣ всё въ соблазнахъ живете; нынче хорошо, а завтра подвернется нечистый, — глядь, я соблазнить хозяина твоего либо на карты, либо на вино, либо на краблю какую и пойтеть все прахомъ. Развѣ не бываетъ?

Слушалъ Пахомъ-хозяинъ на печи, что бабы балакаютъ. «Правда это, говорить, истинная. Какъ нашъ братъ сызмальства ее, землю-матушку, переворачиваетъ, такъ дурь-то въ голову и не поидеть. Одно горе — земли мало!

А будь земли вволю, такъ я никого, и самого чорта не боюсь!»

Отпили бабы чай, побалакали еще о нарядахъ, убрали посуду и легли спать.

А чортъ за печкой сидѣлъ, все слышалъ. Обрадовался онъ, что крестьянская жена на похвальбу мужа навела: похваляется, что, была бъ у него земля, его и чортъ не возьметъ.

«Тадно, думаетъ, поспоримъ мы съ тобой; я тебѣ земли много дамъ. Землей тебя и возьму».

2.

Жила рядомъ съ мужиками барынька небольшая. Было у нея 120 десятинъ земли. И жила прежде съ мужи-

ками смирно — не обижала. Да нанялся къ ней солдатъ отставной въ приказчики и сталъ донимать мужикомъ штрафами. Какъ ни бережется Пахомъ, а либо лошадь въ овсы забѣжитъ, либо корова въ садъ забредеть, либо телята въ луга уйдутъ, — за все штрафъ.

Расплачивается Пахомъ и домашнихъ ругаетъ и бьетъ. И много грѣха отъ этого приказчика принялъ за лѣто Пахомъ. Ужъ и радъ былъ, что скотина на дворъ стала, хоть и жалко корму, да страху нѣтъ.

Прошелъ зимой слухъ, что продастъ барыня землю и что ладить купить ее дворникъ съ большой дороги. Услыхали мужики, ахнули. «Ну, думаютъ, достанется земля дворнику, замучаетъ штрафами хуже барыни. Намъ безъ этой земли жить нельзя, мы всё у нея въ кругу». Пришли мужики къ барынѣ міромъ, стали просить, чтобъ не продавала дворнику, а имъ отдала. Обѣщали дорожке заплатить.

Согласилась барыня. Стали мужики ладить міромъ всю землю купить; сбিরались и разъ и два на сходки — не сошлось дѣло. Разбиваетъ ихъ нечистый, никакъ не могутъ согласиться. И порѣшили мужики порознь покупать, сколько кто осилитъ. Согласилась и на это барыня. Услыхалъ Пахомъ, что купилъ у барыни 20 десятинъ сосѣдъ и она ему половину денегъ на года разерочила. Завидно стало Пахому: «раскупятъ, думаетъ, всю землю, останусь я ни при чемъ». Сталъ съ женой совѣтоваться.

— Люди покупаютъ, надо, говорить, и намъ купить десятинъ десятокъ. А то жить нельзя: одолѣлъ приказчикъ штрафами.

Обдумали, какъ купить. Было у нихъ отложено сто рублей, да жеребенка продали, да пчелъ половину, да сы-

на заложили въ работники, да еще у свояка занялъ, и набралось половина денегъ.

Собралъ Пахомъ деньги, облюбовалъ землю, 15 десятинъ съ лѣсочкомъ, и пошелъ къ барынѣ торговаться. Выторговалъ 15 десятинъ, ударилъ по рукамъ и задатокъ далъ. Поѣхали въ городъ, купчую закрѣпили, деньги половину отдалъ, остальные въ два года обязался выплатить.

И сталъ Пахомъ съ землей. Занялъ Пахомъ сѣмянъ, посѣялъ покупную землю; родилось хорошо. Въ одинъ годъ выплатилъ долгъ и барынѣ и свояку. И сталъ Пахомъ помѣщикомъ: свою землю пахалъ и сѣялъ, на своей землѣ сѣно косилъ, со своей земли колья рубилъ и на своей землѣ скотину кормилъ. Выѣдетъ Пахомъ на свою вѣчную землю пахать или придетъ всходы и луга посмотрѣть, — не на радуется. И трава-то, ему кажется, растетъ, и цвѣты-то цвѣтутъ на ней совсѣмъ иные. Бывало, проѣзжалъ по этой землѣ — земля какъ земля, а теперь совсѣмъ земля особенная стала.

3.

Живеть такъ Пахомъ, радуется. Все бы хорошо, только стали мужики у Пахома хлѣбъ и луга травить. Честью просилъ, все не унимаются: то пастухи упустьятъ коровъ въ луга, то лошади изъ ночного на хлѣба зайдутъ. И стогнялъ Пахомъ и прощалъ, все не судился, потомъ наскучило, сталъ въ волостное жаловаться. И знаетъ, что отъ тѣсноты, а не съ умысломъ дѣлаютъ мужики, а думаетъ: «нельзя же и спускать, этакъ они все выправятъ. Надо поучить».

Поучилъ такъ судомъ разъ, поучилъ другой, општрафовали одного, другого. Стали мужики-сосѣди на Пахома сердце держать; стали другой разъ и нарочно травить. Забрался какой-то ночью въ лѣсокъ, десятокъ липокъ на лыки срѣзалъ. Проѣхалъ по лѣсу Пахомъ, — глядь, бѣлѣется. Подѣхалъ — лутошки брошены лежать, и пенушки торчатъ. Хоть бы изъ куста крайнія срѣзалъ, одну оставилъ, а то подъ рядъ злодѣй всѣ счистилъ. Обозлился Пахомъ. «Ахъ, думаетъ, вызнатъ бы, что это сдѣлалъ; ужъ я бы ему выместилъ. Думалъ, думалъ, кто: «больше некому, думаетъ, какъ Семкѣ». Пошелъ къ Семкѣ на дворъ искать, ничего не нашелъ, только поругалнѣ. И еще больше увѣрился Пахомъ, что Семень сдѣлалъ. Подалъ прошеніе. Вызвали на судъ. Судили, судили — оправдали мужика: уликъ нѣтъ. Еще пуще обидѣлся Пахомъ; со старшиной и судьями разругался. «Вы, говорить, воровъ руку тянете. Кабы сами по правдѣ жили, не оправляли бы воровъ». Поссорился Пахомъ и съ судьями и съ сосѣдями. Стали ему и краснымъ пѣтухомъ грозиться. Стало Пахому въ землѣ жить просторнѣй, а въ міру тѣснѣй.

И прошелъ въ то время слухъ, что идетъ народъ на новыя мѣста. И думаетъ Пахомъ: «Самому мнѣ отъ своей земли идти не зачѣмъ, вотъ кабы изъ нашихъ кто пошли, у насъ бы просторнѣе стало. Я бы ихъ землю на себя взялъ, себѣ въ кругъ пригналъ; житье бы лучше стало. А то все тѣснота».

Сидитъ разъ Пахомъ дома, заходитъ мужикъ проходжій. Пустили ночевать мужика, покормили, разговорились, — откуда, моль, Богъ несетъ? Говоритъ мужикъ, кто идетъ снизу, изъ-за Волги, тамъ въ работѣ былъ. Слово за слово, рассказываетъ мужикъ, какъ туда народъ селиться идетъ. Рассказываетъ: поселились тамъ ихніе, приписа-

лись въ общество, и нарѣзали имъ по десять десятинъ на душу. А земля такая, говоритъ, что посѣяли ржи, такъ солома — лошади не видать, а густая, что горстей пять — и снопъ. Одинъ мужикъ, говоритъ, совсѣмъ бѣдный, съ однѣми руками пришелъ, а теперь шесть лошадей, двѣ коровы.

Разгорѣлось у Пахома сердце. Думаетъ: «что жъ тутъ въ тѣснотѣ бѣдствовать, коли можно хорошо жить. Продамъ здѣсь и землю и дворъ: тамъ я на эти деньги выстроюся и заведеніе все заведу. А здѣсь въ этой тѣснотѣ — грѣхъ одинъ. Только самому все путемъ вызнать надо.

Собрался на лѣто, пошелъ. До Самары плыль по Волгѣ внизъ на парадѣ, потомъ пѣшій версть 400 прошелъ. Дошелъ до мѣста. Все такъ точно. Живутъ мужики просто, по 10 десятинъ земли на душу нарѣзано, и принимаютъ въ общество съ охотою. А коли кто съ денежками, покупай, кромѣ надѣльной, въ вѣчную, сколько хочешь, по три рубля самой первой земли; сколько хочешь, купить можно!

Разузналъ все Пахомъ, вернулся къ осени домой, сталъ все распродавать. Продавъ землю съ барышомъ, продалъ дворъ свой, продалъ скотину всю, выписался изъ общества дождался весны и поѣхалъ съ семьей на новыя мѣста.

4.

Приѣхалъ Пахомъ на новыя мѣста съ семействомъ, приписался въ большое село въ общество. Пополъ стариковъ, бумаги всеъ выправилъ. Приняли Пахома, нарѣ-

зали ему на 5 душъ надѣльной земли 50 десятинъ въ разныхъ поляхъ, кромѣ выгона. Построился Пахомъ, скотину завелъ. Земли у него одной душевной противъ прежняго втрое стало. И земля хлѣбородная. Житье противъ того, что на старинѣ было, вдесятеро лучше. И пахотной земли и кормовъ вволю. Скотины сколько хочешь держи.

Сначала, покуда строился да заводился, хорошо показалось Пахому, да обжился — и на этой землѣ тѣсно показалось. Посѣялъ первый годъ Пахомъ пшеницу на душевой, — хороша уродилась. Разохотился онъ пшеницу сѣять, а душевой земли мало. И какая есть не годится. Пшеницу тамъ на ковыльной или залежной землѣ сѣють. Посѣють годъ-два и запускають, пока опять ковылемъ прорастетъ. А на такую землю охотниковъ много, на всѣхъ и не хватаетъ. То-же изъ-за нея споры: побогаче кто — хотятъ сами сѣять, а бѣдняки отдають купцамъ за подати. Захотѣлъ Пахомъ побольше посѣять. Поѣхалъ на другой годъ къ купцу, купилъ земли на годъ. Посѣялъ побольше — родилось хорошо; да далеко отъ села: версть за 15 возить надо. Видить — въ округѣ купцы-мужики хуторами живутъ, богатѣють. «То ли дѣло, — думаетъ Пахомъ, — коли бы тоже въ вѣчность землицы купить да построить хуторъ. Все бы въ кругу было». И сталъ подумывать Пахомъ, какъ бы землю въ вѣчность купить.

Прожилъ такъ Пахомъ три года. Снималъ землю, пшеницу сѣялъ. Года вышли хорошіе, и пшеница хороша рожалась, и деньги залежныя завелись. Жить бы да жить, да скучно показалось Пахому каждый годъ въ людяхъ землю покупать, изъ-за земли воловодиться: гдѣ хорошенькая земляца есть, сейчасъ налетятъ мужики, всю разберутъ; не успѣлъ укунить и не на чемъ сѣять. А то купилъ на 3-й годъ съ купцомъ по полямъ выгонъ у мужи-

комъ, и вспахали ужъ, да судились мужики, такъ и пропала работа. «Кабы своя земля была, думаетъ, никому бы не кланялся, и грѣха бы не было».

И сталъ Пахомъ разузнавать, гдѣ купить земли въ вѣчность. И попалъ на мужика. Были куплены у мужика 500 десятинъ, да разорился онъ и продаетъ задешево. Сталъ Пахомъ ладить съ нимъ. Толковалъ, толковалъ — сладился за 1.000 руб., половину денегъ обождалъ. Совсѣмъ ужъ было поладили, да заѣзжаетъ разъ къ Пахому купецъ проѣзжій на дворъ покормить. Попили чайку, поговорили. Рассказываетъ купецъ, что ѣдетъ онъ изъ дальнихъ башкиръ. Тамъ, рассказываетъ, купилъ у башкирцевъ земли тысячь пять десятинъ. И стало всего тысячу рублей. Сталъ спрашивать Пахомъ. Рассказалъ купецъ. «Только, говоритъ, стариковъ убоготворилъ. Халатовъ, ковровъ раздарилъ рублей на 100, да цыбикъ чаю, да попилъ винцомъ, кто пьетъ, и по 20 коп. за десятину взялъ». Показываетъ купчую. «Земля, говоритъ, по рѣчкѣ, и степь вся ковыльная». Сталъ спрашивать Пахомъ, какъ и что. Земля, — говоритъ купецъ, — тамъ не обойдешъ и въ годъ: все башкирская. А народъ несмышленный, какъ бараны. Можно почти даромъ взять». — «Ну, — думаетъ Пахомъ. — что-жъ мнѣ за мои 1.000 р. 500 десятинъ купить да еще долгъ на шею забрать. А тутъ я за 1.000 рублей чѣмъ завладѣю!»

5.

Разспросилъ Пахомъ, какъ проѣхать, и только проводилъ купца, собрался самъ ѣхать. Оставивъ домъ на жену, самъ собрался съ работникомъ, поѣхалъ. Заѣхали въ городъ, купили чаю цыбикъ, подарковъ, вина, — все, какъ

купецъ сказалъ. Ъхали, ѡхали, версть 500 отъѡхали. На седьмыя сутки пріѡхали на башкарскую ковечку. Все такъ, какъ купецъ говорилъ. Живутъ все въ степи, надъ рѣчкой, въ кибиткахъ войлочныхъ. Сами не пашутъ и хлѣба не ѣдятъ. А въ степи скотина ходитъ и лошади косяками. За кибитками жеребята привязаны, и къ нимъ два раза въ день матокъ пригоняютъ; кобылье молоко доятъ и изъ него кумысъ дѣлаютъ. Бабы кумысъ болтаютъ и сыръ дѣлаютъ, а мужики только и знаютъ — кумысъ и чай пьютъ, баранину ѣдятъ да на дудкахъ играютъ. Гладкіе все, веселые, все лѣто празднуютъ. Народъ всеѣмъ темный и по-русски не знаетъ, а ласковый.

Только увидали Пахома, повышли изъ кибитокъ башкирцы, обступили гостя. Нашелся переводчикъ. Сказалъ ему Пахомъ, что онъ объ землѣ пріѡхалъ. Обрадовались башкирцы, подхватили Пахома, свели его въ кибитку хорошую, посадили на ковры, подложили подъ него подушекъ пуховыхъ, сѣли кругомъ, стали угощать чаемъ, кумысомъ. Барана зарѣзали и бараниной накормили. Досталъ Пахомъ изъ тарантаса подарки, сталъ башкирцамъ раздавать. Одарилъ Пахомъ башкирцевъ подарками и чай раздѣлилъ. Обрадовались башкирцы. Лопотали, лопотали промежъ себя, потомъ велѣли переводчику говорить.

— Велятъ тебѣ сказать, — говоритъ переводчикъ, — что они полюбили тебя и что у насъ обычай такой — гостю всякое удовольствіе дѣлать и за подарки отдаривать. Ты насъ одарилъ; теперь скажи, что тебѣ изъ нашего полюбится, чтобы тебя отдарить?

— Полюбилась мнѣ, — говоритъ Пахомъ, — больше всего у васъ земля. У насъ, говоритъ, въ землѣ тѣснота, да и земля выпаханная, а у васъ земли много и земля хороша. Я такой и не видалъ.

Передавалъ переводчикъ. Поговорили, поговорили башкирцы. Не понимаетъ Пахомъ, что они говорятъ, а видитъ, что веселы, кричатъ что-то, смѣются. Затихли потомъ, смотрятъ на Пахома, а переводчикъ говоритъ: «Велятъ, говорить, они тебѣ сказать, что за твое добро рады тебѣ сколько хочешь земли отдать. Только рукой покажи какую — твоя будетъ».

Поговорили они еще и что-то спорить стали. И спросилъ Пахомъ, о чемъ спорять. И сказалъ переводчикъ: «Говорятъ одни, что надо объ землѣ старшину спросить, а безъ него нельзя. А другіе говорятъ, и безъ него можно».

6.

Спорять башкирцы, вдругъ идетъ человекъ въ шапкѣ лисьей. Замолчали все и встали. И говоритъ переводчикъ: «Это старшина самый». Сейчас досталъ Пахомъ лучшей халатъ и поднесъ старшинѣ и еще чаю 5 фунтовъ. Принялъ старшина и сѣлъ на первое мѣсто. И сейчасъ стали говорить ему что-то башкирцы. Слушалъ, слушалъ старшина, кивнулъ головой, чтобъ они замолчали, и сталъ говорить Пахому по-русски.

— Что жъ, говорить, можно. Берн, гдѣ полюбится. Земли много.

«Какъ же я возьму, сколько хочу, — думаетъ Пахомъ. — Надо же какъ ни есть закрѣпить. А то скажутъ твоя, а потомъ отнять».

— Благодаримъ васъ, говорить, на добромъ словѣ. Земли вѣдь у васъ много; а мнѣ немножко надо. Только бы мнѣ знать, какая моя будет. Ужъ какъ-нибудь все-таки отмѣрить и закрѣпить за мной надо. А то въ смерти-животѣ Богъ воленъ. Вы, добрые люди, даете, а придется — дѣти ваши отнять.

— Правда твоя, — говорить старшина, — закрѣпить можно.

Сталь Пахомъ говорить: «Я вотъ слышалъ, у васъ купецъ былъ. Вы ему тоже землицы подарили и купчую сдѣлали; такъ и мнѣ бы тоже».

Все понялъ старшина.

— Это все можно, говорить. У насъ и писарь есть, и въ городъ поѣдемъ, и всѣ печати приложимъ.

— А цѣна какая будетъ? — говорить Пахомъ.

— Цѣна у насъ одна: 1.000 руб. за день.

Не понялъ Пахомъ. — Какая же это мѣра — день? Сколько въ ней десятинь. будетъ?

— Мы этого, говорить, не умѣемъ считать. А мы за день продаемъ; сколько обойдешь въ день, то и твое, а цѣна дню 1.000 рублей.

Удивился Пахомъ. — Да вѣдь это, говорить, въ день обойти, земли много будетъ.

Засмѣялся старшина. — Вся твоя! говорить. Только одинъ уговоръ: если назадъ не придешь въ день къ тому мѣсту, съ какого возьмешься, пропали твои деньги.

— А какъ же, — говорить Пахомъ, — отмѣтить, гдѣ я пройду?

— А мы станемъ на мѣсто, гдѣ ты облюбуйешь, мы стоять будемъ, а ты иди, дѣлай кругъ; а съ собой скребку возьми и, гдѣ надобно, замѣчай, на углахъ ямки рой, дернички клади, потомъ съ ямки на ямку плугомъ пройдемъ. Какой хочешь кругъ забирай, только до захода солнца приходи къ тому мѣсту, съ какого взялся. Что обойдешь, все твое.

Обрадовался Пахомъ. Порѣшили наранѣ выѣзжать. Потолковали, попили еще кумысу, баранины поѣли, еще чаю напились; стало дѣло къ ночи. Уложили Пахома спать на пуховикѣ, и разошлись башкирцы. Обѣщались завтра на зорькѣ собраться, до солнца на мѣсто выѣхать.

7.

Легъ Пахомъ на пуховики и не спится ему, все про землю думаетъ. «Отхвачу, думаетъ, палестину большую. Версть 50 обойду въ день-то. День-то нынче что годъ; въ 50 верстахъ будетъ земли-то что! Какую похуже — продамъ или мужикомъ пущу, а любенькую отберу, самъ на ней сяду. Плуга два быковъ заведу, человекъ два работниковъ принайму: десятинокъ полсотни пахать буду, а на остальной скотину нагуливать стану».

Не заснулъ всю ночь Пахомъ. Предъ зарей только забылся. Только забылся и видитъ онъ сонъ. Видитъ онъ, что лежитъ будто онъ въ этой самой кибиткѣ и слышитъ наружи гогочеть кто-то. И будто захотѣлось ему посмотреть, кто такой смѣется, и всталъ онъ вышелъ изъ ки-

битки и видить — сидитъ тотъ самый старшина башкирскій предъ кибиткой, за животъ ухватился обѣими руками, закатывается, гогочетъ на что-то. Подошелъ онъ и спросилъ: «чему смѣешься?» И видить онъ, будто это не старшина башкирскій, а купецъ наемдиншій, что къ нимъ заѣзжалъ, объ землѣ рассказывалъ. И только спросилъ у купца: «ты давно ли тутъ?» а это уже и не купецъ, а тотъ самый мужикъ, что на старпийъ снизу заходилъ. И видить Пахомъ, что будто и не мужикъ это, а самъ дьяволъ, съ рогами и съ копытами, сидитъ, хохочетъ, а передъ нимъ лежитъ человѣкъ босикомъ, въ рубахѣ и порткахъ. И будто поглядѣлъ Пахомъ пристальнѣй, что за человѣкъ такой? И видить, что человѣкъ мертвый и что это — онъ самъ. Ужаснулся Пахомъ и проснулся. Проснулся, — «чего не приснится!» думаетъ. Оглядѣлся; видить въ открытую дверь — ужъ бѣло становится, свѣтать начинается. «Надо, думаетъ, будить народъ, пора ѣхать». Поднялся Пахомъ, разбудилъ работника въ тарантасѣ, велѣлъ запрягать и пошелъ башкирцевъ будить. «Пора, говорить, на степь ѣхать, отмѣрять». Повставали башкирцы, собрались все, и старшина пришелъ. Зачали башкирцы опять кумысъ пить, хотѣли Пахома угостить чаемъ, да не сталъ онъ дожидаться. «Коли ѣхать, такъ ѣхать, говорить, пора».

8.

Собрались башкирцы, сѣли — кто верхами, кто въ тарантасы, поѣхали. А Пахомъ съ работникомъ на своемъ тарантасикѣ поѣхали и съ собой скребку взяли. Приѣхали

въ степь, заря занимается. Възѣхали на бугорокъ, побашкирски — на пинахъ. Вылѣзли изъ таранасовъ, послазали съ лошадей, сошлись въ кучку. Подошелъ старшина къ Пахому, показалъ рукой.

— Вотъ, говорить, вся наша, что глазомъ окинешь. Выбирай любую.

Разгорѣлись глаза у Пахома: земля свя ковыльная, ровная какъ ладонь, черная какъ макъ, а гдѣ лощина — такъ разнотравье, трава по груди.

Снялъ старшина шапку лисью, поставилъ на землю.

— Вотъ, говорить, мѣтка будетъ. Отсюда поди, сюда приходи. Что обойдешъ, все твое будетъ.

Вынулъ Пахомъ деньги, положилъ на шапку, снялъ кафтанъ, въ одной поддевки остался, перепоясался потуже подъ брюхо кушакомъ, подтянулся, сумочку съ хлѣбомъ за пазуху положилъ, баклажку съ водой къ кушаку привязалъ, подтянулъ голенища, взялъ скребку у работника, собрался идти. Думалъ, думалъ, въ какую сторону взять, — вездѣ Хорошо. Думаетъ — все одно: пойду на восходъ солнца. Сталъ лицомъ къ солнцу, размялся, ждетъ, чтобы показалось оно изъ-за края. Думаетъ — ничего времени пропускать не стану. Холодкомъ и идти легче. Только брызнуло изъ-за края солнце, вскинулъ Пахомъ скребку на плечо и пошелъ въ степь.

Пошелъ Пахомъ не тихо, не скоро. Отошелъ съ версту; остановился, вырылъ ямку и дернички другъ на другу положилъ, чтобъ примѣтнѣй было. Пошелъ дальше. Сталъ разминаться, сталъ и шагу прибавлять. Отошелъ еще, вырылъ еще другую ямку.

Оглянулся Пахомъ. На солнцѣ хорошо видно шиханъ, и народъ стоитъ, и у таранасовъ на колесахъ шины блестятъ. Угадываетъ Пахомъ, что верстъ пять прошелъ. Согрѣваться сталъ, снялъ поддевку, вскинулъ на плечо, пошелъ дальше. Тепло стало. Взглянулъ на солнышко, — ужъ время объ завтракъ.

«Одна упряжка прошла. — думаетъ Пахомъ. — А ихъ четыре во dniu, рано еще заворачивать. Дай только разуюсь». Присѣлъ, разулся, сапоги за поясъ, пошелъ дальше. Легко идти стало. Думаетъ: «Дай пройду еще верстъ пятокъ, тогда влѣво загибать стану. Мѣсто-то хорошо очень, кидать жалко. Что дальше, то лучше». Пошелъ еще напрямикъ. Оглянулся — шиханъ ужъ чуть видно и народъ, какъ мураши, на немъ чернѣется и чуть блеститъ что-то.

«Ну, — думаетъ Пахомъ, — въ эту сторону довольно забралъ; надо загибать. Да и разопрѣлъ — пить хочется». Остановился, вырылъ ямку побольше, положилъ дернички, отвязалъ баклажку, напился и загнулъ круто влѣво. Шель онъ, шель, трава пришла высокая, и жарко стало.

Сталъ Пахомъ уставать; поглядѣлъ онъ на солнышко, видитъ — самый обѣдъ. «Ну, думаетъ, отдохнуть надо».

Остановился Пахомъ, присѣлъ. Поѣлъ хлѣбца съ водой, а ложиться не сталъ: думаетъ — ляжешь, да и заснешь. Посѣдилъ немного, пошелъ дальше. Сначала легко пошелъ. Отъ ѣды силы прибавилось. Да ужъ жарко очень стало, да и сонъ клонить сталъ; однако все идетъ, думаетъ — часъ терпѣть, а вѣкъ жить.

Прошелъ еще и по этой сторонѣ много, хотѣлъ уже

загибать влѣво, да глядь — лоцинка подошла сырая; жаль бросать. Думаетъ — лень тутъ хорошъ уродится.

Опять пошелъ прямо. Захватилъ лоцинку, выкопалъ ямку за лоцинкой, загнулъ второй уголь. Оглянувся Пахомъ на шиханъ: отъ тепла затуманилось, качается что-то въ воздухѣ и сквозь мару чуть виднѣются люди на шиханѣ. «Ну. — думаетъ Пахомъ, — длинны стороны взялъ, надо эту покороче взять». Пошелъ третью сторону, сталъ шагу прибавлять. Посмотрѣлъ на солнце — ужъ оно къ полднику подходитъ, а по третьей сторонѣ всего версты двѣ прошелъ. И до мѣста все тѣ же версты 15. «Нѣтъ, думаетъ, хоть кривая дача будетъ, а нато напрямкомъ поспѣвать. Не забрать бы лишняго. А земли и такъ уже много». Вырылъ Пахомъ поскорѣе ямку и повернулъ напрямкомъ къ шихану.

9.

Идетъ Пахомъ прямо на шиханъ, и тяжело ужъ ему стало. Разопрѣлъ и ноги босикомъ изрѣзалъ и отбилъ, да и подкашиваться стали. Отдохнуть хочется, а нельзя,— не поспѣешь дойти до заката. Солнце не ждетъ, все спускается. «Ахъ, думаетъ, не ошибся ли, не много ли забралъ? Что, какъ не поспѣешь?» Взглянетъ впередъ на шиханъ, взглянетъ на солнце: до мѣста далеко, а солнце ужъ не далеко отъ края.

Идетъ такъ Пахомъ, трудно ему, а все прибавляетъ да прибавляетъ шагу. Шель, шель — все еще далеко; побѣжалъ рысью. Бросилъ поддевку, сапоги, бакляжку, шапку бросилъ, только скребку держалъ, ею попирается. Ахъ, думаетъ, позарился я, все дѣло погубилъ, не добѣгу до заката». И еще хуже ему отъ страха духъ захватываетъ. Бѣжить Пахомъ, рубаха и портки отъ пота къ тѣлу липнуть, во рту пересохло. Въ груди какъ мѣхи кузнечные раздуваются, а въ сердцѣ молоткомъ бьеть, и ноги какъ не свои — подламываются. Жутко стало Пахому: думать, какъ бы не помереть съ натуги.

Помереть боится, а остановиться не можетъ. «Столько, думаетъ, пробѣжалъ, а теперь остановиться, — дуракомъ назовутъ». Бѣжалъ, бѣжалъ, подбѣгаетъ ужъ близко и слышитъ: визжать, гайкаютъ на него башкирцы, и отъ крика ихняго у него еще пуще сердце разгорается. Бѣжить Пахомъ изъ послѣднихъ силъ, а солнце ужъ къ краю подходитъ, въ туманъ зашло: большое, красное, кровавое стало. Вотъ-вотъ закатываться станетъ. Солнце близко, да и до мѣста ужъ вовсе не далеко. Видитъ ужъ Пахомъ и народъ на шиханѣ, на него руками махаетъ, его подготавлиетъ. Видитъ шапку лисью на земли и деньги на ней, видитъ и старшину, какъ онъ на землѣ сидитъ, руками за пузо держится. И вспомнился Пахому сонъ. «Земли, думаетъ, много, да приведетъ ли Богъ на ней жить. Охъ, погубилъ я себя, думаетъ, не добѣгу».

Взглянулъ Пахомъ на солнце, оно до земли дошло, ужъ краешкомъ заходить стало и дугой къ краю вырѣзались. Надалъ изъ послѣднихъ силъ Пахомъ, навалился напередъ тѣломъ, насилу ноги поспѣваютъ подставляться, чтобъ не упасть. Подбѣжалъ Пахомъ къ шихану, вдругъ

темно стало. Оглянулся, — ужъ зашло солнце. Ахнулъ Пахомъ. «Пропали, думаетъ, мои труды». Хотѣлъ ужъ остановиться, да слышитъ, гайкаютъ все башкирцы, и вспомнилъ онъ, что снизу-то ему кажется, что зашло, а съ шахана не зашло еще солнце. Надулся Пахомъ, взбѣжалъ на шиханъ. На шиханѣ еще свѣтло. Взбѣжалъ Пахомъ, видитъ — шапка. Передъ шапкой сидитъ старшина, гогочетъ, руками за пузо держится. Вспомнилъ Пахомъ сонъ, ахнулъ, подкосились ноги, и упалъ онъ напередъ, руками до шапки досталъ.

— Ай, молодецъ! — закричалъ старшина. — Много земли завладѣлъ!

Подбѣжалъ работникъ пахомовъ, хотѣлъ поднять его, а у него изъ рта кровь течетъ, и онъ мертвый лежитъ.

Пощекали языками башкирцы, пожалѣли.

Поднялъ работникъ скребку, выкопалъ Пахому могилу, ровно насколько онъ отъ ногъ до головы захватилъ — три аршина, и закопалъ его.

1886 г.

ЗЕРНО СЪ КУРИНОЕ ЯЙЦО.

Нашли разъ ребята въ оврагѣ штучку съ куриное яйцо съ дорожкой посрединѣ и похожее на зерно. Увидаль

уребять штучку проѣзжій, купилъ за пятакъ, повезъ въ городъ, продалъ царю за рѣдкость.

Позваль царь мудрецовъ, велѣлъ имъ узнать, что за штука такая — яйцо или зерно? Думали, думали мудрецы, не могли отвѣта дать. Лежала эта штучка на окнѣ, влетѣла курица, стала клевать, проклевала дыру; всѣ увидѣли, что — зерно. Пришли мудрецы и сказали царю: «Это— зерно ржаное».

Удивился царь. Велѣлъ мудрецамъ узнать, гдѣ и когда это зерно родилось. Думали, думали мудрецы, искали въ книгахъ, — ничего не нашли. Пришли къ царю, говорятъ: «Не можемъ дать отвѣта. Въ книгахъ нашихъ ничего про это не написано; надо у мужиковъ спросить, не слыхалъ ли кто отъ стариковъ, когда и гдѣ такое зерно сѣяли?».

Послалъ царь, велѣлъ къ себѣ стараго старика, мужики привести. Разыскали старика стараго, привели къ царю. Пришелъ старикъ, зеленый, беззубый, насилу вошелъ на двухъ костыляхъ.

Показалъ ему царь зерно, да не видитъ ужъ старикъ; кое-какъ половину разглядѣлъ, половину руками ощупалъ.

Сталъ царь его спрашивать: «Не знаешь ли, дѣдушка, гдѣ такое зерно родилось? Самъ на своемъ поли не сѣвалъ ли хлѣба такого или на своемъ вѣку не покупывалъ ли гдѣ такого зерна?».

Глухъ былъ старикъ, насилу-насилу разслышалъ, на-силу-насилу понялъ. Сталъ отвѣтъ держать: «Нѣтъ, говорить, на своемъ полѣ хлѣба такого сѣвать не сѣвалъ, и жинать не жиналъ, и покупывать не покупывалъ. Когда покупали хлѣбъ, все такое же зерно мелкое было. А надо, говорить, у моего батюшки спросить: можетъ, онъ слыхалъ, гдѣ такое зерно рожалось».

Послалъ царь за отцомъ старика, велѣлъ къ себѣ зривести. Нашли и отца старикова, привезли къ царю. Пришелъ старикъ старый на одномъ костылѣ. Сталъ ему царь зерно показывать. Старикъ еще видитъ глазами, хорошо разглядѣлъ. Сталъ царь его спрашивать: «Не знаешь ли старичокъ, гдѣ такое зерно родилось? Самъ на своемъ полѣ не сѣвалъ ли хлѣба такого или на своемъ вѣку не покупывалъ ли гдѣ такого зерна?».

Хоть и крѣпонецъ на ухо былъ старикъ, а разслушалъ лучше сына. «Нѣтъ, говорить, на своемъ полѣ такого зерна сѣвать не сѣвалъ и жинать не жиналъ. А покупать не покупалъ, потому что на моемъ вѣку денегъ

еще и въ заводѣ не было. Всѣ своимъ хлѣбомъ кормились, а по нуждѣ — другъ съ дружкой дѣлились. Не знаю я, гдѣ такое зерно родилось. Хоть и крупнѣе теперѣшняго и умолотнѣе нашего зерно было, а такого видать не видааъ. Слыхалъ я отъ батюшки, — въ его время хлѣбъ лучше противъ нашего раживался, и умолотнѣе и крупнѣе былъ. Его спросить надо».

Послалъ царь за отцомъ стариковымъ. Нашли и дѣда, привезли къ царю. Вошелъ старикъ къ царю безъ костылей; вошелъ легко; глаза свѣтлые, слышитъ хорошо и говорить внятно. Показалъ царь зерно дѣду. Поглядѣлъ дѣдъ, повертѣлъ.

— Давно, говорить, не видалъ я стариннаго хлѣбушка. — Откусилъ дѣдъ зерна, пожевалъ крупинку. — Оно самое, говорить.

— Скажи же мнѣ, дѣдушка, гдѣ и когда такое зерно раживалось? На своемъ полѣ не сѣвалъ ли такой хлѣбъ или на твоёмъ вѣку гдѣ у людей не покупывалъ ли?

И сказалъ старикъ: «Хлѣбъ такой на моемъ вѣку бездѣ раживался. Этимъ хлѣбомъ, говорить, я вѣкъ свой кормился и людей кормилъ. Это зерно и сѣвалъ, это и жаль, это и молотилъ».

И спросилъ царь: «Скажи же мнѣ, дѣдушка, покупалъ ли ты гдѣ такое зерно, или самъ на своемъ полѣ сѣялъ?».

Усмѣхнулся старикъ. «Въ мое время, говорить, и вздумать никто не могъ такого грѣха, чтобы хлѣбъ продавать, покупать, а про деньги и не знали; хлѣба у всѣхъ своего вволю было».

И спросилъ царь: «Такъ скажи же мнѣ, дѣдушка, гдѣ ты такой хлѣбъ сѣялъ и гдѣ твое поле было?».

И сказалъ дѣдъ: «Мое поле было — земля Божія: гдѣ вспахалъ, тамъ и поле. Земля вольная была. Своей землю не звали. Своимъ только труды свои называли».

— Скажи же, — говоритъ царь, — мнѣ еще два дѣла: одно дѣло — отчего прежде такое зерно рожалось, а нынчи не родится? А другое дѣло — отчего твой внукъ шелъ на двухъ костыляхъ, сынъ твой пришелъ на одномъ костылѣ, а ты вотъ пришелъ и во все легко; глаза у тебя свѣтлые, и зубы крѣпкіе, и рѣчь ясная и привѣтная? Отчего, скажи, дѣдушка, эти два дѣла стались?

И сказалъ старикъ: «Оттого оба дѣла сталися, что перестали люди своими трудами жить, — на чужіе стали зариться. Въ старину не такъ жили: въ старину жили по-Божьи; своимъ владѣли, чужимъ не корыстовались».

1886 г.

ТРИ СТАРЦА.

(Изъ народныхъ сказокъ на Волгѣ).

Плылъ на кораблѣ архіерей изъ Архангельска города въ Соловки . На томъ же кораблѣ плыли богомольцы къ угодникамъ. Вѣтеръ былъ попутный, погода ясная, не качало. Богомольцы — которые лежали, которые закусывали, которые сидѣли кучками, — бесѣдовали другъ съ дружкой. Вышелъ и архіерей на палубу, сталъ ходить взадъ и впередъ по мосту. Подошелъ архіерей къ носу, видит, собралась кучка народа. Мужичокъ показываетъ что-то рукой въ море и говоритъ, а народъ слушаетъ. Остановился архіерей, посмотрѣлъ, куда показывалъ мужичокъ: ничего не видно, только море на солнцѣ блеститъ. Подошелъ поближе архіерей, сталъ прислушиваться. Увидаль архіерея мужичокъ, снялъ шапку и замолчалъ. Увидаль и народъ архіерея, тоже снялъ шапки, почтенье сдѣлали.

— Не стѣсняйтесь, братцы. — сказалъ архіерей. — Я тоже послушать подошелъ, что ты, добрый человекъ, рассказываешь.

— Да вотъ про старцевъ намъ рыбацокъ рассказывалъ. — сказалъ одинъ купецъ посмѣлѣе.

— Что про старцевъ? — спросилъ архіерей, подошелъ къ борту и присѣлъ на ящикъ. — Расскажи и мнѣ, я послушаю. Что ты показывалъ?

— Да вотъ островокъ маячитъ. — сказалъ мужичокъ и показалъ впередъ на правую сторону. — На этомъ самомъ островкѣ и старцы живутъ, спасаются.

— Гдѣ же островокъ? — спросилъ архіерей.

— Вотъ по рукъ-то моей извольте смотрѣть. Вонъ облачко, такъ полѣвѣе его внизъ какъ полоска видѣется.

Смотрѣлъ, смотрѣлъ архіерей, рябитъ вода на солнцѣ, и не видать ему ничего безъ привычки.

— Не вижу, говоритъ. Такъ какіе же тутъ старцы на островѣ живутъ?

— Божьи люди. — отвѣтилъ крестьянинъ. — Давно ужъ я слышалъ про нихъ, да не доводилось видѣть, а вотъ запрошлымъ лѣтомъ самъ видѣлъ.

И сталъ опять рассказывать рыбацкъ, какъ ѣздилъ онъ за рыбой и какъ пришло его къ острову къ этому, и самъ не звалъ, гдѣ онъ. Поутру пошелъ ходить и набрелъ на землянку одного старца, а потомъ вышли и еще два; покормили и обсушили его и помогли лодку починить.

— Какіе же они изъ себя? — спросилъ архіерей.

— Одинъ маленькій, сгорбленный, совсѣмъ древній, въ ряскѣ старенькой, должно, годовъ больше ста, сѣдина въ бородѣ ужъ зеленѣть стала, а самъ все улыбается и свѣтлый, какъ ангелъ небесной. Другой ростомъ повыше, тоже старъ, въ кафтанѣ рваномъ, борода широкая, сѣдая съ желтизной, а человекъ сильный, лодку мою перевернулъ какъ ушатъ, не успѣлъ я и подсобить ему, — тоже радостный. А третій высокій, борода длинная до колѣнъ и бѣлая какъ лунь, а самъ сумрачный, брови на глаза висятъ, и нагой весь, только рогожкой опоясанъ.

— Что же они говорили съ тобой? — спросилъ архіерей.

— Все больше молча дѣлали, и другъ съ дружкой мало говорятъ. А взглянуть одинъ, а другой уже понимаетъ. Сталъ я высокога спрашивать, давно ли они живутъ тутъ. Нахмурился онъ, что-то заговорилъ, разсердился точно, да древній маленькій сейчасъ его за руку взялъ, улыбнулся, — и затихъ большой. Только сказалъ древній: «помилуй насъ», и улыбнулся.

Пока говорилъ крестьянинъ, корабль еще ближе подошелъ къ островамъ.

— Вотъ теперъ вовсе видно стало, — сказалъ купецъ. — Вотъ изволите посмотрѣть, ваше преосвященство, — сказалъ онъ, показывая.

Архіерей сталъ смотрѣть. И точно увидалъ черную полосу — островокъ. Посмотрѣлъ, посмотрѣлъ архіерей и пошелъ прочь отъ носа къ кормѣ, подошелъ къ кормчему.

— Какой это островокъ, говорить, тутъ виднѣется?

— А такъ, безыменный. Ихъ много тутъ.

— Что, правда, говорить, тутъ старцы спасаются?

— Говорять, ваше преосвященство, да не знаю, правда ли. Рыбаки, говорить, видали. Да тоже, бываетъ, и зря болтають.

— Я желаю пристать къ острову—повидать старцевъ,
— сказалъ архіерей. — Какъ это сдѣлать?

— Кораблемъ подойти нельзя, — сказалъ кормчій.

— На лодкѣ можно, да надо старшаго спросить.

Вызвали старшаго.

— Хотѣлось бы мнѣ посмотрѣть этихъ старцевъ, —
сказалъ архіерей. — Нельзя ли свести меня?

Сталъ старшой отговаривать. — Можно-то можно, да много времени проведемъ и, осмѣлюсь доложить вашему преосвященству, не стоитъ смотрѣть на нихъ. Слыхаль я отъ людей, что совсѣмъ глупые старики живутъ, ничего не понимаютъ и ничего и говорить не могутъ, какъ рыбы какія морскія.

— Я желаю, — сказалъ архіерей. — Я заплачу за труды, свезите меня.

Нечего дѣлать, распорядились корабельщики, пере-
ладили паруса. Повернулъ кормчій корабль, поплыли къ острову. Вынесли архіерею стулъ на носъ. Сѣлъ онъ и смотреть. И народъ весь собрался къ носу, все на островокъ глядятъ. И у кого глаза повострѣе, ужъ видятъ камни на островѣ и землянку показываютъ. А одинъ ужъ и трехъ

старцевъ разглядѣлъ. Вынесъ старшой трубу, посмотрѣлъ въ нее, подалъ архіерею. «Точно, говоритъ, вотъ на берегу, поправѣ камня большого, три человѣка стоятъ». Посмотрѣлъ и архіерей въ трубу, навелъ, куда надо; точно, стоятъ трое: одинъ высокій, другой пониже, а третій вовсе маленькій; стоятъ на берегу, за руки держатся.

— Подошелъ старшой къ архіерею. — Здѣсь, ваше преосвященство, становить корабль надо. Если ужъ угодно, такъ отсюда на лодкѣ вы изволите съѣздить, а мы тутъ на якоряхъ стоимъ.

Сейчасъ распустили тросо, кинули якорь, спустили парусъ — дернуло, зашаталось судно. Спустили лодку, соскочили гребцы, и сталъ спускаться архіерей по лѣсенькѣ. Спустился архіерей, сѣлъ на лавочку въ лодкѣ, ударили гребцы въ весла, поплыли къ острову. Поплыли какъ камень кинуть; видятъ: стоятъ три старца, высокій — нагой, рогожкой опоясанъ, пониже — въ кафтанѣ рваномъ и древненькій сгорбленный — въ ряскѣ старенькой; стоятъ всѣ трое, за руки держатся.

Причалили гребцы къ берегу, зацѣпили багромъ. Вышелъ архіерей.

— Слушалъ я, говоритъ, что вы здѣсь, старцы Божіе, спасаетесь, за людей Христу-Богу молитесь, а я здѣсь, по милости Божіей, недостойный рабъ Христовъ, Его паству пасти призванъ; такъ хотѣлъ и васъ, рабовъ Божіихъ, повидать и вамъ, если могу, поученіе подать.

Молчать старцы, улыбаются, другъ на дружку поглядываютъ.

— Скажите мнѣ, какъ вы спасаетесь и какъ Богу служите? — сказалъ архіерей.

Вздохнулъ средній старецъ и посмотрѣлъ на старшаго, на древняго. И улыбнулся старшій, древній старецъ и сказалъ: «Не умѣемъ мы, рабъ Божій, служить Богу, только себѣ служимъ, себя кормимъ».

— Какъ же вы Богу молитесь? — спросилъ архіерей.

И древній старецъ сказалъ: «Молимся мы такъ: Трое Васъ, трое насъ, помилуй насъ».

И какъ это сказалъ древній старецъ, подняли все три старца глаза къ небу и все трое сказали: «Трое Васъ,

Усмѣхнулся архіерей и сказалъ: «Это вы про Святую Троицу слышали, да не такъ вы молитесь. Полюбилъ я васъ, старцы Божіе, вижу, что хотите вы угодить Богу, да не знаете, какъ служить Ему. Не такъ надо молиться, а слушайте меня, я научу. Не отъ себя буду учить васъ, а изъ Божьяго писанія научу тому, какъ Богъ повелѣлъ всемъ людямъ молиться Ему».

И началъ архіерей толковать старцамъ, какъ Богъ открылъ Себя людямъ: растолковалъ имъ про Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святаго и сказалъ:

— Богъ Сынъ сошелъ на землю людей спасти и такъ научилъ всехъ молиться. Слушайте и повторяйте за мной.

И сталъ архіерей говорить: «Отче нашъ». И повторилъ одинъ старецъ: «Отче нашъ», повторилъ и другой: «Отче нашъ», повторилъ и третій: «Отче нашъ». — «Иже еси на небесѣхъ». Повторили и старцы: «Иже еси на небесѣхъ». Да запутался съ словахъ средній старецъ, не такъ сказалъ; не выговорилъ и высокій, нагой старецъ:

ему усы ротъ заросли — не могъ чисто говорить; невнятно прошамкалъ и древній беззубый старецъ.

Повторилъ еще разъ архіерей, повторили еще разъ старцы. И присѣлъ на камушекъ архіерей, и стали около него старцы, и смотрѣли ему въ ротъ, и твердили за нимъ, пока онъ говорилъ имъ. И весь день до вечера потрудились съ ними архіерей; и десять, и двадцать, и сто разъ повторялъ одно слово, и старцы твердили за нимъ. И пугались они, и поправлялъ онъ ихъ, и заставлялъ повторять сначала.

И не оставилъ архіерей старцевъ, пока не научилъ ихъ всей молитвѣ Господней. Прочли они ее за нимъ и прочли сами. Прежде всѣхъ понялъ средній старецъ и самъ повторилъ ее всю. И велѣлъ ему архіерей еще и еще разъ сказать ее, и еще повторить, и другіе прочли всю молитву.

Ужъ смеркаться стало, и мѣсяць изъ моря всходитъ сталъ, когда поднялся архіерей ѣхать на корабль. Простился архіерей со старцами, поклонились ему всѣ въ ноги. Поднялъ онъ ихъ и облобызалъ каждого, велѣлъ имъ молиться, какъ онъ научилъ ихъ, и сѣлъ въ лодку и поплылъ къ кораблю.

И поплылъ къ кораблю архіерей, и все слышалъ, какъ старцы въ три голоса громко твердили молитву Господню.

Стали доплывать къ кораблю, не слышно ужъ стало голоса старцевъ, но только видно было при мѣсяцѣ: стоятъ на берегу, на томъ же мѣстѣ, три старца — одинъ поменьше всѣхъ, посерединѣ, а высокій съ правой, а средній съ лѣвой стороны. Подѣхалъ архіерей къ кораблю, взошелъ

на палубу, вынули якорь, подняли паруса, надуло ихъ вѣтромъ, сдвинуло корабль, и поплыли дальше. Прошелъ архіерей на корму и сѣлъ тамъ, и все смотрѣлъ на островокъ. Сначала видны были старцы, потомъ скрылись изъ виду, виднѣлся только островокъ, потомъ и островокъ скрылся, одно море играло на мѣсячномъ свѣтѣ.

Улеглись богомольцы спать, и затихло все на палубѣ. Но не хотѣлось спать архіерею, сидѣлъ онъ одинъ на палубѣ, глядѣлъ на море туда, гдѣ скрылся островокъ, и думалъ о добрыхъ старцахъ. Думалъ о томъ, какъ радовались они тому, что научились молитвѣ, и благодарилъ Бога за то, что привелъ Онъ его помочь Божіимъ старцамъ, научить ихъ слову Божію.

Сидитъ такъ архіерей, думаетъ, глядитъ въ море, въ ту сторону, гдѣ островокъ скрылся. И рябитъ у него въ глазахъ — то тутъ, то тамъ свѣтъ по волнамъ заиграетъ. Вдругъ видитъ, блеститъ и бѣлѣется что-то въ столбѣ мѣсячномъ: Птица ли, чайка или парусокъ на лодкѣ бѣлѣется. Приглядѣлся архіерей. «Лодка, думаетъ, на парусѣ за ними бѣжитъ. Да скоро ужъ очень насъ догоняетъ. То далеко, далеко было, а вотъ ужъ и вовсе виднѣется близко. И лодка не лодка, на парусѣ не похоже. А бѣжитъ что-то за нами и насъ догоняетъ». И не можетъ разобрать архіерей, что такое: лодка не лодка, птица не птица, рыба не рыба. На человѣка похоже, да велико очень, да и нельзя человѣку средь моря быть. Поднялся архіерей, подошелъ къ кормчему: «гляди, говоритъ, что это?»

— Что это, братецъ? Что это? — спрашиваетъ архіерей, а ужъ самъ видитъ — бѣгутъ по морю старцы, бѣлѣютъ и блестятъ ихъ сѣдые борода, и, какъ къ стоячему, къ кораблю приближаются.

Оглянулся кормчій, ужаснулся, бросилъ руль и закричалъ громкимъ голосомъ:

— Господи, старцы за нами по морю, какъ по суху, бѣгутъ! — Услыхалъ народъ, поднялся, бросились всѣ къ кормѣ. Всѣ видятъ: бѣгутъ старцы, рука съ рукой держатся—крайніе руками машутъ, остановиться велятъ. Всѣ трое по водѣ, какъ по суху, бѣгутъ и ногъ не передвигаютъ.

Не успѣли судна остановить, какъ поравнялись старцы съ кораблемъ, подошли подъ самый бортъ, подняли головы и заговорили въ одинъ голосъ:

— Забыли, рабъ Божій, забыли твое ученіе! Пока твердили — помнили, перестали на часъ твердить, одно слово выскочило — забыли, все разсыпалось. Ничего не помнимъ, научи опять.

Прекрестился архіерей, перегнулся къ старцамъ и сказалъ: «Доходна до Бога и ваша молитва, старцы Божіи. Не мнѣ васъ учить. Молитесь за насъ грѣшныхъ!»

И поклонился архіерей въ ноги старцамъ. И остановились старцы, повернулись и пошли назадъ по морю. И до утра видно было сіяніе съ этой стороны, куда ушли старцы.

1886 г.

КАЮЩИЙСЯ ГРѢШНИКЪ.

Жилъ на свѣтѣ человѣкъ семьдесятъ лѣтъ, и прожилъ онъ всю жизнь въ грѣхахъ. И заболѣлъ этотъ человѣкъ и не каялся. И когда пришла смерть, въ послѣдній часъ заплакалъ онъ и сказалъ: «Господи! какъ разбойнику на крестѣ, прости мнѣ!». Только успѣлъ сказать — вышла душа. И возлюбила душа грѣшника Бога, и повѣрила въ милость Его, и пришла къ дверямъ рая.

И стали стучаться грѣшникъ и проситься въ царство небесное.

И услыхалъ онъ голосъ изъ-за двери: «Какой человекъ стучится въ двери райскія? и какія дѣла совершилъ человекъ этотъ въ жизни своей?».

И отвѣчалъ голосъ обличителя, и перечислилъ все грѣшныя дѣла человека этого и не назвалъ добрыхъ дѣлъ никакихъ.

И отвѣчалъ голосъ изъ-за двери: «Не могутъ грѣшники войти въ царство небесное. Отойди отсюда».

И сказалъ человекъ: «Господи! Голосъ твой слышу, а лица не вижу и имени твоего не знаю».

И отвѣчалъ голосъ: «Я—Петръ апостоль».

И сказалъ грѣшникъ: «Пожалуй меня, Петръ апостоль, вспомни слабость человѣческую и милость Божию. Не ты ли былъ ученикомъ Христовымъ, не ты ли изъ самыхъ устъ Его слышалъ ученіе Его и видѣлъ примѣръ жизни Его? А вспомни, когда Онъ тосковалъ и скорбѣлъ душою и три раза просилъ тебя не спать, а молиться, и ты спалъ, потому глаза твои отяжелѣли, и три раза Онъ засталъ тебя спящимъ. Такъ же и я.

«А вспомни еще, какъ общалъ Ему Самому до смерти не отречься отъ Него и какъ ты три раза отречься отъ Него, когда повели Его къ Каіафѣ. Такъ же и я.

«И вспомни еще, какъ запѣлъ пѣтухъ и ты вышелъ вонъ и заплакалъ горько. Такъ же и я. Нельзя тебѣ не впустить меня».

И затихъ голосъ за дверьми райскими.

И, постоявъ недолго, опять сталъ стучаться грѣш-

никъ и проситься въ царство небесное.

И слышался изъ-за двери голосъ и сказалъ: «Кто человѣкъ этотъ? и какъ жилъ онъ на свѣтѣ?»

И отвѣчалъ голосъ обличителя, и опять повторилъ всѣ худыя дѣла грѣшника и не назвалъ добрыхъ дѣлъ никакихъ.

И отвѣчалъ голосъ изъ-за двери: «Отойди отсюда: не могутъ такіе грѣшники жить съ нами вмѣстѣ въ раю».

И сказалъ грѣшникъ: «Господи, голосъ твой слышу, но лица твоего не вижу и имени твоего не знаю».

И сказалъ ему голосъ: «Я—царь и пророкъ Давидъ». И не отчаялся грѣшникъ, не отошелъ отъ двери рая и сталъ говорить: «Пожалуй меня, царь Давидъ, и вспомни слабость человѣческую и милость Божию. Богъ любилъ тебя и возвеличилъ предъ людьми. Все было у тебя—и царство, и слава, и богатство, и жены, и дѣти, а увидѣлъ ты съ крыши жену бѣднаго человѣка, и грѣхъ вошелъ въ тебя, и взялъ ты жену Юрія и убилъ его самого мечомъ амонитянъ. Ты, богачъ, отнялъ у бѣднаго послѣднюю овечку и погубилъ его самого. То же сдѣлалъ и я.

«И вспомни потомъ, какъ ты покаялся и говорилъ: «Я сознаю вину свою и сокрушаюсь о грѣхѣ своемъ». Такъ же и я. Нельзя тебѣ не впустить меня».

И затихъ голосъ за дверьми.

И, постоявъ недолго, опять сталъ стучаться грѣшникъ и проситься въ царство небесное. И послушался изъ-за двери третій голосъ и сказалъ: «Кто человѣкъ этотъ? и какъ прожилъ онъ на свѣтѣ?».

И отвѣчалъ голосъ обличителя, и въ третій разъ перечислилъ худыя дѣла человѣка и не назвалъ добрыхъ.

И отвѣчалъ голосъ изъ-за двери: «Отойди отсюда: не могутъ грѣшники зойти въ царство небесное».

И отвѣчалъ грѣшникъ: «Голосъ твой слышу, но лица не вижу и имени твоего не знаю».

И отвѣчалъ голосъ: «Я—Иоаннъ Богословъ, любимый ученикъ Христа».

И обрадовался грѣшникъ и сказалъ: «Теперь нельзя впустить меня: Петръ и Давидъ впускаютъ меня за то, что они знаютъ слабость человѣческую и милость Божию. А ты впустишь меня потому, что въ тебя любви много. Не ты ли, Иоаннъ Богословъ, написалъ въ книгѣ своей, что Богъ есть любовь и что кто не любитъ, тотъ не знаетъ Бога? Не ты ли при старости говорилъ людямъ одно слово: «Братья, любите другъ друга!» Какъ же ты теперь возненавидишь меня? Или отрекись отъ того, что сказалъ ты самъ, или полюби меня и впусти въ царство небесное».

И отворились врата райскія, и обнялъ Иоаннъ кающагося грѣшника и впустилъ его въ царство небесное.

1886 г.

ТРИ СЫНА.

Однажды нѣкій отецъ отдѣлилъ своего сына, подарилъ ему помѣстье и сказалъ ему: «Живи такъ же, какъ живу я, и ты будешь счастливъ».

Получивъ подарокъ, сынъ ушелъ и началъ жить въ собственное удовольствіе. «Отецъ велѣлъ мнѣ, — говорилъ онъ, — жить такъ, какъ живетъ онъ; а онъ живетъ весело, и я послѣдую его примѣру».

Такъ провелъ онъ годъ, два, десять, двадцать лѣтъ. Онъ разстратилъ все, что получилъ, и остался безъ ничего. Тогда онъ возвратился къ отцу и сталъ просить у него помощи, но отецъ отказалъ въ ней сыну. Сынъ пытался разжалобить отца и принесъ ему въ подарокъ лучшее изъ того, что имѣлъ, и умолялъ его о поддержкѣ. Но отецъ былъ глухъ къ его просьбамъ. Тогда сынъ, думая, не оскорбилъ ли чѣмъ отца, сталъ просить у него прощенья, но отецъ по прежнему оставался непреклоннымъ.

И тогда сынъ сталъ бранить отца:

— Разъ ты не хочешь дать мнѣ на этотъ разъ ничего, къ чему же ты сдѣлалъ мнѣ раньше подарокъ и говорилъ еще, что даннаго тобою мнѣ хватитъ на всю мою жизнь? Всѣ пережитыя мною радости, удовольствія — ничего въ сравненію съ тѣми страданіями, какія я переживаю теперь. Я чувствую, какъ я погибаю, какъ таетъ мое здоровье. А кто виновникъ моихъ несчастій? Ты... Ты долженъ былъ знать, что мое благополучіе повредитъ мнѣ, и не предупредилъ меня объ опасности. Ты сказалъ только: «живи какъ я, и тебѣ будетъ хорошо». И я жилъ, какъ ты; ты отдался удовольствіямъ, и я слѣдовалъ твоему примѣру.... Но у тебя было достаточно средствъ для такой жизни, а у меня ихъ не хватало. Ты—не отецъ, ты обманщикъ, ты врагъ мнѣ. Да будетъ проклятой моя жизнь! Проклятіе и тебѣ, соолазнителью. Я не хочу и знать о тебѣ, я ненавижу тебя!

Такой же подарокъ сдѣлалъ отецъ и своему второму сыну, просто сказалъ при этомъ: «Живи, какъ я, и ты будешь счастливъ». Этотъ сынъ не былъ вполне удовлетворенъ даромъ: хотя послѣдній былъ равенъ дару перваго сына, но второй уже зналъ, что случилось съ его старшимъ братомъ, и онъ сталъ думать о томъ, какъ бы не послѣдовать примѣру старшаго и не сдѣлаться нищимъ. Онъ понималъ, что братъ плохо истолковалъ фразу отца: «живи, какъ я», и что нельзя жить только для удовольствія. Онъ сталъ думать о томъ, какими бы путями удвоить подаренное ему состоянія, сталъ трудиться надъ приобрѣтеніемъ новаго помѣстья, равнаго полученному отъ отца, но не сумѣлъ добиться этого.

Тогда онъ пошелъ за совѣтомъ къ отцу. Но тотъ ничего не сказалъ сыну. Сынъ подумалъ, не боится ли

отецъ посвятить его въ тайну своего благополучія, и сталъ разузнавать всѣ тѣ пути и средства, при помощи которыхъ отецъ собралъ свои богатства. Онъ сталъ копить, но сколько онъ ни копилъ, все ему казалось мало. Не желая сознаваться въ своей жадности, онъ провелъ всю свою жизнь въ лишеніяхъ и говорилъ всѣмъ и всюду, что ему отецъ не далъ ничего, что все онъ собралъ своими руками, что другіе люди могли за то же время накопить бы больше.

Такъ говорилъ второй сынъ до тѣхъ поръ, пока отцовское состояніе не стало у него исчезать. Когда же онъ потерялъ все, что имѣлъ, — ему не оставалось ничего другого, какъ умереть, и онъ покончилъ съ собою.

И третьему сыну подарилъ отецъ равное первымъ помѣсть и даря произнесъ ту же фразу: «Живи, какъ я, и ты будешь счастливъ».

Радуюсь подарку, третій сынъ покинулъ родной домъ. Но, помня судьбу старшихъ братьевъ, онъ долго раздумывалъ надъ значеніемъ напутственныхъ отцовскихъ словъ.

«Мой старшій братъ, — размышлялъ онъ, — думалъ, что жить по отцовски значитъ жить для удовольствія, и потерялъ благодаря этому все, что имѣлъ. Второй братъ, считая, что слова отца значатъ поступать по его примѣру, тоже погибъ. Въ чемъ же тогда значеніе отцовской фразы: «живи, какъ я»?

И онъ сталъ припоминать все, что только зналъ про жизнь отца. И, припоминая, онъ понялъ, что знаетъ только одно: это то, что до его рожденія для него у отца еще ничего не было приготовлено, что самъ онъ не существовалъ, что отецъ создалъ его, питалъ, воспиталъ, далъ

ему всё блага и сказалъ: «Живи, какъ и я, и ты будешь счастливъ». Онъ зналъ, что отецъ сдѣлалъ то же для его братьевъ, и рѣшилъ, что въ этомъ единственно и заключается то, чему онъ можетъ научиться лучше всего у отца. Все, что онъ зналъ про отца, заключалось въ томъ, что отецъ дѣлаетъ добро ему и его братьямъ. И тогда онъ понималъ, что значила сказанная отцомъ фраза: «Живи, какъ я». Онъ понималъ, что жить, какъ отецъ, — значить оказывать людямъ добро.

И когда онъ остановился на этой мысли, къ нему подошелъ отецъ и сказалъ: «Теперь мы снова будемъ вмѣстѣ и будемъ счастливы. Ступай ко всемъ моимъ дѣтямъ и расскажи, что значить «жить, какъ я», и что, дѣйствительно, тѣ будутъ счастливы, кто будетъ жить по моему примѣру».

Третій сынъ пошелъ и рассказалъ всемъ своимъ сверстникамъ о слышанномъ, и съ тѣхъ поръ каждое дитя, получая свою часть радовался не тому, что получало много, а тому, что могло жить такъ, какъ жилъ отецъ, и быть счастливымъ.

Отецъ — это Богъ, сыновья — люди, а счастье — наша жизнь. Люди думаютъ, что могутъ жить одни, безъ Бога; и одни представляютъ себѣ жизнь непрерывною цѣлью удовольствій, веселятся и наслаждаются жизнью, а когда приходитъ часъ смерти, не въ состояніи понять, къ чему была дана имъ эта жизнь, счастье которой кончается страданіями смерти.

Эти люди умираютъ, проклиная Бога, и отрекаются отъ Него. Эти люди — первый сынъ.

Другіе люди видятъ цѣль жизни въ самопознаніи и

самоусовершенствованіи, и они всѣ силы посвящаютъ тому, чтобы приготовить для себя новую, лучшую жизнь, но, совершенствуя земную, они теряютъ ее, отдаляются отъ нея.

Наконецъ третьи говорятъ: «Все, что мы знаемъ о Богѣ, это то, что Онъ творить людямъ добро и велитъ тоже дѣлать по отношенію къ другимъ. Итакъ, будемъ слѣдовать Его примѣру и творить добро своимъ ближнимъ».

И какъ только они приходятъ къ этой мысли, къ нимъ спсходитъ Богъ и говоритъ: «Вотъ то, чего Я хотѣлъ отъ васъ. Поступайте такъ, какъ поступаю Я, и вы будете жить такъ же, какъ живу Я».

1887 г.

ТРУДЪ, СМЕРТЬ И БОЛѢЗНЬ.

(Л е г е н д а).

Среди индѣйцевъ Южной Америки существуетъ слѣдующая легенда:

Богъ сотворилъ людей, говорятъ они, сначала такъ, что имъ не нужно было трудиться, имъ не нужны были ни жилище, ни одежда, ни пища, и жили все до ста лѣтъ и не знали никакихъ болѣзней.

Прошло нѣсколько времени, и когда Богъ посмотрѣлъ на то, какъ живутъ люди, онъ увидаль, что вмѣсто того, чтобы радоваться на свою жизнь, они, заботятся каждый о себѣ, перессорились между собою и устроили себѣ такую жизнь, что не только не радуются, но клянутъ ее.

Тогда Богъ сказалъ: это оттого, что они живутъ врозь, каждый для себя. И для того, чтобы этого не было, Богъ сдѣлалъ такъ, чтобы людямъ стало невозможно жить безъ труда: они должны были, чтобы не страдать отъ голода и

холода, стропить себѣ жилища, копать землю, растить и собирать плоды и зерна.

«Грудь соединить ихъ. — подумалъ Богъ: — нельзя одному рубить и таскать бревна и строить жилища, нельзя одному и готовить орудія, сѣять и собирать, и прясть, и ткать, и шить одежду. Они должны будутъ понять, что чѣмъ друнѣе они будутъ работать, тѣмъ больше сработаютъ и тѣмъ лучше имъ будетъ жить, и это соединить ихъ».

Прошло еще нѣсколько времени, и Богъ опять пришелъ посмотрѣть, какъ живутъ люди.

Но люди жили еще хуже, чѣмъ прежде. Они трудились сообща (нельзя было иначе), но не все вмѣстѣ, и все разбились на небольшія кучки, и каждая кучка старалась отнять отъ другой ея работу, и все они мѣшали другъ другу, тратили и время и силы на борьбу, и всемъ было тушно.

Увидавъ, что и это не хорошо, Богъ рѣшилъ слѣлать такъ, чтобы люди не знали часа своей смерти и могли бы умирать всякую минуту. И объявилъ имъ объ этомъ.

«Зная, что каждый изъ нихъ можетъ умереть каждую минуту. — думалъ Богъ. — не будутъ они изъ-за заботы о жизни, которая всякую минуту можетъ прекратиться, злобиться другъ на друга и портить тѣ часы жизни, которые имъ предназначены».

Но вышло не такъ. Когда Богъ вернулся, чтобы посмотреть, какъ теперь живутъ люди, онъ увидаль, что жизнь людей не улучшилась.

Люди болѣе сильные, чѣмъ другіе, пользуются тѣмъ.

что люди могут умереть во всякое время, покорили себя болѣе слабымъ, убивая нѣкоторыхъ и угрожая остальнымъ смертию. И сложилась такая жизнь, что одни, сильные и ихъ наслѣдники, ничего не работали и тосковали отъ праздности. Слабые же работали черезъ силу и тосковали отъ того, что не имѣютъ отдыха. И тѣ и другіе боялись и ненавидѣли другъ друга. И жизнь людей стала еще болѣе несчастной.

Увидавъ это, Богъ, чтобы исправить дѣло, рѣшилъ употребить послѣднее средство: онъ наслалъ на людей всякаго рода болѣзни. Богъ думалъ, что если все люди будутъ подвержены болѣзнямъ, то они поймутъ, что здоровымъ надо жалѣть больныхъ и помогать имъ съ тѣмъ, чтобы, когда они будутъ больны, здоровые помогали имъ.

И опять Богъ оставилъ людей, но когда вернулся посмотреть, какъ они живутъ теперь съ тѣхъ поръ, какъ стали подвержены болѣзнямъ, жизнь людей стала еще хуже.

Тѣ самыя болѣзни, которыя, по мысли Бога, должны были соединить людей, еще болѣе разъединили ихъ. Люди — тѣ, которые силою заставляли другихъ на себя работать, заставляли ихъ силою ходить за собою во время болѣзней и потому сами не заботились о больныхъ. Тѣ же, которыхъ силою заставляли работать на другихъ и ходить за больными, были такъ измучены работою, что имъ некогда было ходить за своими больными, они оставляли ихъ безъ помощи. Для того, чтобы видѣ больныхъ не мѣшало удовольствію богатыхъ, они устроили для больныхъ такіе дома, гдѣ больные сірадали и мерли безъ участія жалѣющихъ ихъ людей, а на рукахъ наемныхъ людей, холившихъ за больными не только безъ жалости, но

съ отвращеніемъ. Кромѣ того, большую часть болѣзней признали заразительными и, боясь заразиться, не только не сближались съ больными, но раздѣлялись даже съ тѣми, которые прикасались къ больнымъ.

Тогда Богъ сказалъ себѣ: если этимъ средствомъ нельзя довести людей до того, чтобы они понимали, въ чемъ ихъ счастье, то пускай они сами доходятъ своими мученіями. И Богъ оставилъ людей однихъ.

И, оставшись одни, люди долго жили не понимая того, что имъ можно и должно быть счастливыми. И только въ самое послѣднее время стали нѣкоторые изъ нихъ понимать, что трудъ не долженъ быть пугаломъ для однихъ и принудительной каторгой для другихъ, а долженъ быть общимъ радостнымъ дѣломъ, соединяющимъ всѣхъ людей. Стали понимать, что въ виду ежечасно угрожающей каждому смерти единственное разумное дѣло всякаго человѣка — въ томъ, чтобы въ согласіи и любви радостно провести предназначенные каждому годы, мѣсяцы, часы или минуты. Стали понимать, что болѣзни не только не должны быть причиной раздѣленія, а, напротивъ, должны быть причиной любовнаго общенія между собою.

КАМНИ.

Пришли двѣ женщины къ старцу за поученіемъ. Одна считала себя великой грѣшницей. Другая же, проживъ всю жизнь по закону, ни въ какомъ особенномъ грѣхѣ не упрекала себя и была довольна собой. Старецъ разспросилъ обѣихъ женщинъ о ихъ жизни. Одна со слезами призналась ему въ своемъ великомъ грѣхѣ. Она считала свой грѣхъ столь великимъ, что не ожидала за него прощенія; другая же сказала, что не знаетъ за собой никакихъ особенныхъ грѣховъ. Старецъ сказалъ первой:

— Поди ты, раба Божья, за ограду и найди ты мнѣ большой камень, такой, какой поднять можешь и принеси... А ты, — сказалъ онъ той, которая не знала за собой большихъ грѣховъ, — принеси мнѣ тоже каменье, сколько осилишь, только все мелкихъ.

Женщины пошли и исполнили приказаніе старца. Одна принесла большой камень, другая полный мѣшокъ мелкихъ каменье. Старецъ осмотрѣлъ камни и сказалъ:

— Теперь вотъ что сдѣлайте: снесите вы назадъ камни и положите на тѣ самыя мѣста, гдѣ взяли, и когда

положите, приходите ко мнѣ.

И женщины пошли исполнить приказаніе старца. Первая легко нашла то мѣсто, съ котораго взяла камень, и положила его, какъ онъ былъ; но другая никакъ не могла вспомнить, съ какого мѣста брала какой камень, и такъ, не исполнивъ приказанія, съ тѣмъ же мѣшкомъ каменьевъ вернулась къ старцу.

— Такъ вотъ, — сказалъ старецъ, — то же бываетъ и съ грѣхами. Ты легко положила большой и тяжелый камень на прежнее мѣсто, потому что помнила, откуда взяла его.

А ты не могла, потому что не помнила, гдѣ взяла мелкіе камни. То же и съ грѣхами.

Ты помнила свой грѣхъ, несла за него укоры людей и своей совѣсти, смирялась и потому освобождалась отъ послѣдствій грѣха.

Ты же, — обратился старецъ къ женщинѣ, принесшей назадъ мелкіе камни, — грѣшна мелкими грѣхами, не помнила ихъ, не каялась въ нихъ, привыкла къ жизни въ грѣхахъ и, осуждая грѣхи другихъ, все глубже и глубже завязла въ своихъ. Всѣ мы грѣшны, и всѣ мы погибнемъ, если не будемъ каяться.

ТРИ ВОПРОСА.

(Сказка).

Подумалъ разъ царь, что если бы онъ всегда зналъ время, когда начинать всякое дѣло, зналъ бы еще, съ какими людьми надо и съ какими не надо заниматься, а главное, всегда зналъ какое изъ всѣхъ дѣлъ самое важное, то ни въ чемъ бы ему не было неудачи. И, подумавъ такъ, царь объявилъ по своему царству, что онъ дастъ великую награду тому, кто научитъ его, какъ знать настоящее время для каждаго дѣла, какъ знать, какіе люди самые нужные и какъ не ошибаться въ томъ, какое дѣло изъ всѣхъ дѣлъ самое важное.

Стали приходять къ царю ученые люди и отвѣчали различно на его вопросы.

На первый вопросъ они говорили, что для того, чтобы знать настоящее время для каждаго дѣла, надо составить впередъ расписаніе дня, мѣсяца, года и строго держаться того, что назначено. Только тогда, говорили они, всякое дѣло будетъ дѣлаться въ свое время. Другіе говорили, что нельзя впередъ рѣшать, какое дѣло дѣлать въ

какое время, и надо не отвлекаться пустыми забавами и всегда быть внимательнымъ къ тому, что случается, и тогда дѣлать то, что требуется. Третьи говорили, что какъ бы ни будь внимателенъ царь къ тому, что случается, одному человѣку нельзя всегда вѣрно рѣшать, въ какое время что нужно дѣлать, а надо имѣть совѣтъ мудрыхъ людей и по этому совѣту рѣшать, что въ какое время дѣлать. Четвертые говорили, что бываютъ такія дѣла, что некогда спрашивать совѣтчиковъ, а надо сейчасъ рѣшать — время или не время начинать дѣло. Для того же, чтобы знать это, надо впередъ знать, что случится. А это могутъ знать только волхвы. И потому для того, чтобы знать настоящее время для каждаго дѣла, надо спрашивать объ этомъ волхвовъ.

Такъ же различно отвѣчали и на второй вопросъ. Одни говорили, что самые нужные царю люди — это его помощники, правители: другіе говорили, что самые нужные царю люди — это жрецы: третьи, что самые нужные царю люди — это врачи: четвертые, что нужнѣе всѣхъ людей для царя — войны.

На третій же вопросъ: какое дѣло самое важное: — одни говорили, что самое важное на свѣтѣ дѣло — это науки: другіе говорили, что самое важное дѣло — это военное искусство: третьи говорили, что важнѣе всего — богопочитаніе.

Всѣ отвѣты были различны: поэтому царь не согласился ни съ однимъ изъ нихъ и никому не далъ награды. Для того же, чтобы узнать вѣрнѣе отвѣты на свои вопросы, онъ рѣшилъ спросить объ этомъ отшельника, про мудрость котораго шла великая слава.

Отшельникъ жилъ въ лѣсу, никуда не выходилъ и принималъ только простыхъ людей. И потому царь одѣлся въ простую одежду и, недоѣзжая со своими оруженосцами до кельи отшельника, слѣзъ съ коня и одинъ пошелъ къ нему.

Когда царь подошелъ къ нему, отшельникъ передъ своей избушкой копалъ гряды. Увидавъ царя, онъ поздоровился съ нимъ и тотчасъ же опять принялся копать. Отшельникъ былъ худъ и слабъ и, втыкая лопату въ землю и вворачивая небольшіе комья земли, тяжело дышалъ.

Царь подошелъ къ нему и сказалъ:

— Я пришелъ къ тебѣ, мудрый отшельникъ, просить тебя дать мнѣ отвѣты на три вопроса: какое время надо полнить и не пропускать, чтобы потомъ не раскисать; какіе люди самые нужные, съ какими, стало быть, людьми надо больше и съ какими меньше заниматься, и какія дѣла самыя важныя, и какое поэтому дѣло изъ всѣхъ надо дѣлать прежде другихъ.

Отшельникъ послушалъ царя, но ничего не отвѣтилъ, а плюнулъ на руку и опять сталъ ковырять землю.

— Ты уморился, — сказалъ царь, — дай мнѣ лопату, я поработаю за тебя.

— Спасибо, — сказалъ отшельникъ и, отдавъ лопату, слѣлъ на землю.

Вскопавъ двѣ гряды, царь остановился и повторилъ свой вопросъ. Отшельникъ ничего не отвѣтилъ, а всталъ и протягнулъ руку къ лопатѣ.

— Теперь ты отдохни; давай я... — сказалъ онъ. Но царь не далъ лопаты и продолжалъ копать. Про-

шелъ часть, другой; солнце стало заходить за деревья, и царь воткнулъ лопату въ землю и сказалъ:

— Я пришелъ къ тебѣ, мудрый человѣкъ, за отвѣтомъ на мои вопросы. Если ты не можешь отвѣтить, то такъ и скажи, — я уйду домой.

— А вотъ кто-то бѣжитъ сюда, — сказалъ отшельникъ. — Посмотримъ, кто это.

Царь оглянулся и увидалъ, что изъ лѣса точно бѣжалъ бородатый человѣкъ. Человѣкъ этотъ держался за животъ руками; изъ-подъ рукъ его текла кровь. Подбѣжалъ къ царю, бородатый человѣкъ упалъ на землю и, закативъ глаза, не двигался, а только слабо стоналъ.

Царь вмѣстѣ съ отшельникомъ раскрылъ одежду человѣка. Въ животѣ его была большая рана. Царь, какъ умѣлъ, обмылъ ее и своимъ платкомъ и полотенцемъ отшельника перевязалъ ее. Но кровь не унималась, и царь нѣсколько разъ снималъ промокшую теплою кровью повязку и вновь обмывалъ и перевязывалъ рану.

Когда кровь унялась, раненый очнулся и попросилъ напиться. Царь принесъ свѣжей воды и напоилъ раненаго.

Солнце между тѣмъ, совсѣмъ зашло, и стало свѣжо. Царь съ помощью отшельника перенесъ раненаго человѣка въ келью и положилъ на кровать. Лежа на кровати, раненый закрылъ глаза и затихъ. Царь же такъ усталъ отъ хохоты и работы, что, прикурнувъ на порогѣ, тоже заснулъ такимъ крѣпкимъ сномъ, что проспалъ такъ всю лѣтнюю короткую ночь. и когда утромъ проснулся, дол-

го не могъ понять, гдѣ онъ и кто тотъ странный борода-
тый человѣкъ, который лежитъ на постели и пристально
смотритъ на него блестящими глазами.

— Прости меня, — сказалъ бородастый человѣкъ
слабымъ голосомъ, когда увидѣлъ, что царь проснулся и
смотритъ на него.

— Я не знаю тебя и мнѣ не въ чемъ прощать тебя, —
сказалъ царь.

— Ты не знаешь меня, но я знаю тебя. Я — тотъ
врагъ твой, который поклялся отомстить тебѣ за то, что
ты казнилъ моего брата и отнял у меня имущество. Я
зналъ, что ты пошелъ одинъ къ отшельнику и рѣшилъ
убить тебя, когда ты будешь возвращаться. Но прошелъ
цѣлый день, и тебя все не было. Тогда я вышелъ изъ за-
сады, чтобы узнать, гдѣ ты, и наткнулся на твоихъ ору-
женосцевъ. Они узнали меня и ранили. Я убѣждалъ отъ
нихъ. Но, истекая кровью, я померъ бы, если бы ты не
перевязалъ моей раны. Я хотѣлъ убить тебя, а ты спасъ
мнѣ жизнь. Теперь, если я останусь живъ, а ты захочешь
этого, буду, какъ самый вѣрный рабъ, служить тебѣ и то
же прикажу сыновьямъ моимъ.

Прости меня.

Царь былъ очень радъ тому, что ему такъ легко уда-
лось примириться съ своимъ врагомъ, и не только про-
стилъ его, но обѣщавъ возвратитъ ему его имущество и,
кромѣ того, прислать за нимъ своихъ слугъ и своего врача.

Простившись съ раненымъ, царь вышелъ на крыль-
цо, отыскивая глазами отшельника. Прежде чѣмъ уйти

ать него, онъ въ послѣдній разъ хотѣлъ попросить его отвѣтить на затаные ему вопросы. Отшельникъ былъ на дворѣ и, ползая на колѣняхъ подлѣ вчера вскопанныхъ грядъ, сажалъ въ нихъ огородныя сѣмена.

Царь подошелъ къ нему и сказалъ:

— Въ послѣдній разъ, мудрый человѣкъ прошу тебя отвѣтить мнѣ на вопросы.

— Да вѣдь тебѣ ужъ отвѣчено, — сказалъ отшельникъ, присѣвъ на свои худыя икры и снизу вверхъ глядя на стоящаго передъ нимъ царя.

— Какъ ствѣчено? — сказалъ царь.

— А какъ же? — сказалъ отшельникъ. — Если бы ты вчера не пожалѣлъ мою слабость, не вскопалъ за меня три гряды, а пошелъ бы одинъ назадъ, тотъ молодецъ на палъ бы на тебя, и ты бы раскаялся, что не остался со мною, самое настоящее время было то, когда ты копалъ гряды, и я былъ самый важный человѣкъ, и самое важное дѣло было мнѣ добро сдѣлать. А потомъ, когда тотъ приближалъ, самое настоящее время было, когда ты за нимъ уходилъ, потому что, если бы ты не перевязалъ ему раны, онъ бы померъ, не помирившись съ тобой. Стало быть, и самый важный человѣкъ былъ онъ, а то, что ты ему сдѣлалъ, и было самое важное дѣло. Такъ и помни, что самое важное время одно: **сейчасъ**; а самое важное — по тому, что въ немъ одномъ мы властны надъ собой; а самый нужный человѣкъ тотъ, съ кѣмъ сейчасъ сошелся, потому что никто не можетъ знать, будетъ ли онъ еще имѣть дѣло съ какимъ либо другимъ человѣкомъ: а самое важное дѣло — ему добро сдѣлать, потому что только для этого посланъ человѣкъ въ жизнь.

1904 г.

(Малороссійская легенда).

СОРОКЪ ЛѢТЬ.

Легенда «40 лѣтъ» была изложена Н. И. Костомаровымъ. Послѣ его смерти графъ Л. Н. Толстой, протитавъ её, написалъ къ ней послѣднюю — XIV — главу, которую и печатаемъ полностью, послѣ краткаго изложенія легенды.

Въ малороссійской слободѣ жилъ богатый мужикъ Шпакъ. Въ той же слободѣ жилъ бѣдный свинопасъ Трохимъ, котораго взялъ къ себѣ въ работники Шпакъ. Дочь его, красавица Васса, полюбила отцовскаго работника, бѣдняка Трохима, въ чемъ однажды и призналась отцу. Разгнѣванный Шпакъ прогоняетъ изъ дома Трохима и въ насмѣшку говоритъ ему, что отдастъ за него дочь только тогда, когда онъ пріѣдетъ сватать ее «въ жупанѣ изъ сянга тонкаго сукна, на своемъ собственномъ возѣ и на своей собственной лошади». Молодой человѣкъ даже и подумать не можетъ о возможности нажить такое богатство и съ горя рѣшаетъ утопиться. Случайно удерживаетъ его садовникъ мѣстнаго помѣщика, темный человѣкъ Приды-

балка, котораго народная молва считала за «нечистаго въ человѣческомъ образѣ». Придыбалка подбиваетъ Трохима на убійство и ограбленіе проѣзжавшаго черезъ нихъ слободу купца. Темной ночью, въ лѣсу, на большой дорогѣ Трохимъ выполняетъ задуманное съ помощью Придыбалки, и концы преступленія удалось спрятать: такъ какъ Трохимъ взялъ себѣ лишь часть денегъ и товара купца, то слѣдствіе рѣшило, что ограбленіе не было и что купецъ и его батракъ (убитые Трохимомъ ударами дубины и сброшенные въ оврагъ вмѣстѣ съ лошадыми) погибли вълѣдствіе собственной неосторожности; по слободѣ же Придыбалка пустилъ слухъ, что онъ далъ взаймы Трохиму средства на женитьбу, чтобъ досадить богачу Шпаку. Открылся Трохимъ только невѣстѣ. По ея совѣту онъ ночью идетъ на могилу убитыхъ, чтобы тамъ узнать свою судьбу: по народному повѣрію это возможно. Таинственный голосъ открываетъ Трохиму, что Богъ покараетъ его черезъ 40 лѣтъ. Женихъ и невѣста рѣшаютъ, что въ такой долгій срокъ они успѣютъ замолить грѣхъ, и играютъ свадьбу. Последніе остатки угрызений совѣсти исчезаютъ у Трохима послѣ разговора съ Придыбалкой, который увѣряетъ его, что нѣтъ Бога и нѣтъ грѣха.

Баринъ даетъ молодымъ вольную, и Трохимъ начинаетъ заниматься торговлей и мало-по-малу богатѣть.

Зовутъ его уже Трофимъ Семеновичъ Яшиниковъ. Онъ переѣзжаетъ сначала въ уѣздный, а потомъ въ губернской городъ. Здѣсь умираетъ его жена. Томимый одиночествомъ, онъ снова начинаетъ терзаться угрызениями совѣсти и мѣстному архіерею открываетъ свой грѣхъ. Архіерей отпускаетъ грѣхъ Трофиму Семеновичу подъ условіемъ, чтобы онъ построилъ церковь. Церковь построена, но спокойствія душѣ богача прибавилось мало. Женатый вторично, онъ

живетъ уже въ Петроградѣ въ большой роскоши и почетѣ. Въ одномъ монастырѣ святой старецъ указываетъ Трофиму единственный путь загладить прежнее преступленіе: раздать все несправедливое приобретенное имѣніе и жить трудомъ въ бѣдности. Но у Трофима нѣтъ силъ сдѣлать это. Ложными разсужденіями онъ старается оправдать себя.

Наконецъ настаетъ роковой 40-й годъ, когда должно исполниться пророчество о наказаніи, слышанное Трофимомъ Семеновичемъ на могилѣ убитыхъ имъ купца и бартака. Страхъ за свою судьбу мучаетъ старика. Онъ бесѣдуетъ съ своимъ ученымъ сыномъ Александромъ, намекая на свой грѣхъ, и тотъ, хоть не совсѣмъ ясно понявъ, въ чемъ состоитъ грѣхъ отца, слѣшитъ утѣшить его, сообщая, что никакого Бога нѣтъ и потому бояться Его и суда Его глупо, что будущей жизни нѣтъ и, слѣдовательно, нечего заботиться о «душѣ», а надо освободиться отъ старыхъ суевѣрій. Старикъ старался этому вѣрить.

Наступаетъ послѣдній день назначенныхъ ему 40 лѣтъ. Трофимъ Семеновичъ самъ не свой. Внезапно разразившаяся гроза окончательно нарушаетъ его душевное равновѣсіе. Онъ джалъ удара, но гроза миновала. Трофимъ Семеновичъ дѣлается все недовѣрчивѣе, боязливѣе и мрачнѣе. Только ученый Александръ могъ успокаивать его нѣсколько, снова повторяя свои воззрѣнія на Бога и душу и совѣтуя отцу «освободиться отъ этой брехни». — «Я и освободился», сказалъ старикъ.

И въ томъ, что онъ потерялъ вѣру въ Бога и будущую жизнь души, и должно было, повидимому, состоять наказаніе.

XIV.

Въ эту же первую ночь, съ 12-го на 13-е августа, когда онъ послѣ разговора съ сыномъ легъ одинъ спать въ своей комнатѣ, началось его наказаніе. «Нѣтъ Бога, нѣтъ души, нѣтъ наказанія! Какъ хорошо! Какъ покойно! И какъ много и долго я понапрасну мучилъ себя. Всѣ боремся другъ съ другомъ, всѣ губимъ другъ друга, чтобы жить, какъ это сказала Александръ. Борьба за существованіе — вотъ законъ. И другого нѣтъ. И мнѣ Богъ даль быть побѣдителемъ? Богъ даль? — все остается это глупая привычка. Не Богъ какой-то даль, а я сумѣлъ быть побѣдителемъ, вотъ и хорошо. И всякій борись, а кто поборолъ, пользуйся своей побѣдой. Я поборолъ и пользуюсь. Хорошо мнѣ было жить, только воспоминаніе отравляло. Я понимаю, что имъ завидно». (Онъ вспомнилъ слова схимника). «Имъ завидно, каждому хочется, а хочется такъ борись. Самъ борись, а не жди, чтобъ тебѣ дали».

«Вотъ и Александръ». Онъ вспомнилъ, какъ Александръ на дняхъ говорилъ ему, что положенныхъ ему 20 тыс. въ годъ мало. «Онъ просилъ прибавить еще 10 тыс., и, когда я отказалъ, онъ былъ недоволенъ. Положимъ, онъ расчитываетъ имѣть все, когда я умру». И вдругъ Трофиму Семеновичу ясно пришло въ голову, что сынъ долженъ желать его смерти. «Борись, чтобъ быть побѣдителемъ. Я боролся, убилъ куща, ихъ смерть мнѣ была нужна, и я взялъ ихъ жизнь. А ему, сыну моему Александру, чья смерть? Моя! Да, я ему стою на дорогѣ. Сколько бы я ни давалъ ему, ему лучше, чтобъ я умеръ и онъ бы былъ хозяинъ». И Трофимъ Семеновичъ сталъ вспоминать взгляды и слова сына, и во всемъ онъ видѣлъ

то, что сынъ желаетъ его смерти. «И не можетъ не желать. А если желаетъ, и онъ образованный человѣкъ, безъ суевѣрій, такъ онъ долженъ убить меня. Положимъ, онъ не захочетъ погубить себя. Но есть ядъ». И вдругъ ему вспомнился разговоръ сына о старинныхъ ядахъ, такихъ, которые убиваютъ такъ, что слѣдовъ нельзя найти. «А если у него будетъ этотъ ядъ, то такъ же онъ не дастъ его мнѣ? Онъ долженъ дать. Онъ говорилъ уже, что я запускаю дѣла; онъ говорилъ, что можно сдѣлать больше. Да, стаканъ чаю, и готово. Подкупить людей, повара... Они всѣ продажны». Онъ сталъ вспоминать своего камердинера-щеголя. «Этому дай 1000 рублей, и готово, а повару тоже». Трофимъ взволновался, думая это, и чтобъ успокоиться, хотѣлъ выпить стаканъ сахарной воды, стоявшей на столикѣ у его кровати. Онъ взялъ въ руку стаканъ, на днѣ было бѣлое. «Кто знаетъ, что это? Нѣтъ, не обманетъ», сказалъ онъ и выпилъ воду и пошелъ къ рукомойнику и выпилъ воды оттуда. «Да, борьба всѣхъ противъ всѣхъ. Бороться, такъ не зѣвать. Буду осторожниже. Буду пить и ѣсть то, что будетъ ѣсть жена. Да и она тоже. Она знаетъ, что ей пойдетъ седьмая часть. А ея бѣдные родные давно требуютъ отъ нея. Да, война, такъ война. Надо такъ поставить себя, чтобы имъ не было выгоды въ моей смерти. Надо написать завѣщаніе такое, которое бы лишило ихъ всего, чтобы смерть моя была невыгодна имъ. Да, завтра сдѣлаю это и объявлю имъ».

Онъ хотѣлъ заснуть, но мысли не давали ему спать. Онъ сталъ сочинять завѣщаніе. Надѣлъ халатъ и туфли, подошелъ къ столу и сталъ писать начерно завѣщаніе, въ которомъ онъ отдавалъ все состояніе на богоугодныя заведенія. Окончивъ это, онъ хотѣлъ лечь; но тутъ пришла ему мысль о лакеѣ, о дворникѣ. Онъ самъ переносился въ душу лакея и говорилъ себѣ: что если бы я былъ бѣд-

ный лакей съ 15 руб. жалованья въ мѣсяцъ и за 5 комнатъ отъ меня спать бы богачъ съ деньгами, и я бы твердо зналъ, какъ я знаю теперь, что нѣтъ Бога, нѣтъ и суда, — что бы я сдѣлалъ? Я сдѣлалъ бы то, что я сдѣлалъ съ купцомъ. И на Трофима Семеновича нашелъ страхъ. Онъ опять всталъ и сталъ запираеть свою дверь, но задвижка не держала, и онъ задвинулъ дверь кресломъ привязавъ его полотенцемъ къ ручкѣ и на кресло поставилъ кресло, чтобы оно загремѣло. Только тогда онъ затушилъ свѣчку и легъ спать. Заснулъ отъ утрома и проспалъ такъ поздно, что жена обезпокоилась и пошла отворить дверь. Кресла упали, загремѣли. Трофимъ Семеновичъ вскочилъ испуганный, блѣдный. «Кто, что? Караулъ!» даже закричалъ. Онъ долго не могъ опаматоваться. Ему при пробужденіи показалось, что его пришли убивать. Когда онъ опомнился, то сказалъ, что онъ изъ осторожности загородилъ, и постарался скрыть свой страхъ; но сколько онъ ни старался скрывать, съ этого дня и домашніе и прислуга стали замѣчать въ немъ большую переменъ.

Прежде онъ бывалъ веселъ, бывалъ и сердить, бывалъ и добръ, бывалъ и унылъ, когда думалъ о своемъ грѣхѣ. Прежде онъ однихъ людей не любилъ, другихъ любилъ, особенно дѣтей-внуковъ. Теперь же онъ всегда былъ одинаковъ, всегда былъ молчаливъ, остороженъ, на всѣхъ смотрѣлъ подозрительно и со всѣми даже съ дѣтьми, былъ одинаково холоденъ.

Завѣщаніе сдѣлалось для него съ этого времени главнымъ занятіемъ. Долго онъ не могъ сдѣлать такого, какое ему хотѣлось сдѣлать. Всѣ приказные, которые пріѣзжали къ нему за этимъ дѣломъ, не могли угодить ему. Онъ писалъ, переписывалъ и переменялъ.

Въ пищѣ онъ также сталъ особенно требователенъ.

Иногда самыя вкусныя и любимыя его кушанья онъ оставлялъ, не отвѣдавъ ихъ, часто отказывался отъ обѣда и приходилъ къ серединѣ стола и бралъ у сына, дочери или жены начатую тарелку и тогда только ѣлъ. Вино онъ покупалъ самъ особо и держалъ въ своей комнатѣ въ шкафу. Дѣлами онъ сталъ заниматься меньше, но когда и занимался, всегда скрывалъ отъ домашнихъ свои барыши и то, сколько онъ получаетъ. Состояніе, деньги, которыя доставляли ему прежде столько радости, теперь только мучили его. Онъ старался уберечь ихъ отъ другихъ и чувствовалъ, что уберечь ихъ нельзя противъ такихъ людей безъ Бога, какимъ онъ самъ былъ.

Онъ чувствовалъ, что если всѣ узнаютъ то, что онъ знаетъ и что знаетъ его сынъ, — что Бога и суда нѣтъ, то тогда никакія силы не сохранятъ его. Одно было спасеніе — не показывать людямъ того, что онъ знаетъ, что нѣтъ Бога и суда, а, напротивъ, внушать имъ это всѣми силами.

И потому еще послѣдняя перемѣна, которая сдѣлалась съ Трофимомъ Семеновичемъ 12-го августа была та, что онъ сталъ особенно набоженъ, такимъ, какимъ еще не былъ во всю свою жизнь. Онъ не пропускалъ ни одного поста, ни среды, ни пятницы, не пропускалъ ни одной службы, не пропускалъ никогда случая внушать своимъ семейнымъ и своимъ знакомымъ и своей прислугѣ того, что есть Богъ и Его законъ и что тѣ, которые не будутъ соблюдать его, тѣ погибнуть и будутъ жестоко наказаны въ будущей жизни. Онъ внушалъ даже сыну своему объ этомъ, дѣлая видъ, что онъ забылъ все, что говорилъ съ нимъ или что расказывался въ этомъ.

Съ самаго того срока, 12-го августа, когда онъ увѣрился въ томъ, что ему бояться нечего и некого, что Бога

нѣтъ и что теперь ничто ему не помѣшаетъ жить вполне въ свое удовольствіе, отпали все его удовольствія: изъ всехъ удовольствій сдѣлались мученія.

Страхъ убійства, отравленія, обмана, самыхъ страшныхъ преступленій въ своей семьѣ и между своими домашними не оставлялъ его. Онъ подозрѣвалъ всякаго человѣка во всехъ самыхъ ужасныхъ замыслахъ и боялся и ненавидѣлъ всякаго человѣка. — и жену, и сына, и дочь, и всехъ существующихъ. Даже маленькіе внуки его, которыхъ онъ прежде любилъ, теперь казались ему злыми звѣрками. Ему казалось, что они такъ же ненавидятъ его, какъ онъ ненавидѣлъ людей.

Чтобы спастись отъ своего страха, онъ дѣлалъ не переставая два дѣла: первое — скрывалъ все отъ всехъ, всехъ обманывалъ, хоронилъ концы, принималъ мѣры осторожности отъ всехъ людей, тогда какъ никто не думалъ ничего замыслить противъ него. Другое дѣло его было то, чтобы обманывать людей и внушать имъ то, что есть Богъ, есть добродѣтель, есть судъ Божій. Онъ считалъ, что его спасеніе въ томъ, чтобы увѣрять людей въ томъ, во что онъ самъ не вѣрилъ. Состояніе его, которое все увеличивалось, уже не радовало, но пугало его. Семейные были его врагами. Простыхъ радостей — ѣды, питья, сна — и тѣхъ у него не было. Онъ во всемъ подозрѣвалъ злые противъ себя замыслы.

Такъ прожилъ несчастный Трофимъ Семеновичъ еще болѣе 10-ти лѣтъ. Другимъ, со стороны, были видны его странности, но никто не видалъ его страданій. А страданія его были велики, особенно были велики его страданія тѣмъ, что онъ не могъ ждать отъ нихъ облегченія и въ смерти. Онъ мучился, страдалъ самъ, не зная зачѣмъ,

и все-таки боялся смерти, потому что зналъ, что послѣ смерти ничего не будетъ, окончится его жизнь навсегда, и поправить эту жизнь онъ не могъ ни въ жизни, ни въ смерти.

Такъ промаялся Трофимъ Семеновичъ 13 лѣтъ, и одинъ разъ, придя отъ обѣдни и позавтракавъ у себя въ комнатѣ и выпивъ вина, запертаго у него въ шкафу, онъ легъ спать и больше не проснулся.

Смерть внезапная и, конечно легкая. Богатый гробъ Трофима Семеновича повезли на кладбище Александроневской лавры. За гробомъ шла толпа дармоѣдовъ, ѣздившихъ на богатые обѣды и ужины богача-золотопромышленника. Одинъ проповѣдникъ, славившійся тогда въ Петроградѣ даромъ краснорѣчія, произнесъ надгробное слово и много говорилъ о добродѣтели, благочестіи и счастливой жизни усопшаго. Никто, кромѣ Бога, не зналъ ни о преступленіи Трофима, ни о томъ, какое наказаніе постигло его съ той минуты, какъ онъ потерялъ въ себѣ Бога.

ФРАНСУАЗА.

I.

3 мая 1882 года изъ Гавра отплылъ въ китайскія моря трехмачтовый корабль «Богородица Вѣтровъ». Онъ сдалъ свой грузъ въ Китаѣ, взялъ тамъ новый грузъ, отвезъ его въ Буэносъ-Айресь и оттуда повезъ товары въ Бразилію.

Переѣзды, поврежденія, починки, затишья по нѣскольку мѣсяцевъ, вѣтры, сгонявшіе корабль далеко съ дороги, морскія приключенія и несчастья задерживали его такъ, что онъ четыре года проплавалъ по чужимъ морямъ и только 8 мая 1886 года присталъ къ Марселю съ грузомъ жестяныхъ ящичковъ съ американскими консервами.

Когда вышелъ корабль изъ Гавра, на немъ были капитанъ, его помощникъ, и 14 матросовъ. Во время путе-

шествiя одинъ матросъ умеръ, четыре пропали при разныхъ приключенiяхъ и только 9 воротились во Францiю. Въмѣсто выбывшихъ матросовъ на корабль наняли двухъ американцевъ, одного негра и одного шведа, котораго нашли въ одномъ кабацкѣ въ Сингапурѣ.

На корабль подобрали паруса и завязали на мачтѣ крестъ-накрестъ снасти. Подошелъ буксирный пароходъ и пыхтя потащилъ его на линiю кораблей. Море было тихо, у берега еле-еле плескался остатокъ зыби. Корабль вошелъ въ линiю, гдѣ стояли вдоль набережной бокъ о бокъ корабли изъ всѣхъ странъ свѣта, и большiе и малые, всякихъ размѣровъ, формъ и оснастокъ. «Богородица Вѣтровъ» стояла между итальянскимъ бригомъ и англiйскою галеттою, которые потѣснились, чтобы дать мѣсто новому товарищу.

Какъ только капитанъ раздѣлался съ таможенными и портовыми чиновниками, онъ отпустилъ половину матросовъ на всю ночь на берегъ.

Ночь была теплая, лѣтняя. Марсель былъ весь освѣщенъ, на улицахъ пахло вѣдой изъ кухонь, со всѣхъ сторонъ слышались говоръ, грохотъ колесъ и веселые крики.

Матросы съ корабля «Богородица Вѣтровъ» мѣсяца четыре не были на сушѣ и теперь, сойдя на берегъ, робко, по двое шли по городу, какъ чужiе, отвыкшие отъ городовъ, люди. Они осматривались, обнюхивая улицы, ближайшiя къ пристани, какъ буд-то чего-то искали. Четыре мѣсяца они не видали женщинъ... и ихъ мучила похоть. Впереди ихъ шелъ Селентинъ Дукло, здоровенный паренъ и ловчiй. Онъ всегда водилъ другихъ, когда они сходил на берегъ. Онъ умѣлъ находить хорошiя мѣста, умѣлъ и отдѣ-

латься, когда надо было, и не ввязывался въ драки, что частенько бываетъ съ матросами, когда они сходятъ на берегъ; но если драка завязалась, то онъ не отставалъ отъ товарищей и умѣлъ постоять за себя.

Долго матросы толкались по темнымъ улицамъ, которыя, какъ стоки, всё спускались къ морю и изъ которыхъ несло тяжелымъ запахомъ подваловъ и чулановъ. Наконецъ Селестинъ выбралъ одинъ узкій переулочъ, въ которомъ горѣли надъ дверями выпуклые фонари, и вошелъ въ него. Матросы, зубоскаля и напѣвая, шли за нимъ. На матовыхъ раскрашенныхъ стеклахъ фонарей были огромныя цифры. Подъ низкими потолками дверей сидѣли на соломенныхъ стульяхъ женщины въ фартикахъ, онѣ выскакивали при видѣ матросовъ и, выбѣгая на середину улицы, загораживали имъ дорогу и заманивали каждая въ свой притонъ.

Иной разъ въ глубинѣ сѣней нечаянно распахивалась дверь. Изъ нея показывалась полураздѣтая женщина въ грубыхъ бумажныхъ обтянутыхъ штанахъ, коротенькой юбкѣ и въ бархатномъ черномъ нагрудникѣ съ позолоченными позументами. «Эй, красавчики, заходите!» звала она еще издали и иногда выбѣгала сама, цѣпляясь за кого-нибудь изъ матросовъ, и тащила его изо всѣхъ силъ къ дверямъ. Она вливалась въ него, какъ паукъ, когда онъ волочить муху сильнѣе себя. Парень, размякшій отъ похоти, упирается слабо, а остальные останавливались и смотрѣли, что будетъ: но Селестинъ Докло кричалъ:

«Не здѣсь, не заходи! Дальше!» И парень слушался его голоса и силой вырывался у дѣвки. И матросы шли дальше, провожаемые бранью разсерженной дѣвки. На шумъ вдоль всего переулка выскакивали другія, накидывались

на нихъ и хриплыми голосами нахваливали свой товаръ. Такъ они шли все дальше и дальше. Изрѣдка попадались имъ навстрѣчу то солдаты, стучавшіе шпорами, то поодиночкѣ мѣщанинъ или приказчикъ, пробиравшіеся въ знакомое мѣсто. Въ другихъ переулкахъ свѣтились такіе же фонари, но матросы шли дальше и дальше, шагая черезъ вонючую жижу, сочившуюся изъ-подъ домовъ, полныхъ бабьяго мяса. Но вотъ Дукло остановился около одного дома, получше другихъ, и повелъ туда своихъ ребятъ.

II.

Матросы сидѣли въ большой залѣ трактира. Каждый изъ нихъ выбралъ себѣ подругу и ужъ не разставался съ ней весь вечеръ: такой былъ обычай въ трактирѣ. Три стола были ствинуты вмѣстѣ, а матросы прежде всего выпили вмѣстѣ съ женщинами, потомъ они поднялись и бошли съ ними наверхъ. Долго и громко стучали толстые башмаки двадцати ногъ по деревяннымъ ступенькамъ, пока они все ввалились черезъ узкія двери и разбрелись по отдѣльнымъ комнатамъ. Изъ спальныхъ комнатъ они сходили опять внизъ пить, потомъ опять шли наверхъ.

Гульба шла въ развалъ. Все полугодное жалованье пошло за четыре часа разгула. Къ 11 часамъ они все были уже пьяны и съ налитыми кровью глазами несвязно кричали, сами не зная что. Кто пѣлъ, кто кричалъ, кто стучалъ кулакомъ по столу, кто лилъ себѣ въ глотку вино. Селестинъ Дукло сидѣлъ среди товарищей. Съ нимъ сидѣла крупная, толстая, краснощекая тѣвка. Онъ выпилъ не меньше другихъ, но не былъ еще совсемъ пьянъ: у него въ головѣ бродили кое-какія мысли. Онъ развѣжился и псалъ, о чемъ бы заговорить со своей подругой. Но мысли приходили ему и тотчасъ же уходили, и онъ никакъ не

могъ поймать ихъ, вспомнить и высказать.

Онъ смѣялся и говорилъ:

— Такъ, такъ-то... такъ-то... И давно ужъ ты здѣсь?

— Шесть мѣсяцевъ, — отвѣчала дѣвка.

Онъ кивнулъ головой, какъ-будто одобрялъ ее за это.

— Ну, что-же, и хорошо тебѣ?

Она подумала.

— Привыкла, — сказала она. — Надо же какъ-нибудь. Все же лучше, чѣмъ въ прислугахъ или прачкахъ.

Онъ одобрительно кивнулъ головой, какъ-будто и за это онъ одобрялъ ее.

— И ты не здѣшняя?

Она покачала головой въ знакъ того, что не здѣшняя.

— Дальняя?

Она кивнула. —

— А откуда?

Она подумала, какъ будто-то припоминала.

— Изъ Персиньяна я, — проговорила она.

— Такъ, такъ. — проговорилъ онъ и замолчалъ.

— А ты, что же, морякъ? — спросила теперь она.

— Да, моряки мы.

— Что жъ, далеко были?

— Да, не близко. Всего насмотрѣлись.

— Пожалуй, и вокругъ свѣта ѣздили-

— Не то что разъ, чуть не два раза объѣхали.

Она какъ-будто раздумывала, припоминая что-то.

— Я чай, много встрѣчали кораблей—сказала она.

— А то какъ же.

— Не попадалась вамъ «Богородица Вѣтровъ» Такой корабль есть.

Онъ удивился, что она назвала его корабль, и вздумалъ пошутить.

— Какъ-же, на прошлой недѣлѣ встрѣтили.

— Правду, въ самомъ дѣлѣ—спросила она и по-

блѣднѣла.

— Правду.

— Не врешь-

— Ей-Богу, — побожился онъ.

— Ну, и не видалъ тамъ Селестина Дюкло? — спросила она.

— Селестина Дюкло — повторилъ онъ и удивился и испугался даже. Откуда она могла знать его имя?

— А его развѣ знаешь? — спросилъ онъ.

Видно было, что и она чего-то испугалась.

— Нѣтъ, не я, а женщина тутъ одна его знаетъ.

— Какая женщина? Изъ этого дома?

— Нѣтъ, тутъ по близости.

— Гдѣ же по близости?

— Да недалеко.

— Кто же она такая?

— Да просто женщина, такая же, какъ и я.

— А зачѣмъ же онъ ей нуженъ?

— Почему же я знаю. Можетъ, землячка его.

Они пытливо смотрѣли въ глаза другъ другу.

— Хотѣлось бы мнѣ повидаться съ этой женщиной.

— сказалъ онъ.

— А зачѣмъ? Сказать что хочешь?

— Сказать...

— Что сказать?

— Сказать, что видѣлъ Селестина Дюкло.

— А ты видѣлъ Селестина Дюкло? И живъ онъ и здоровъ?

— Здоровъ. А что?

Она замолчала, опять собираясь съ мыслями, и потомъ тихо сказала:

— А куда же идти «Богородица Вѣтровъ»?

— Куда? Въ Марсель.

— Правду?! — вскрикнула она.

— Правду.

— А ты знаешь Дюкло?

— Да вѣдь сказала, что знаю.

Она подумала.

— Такъ, такъ. Это хорошо, — тихонько сказала она.

— Да зачѣмъ боясь тебѣ?

— А коли увидишь его, ты ему скажи..... Нѣтъ, не надо.

— Да что?

— Нѣтъ, ничего.

Онъ смотрѣлъ на нее и тревожился все больше и больше.

— Да ты-то знаешь его? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не знаю.

— Такъ зачѣмъ же онъ тебѣ?

Она не отвѣчала, вдругъ вскочила, побѣжала къ конторкѣ, за которой сидѣла хозяйка, взяла лимонъ, разрѣзала его, надала соку въ стаканъ, потомъ налила туда воды и подала Селестину.

— На, выпей-ка, — сказала она и сѣла, какъ и прежде сидѣла ему на колѣни.

— Это зачѣмъ? — спросилъ онъ, взявъ отъ нея стаканъ.

— Чтобы хмель прошелъ. Потомъ скажу. Пей.

Онъ выпилъ и утеръ рукавомъ губы.

— Ну, говори, я слушаю.

— Да ты не скажешь ему, что меня видѣлъ, не скажешь, отъ кого слышалъ то, что скажу?

— Ну, хорошо, не скажу.

— Побожись!

Онъ побожился.

— Ей Богу?

— Ей-Богу.

— Такъ ты ему скажи, что его отецъ умеръ и мать померла, братъ тоже померъ. Горячка была. Въ одинъ мѣсяць все трое померли.

Дюкло почувствовалъ, что вся кровь его стѣснилась у сердца. Нѣсколько минутъ просидѣлъ онъ молча, не зная, что сказать, потомъ выговорилъ:

— И ты вѣрно знаешь?

— Вѣрно.

— Кто же тебѣ сказалъ?

Она положила руки ему на плечи и посмотрѣла прямо ему въ глаза.

— Побожись, что не разболтаешь.

— Ну, побожился. Ей-Богу!

— Я сестра ему.

— Франсуаза! — вскрикнулъ онъ.

Она пристально посмотрѣла на него и тихо-тихо пошевелила губами, почти не выпуская словъ.

— Такъ это ты — Селестинъ!

Они не шевелились, замерли, какъ были, смотрѣли въ глаза другъ другу.

А вокругъ нихъ остальные орали пьяными голосами. Звонъ стакановъ, стукъ ладонями и каблуками и пронзительный визгъ женщинъ перемѣшивались съ гамомъ пѣсень.

— Какъ-же это такъ? — тихо, такъ тихо, что даже она едва-едва разобрала его слова, проговорилъ онъ.

Глаза ея вдругъ налились слезами.

— Да такъ, померли. Всѣ трое въ одинъ мѣсяць,— продолжала она. — Что-жъ мнѣ было дѣлать? осталась я одна. Въ аптеку, да къ доктору, за похороны троихъ.... продала, что было вещей, расплатилась и осталась, въ чемъ была. Поступила въ прислуги къ барину Капо, — помнишь, хромою такой? Мнѣ только что 15 лѣтъ минуло; мнѣ вѣдь и 14 еще не было, когда ты то уѣхалъ. Съ нимъ согрѣшила.. Дура вѣдь вѣдь наша сестра. Потомъ въ няньки поступила къ нотариусу, — онъ тоже. Сначала взялъ на содержаніе, жила на квартирѣ. Да не долго. Бросилъ онъ меня, я три дня не ѣвши жила, никто не беретъ, и поступила вотъ сюда, какъ и прочія, — она говорила, и слезы ручьемъ текли у нея изъ глазъ, изъ носа, мочили щеки и вливались въ ротъ.

— Что-жъ это мы надѣлали! — проговорилъ онъ.

— Я думала, и ты тоже умеръ, — сказала она сквозь слезы. — Развѣ это отъ меня, — прошептала она.

— Какъ же ты меня не узнала? — также шопотомъ сказалъ онъ.

— Я не знаю, я не виновата, — продолжала она и еще пуще заплакала.

— Развѣ я могъ узнать тебя? Развѣ ты такая была, когда я уѣхалъ? Ты-то какъ не узнала?

Она съ отчаяніемъ махнула рукой.

— Ахъ! я ихъ столько, этихъ мужчинъ, вижу, что онѣ мнѣ всѣ на одно лицо.

Сердце его сжималось такъ больно и такъ сильно, что ему хотѣлось кричать и реветъ, какъ маленькому мальчику, когда его бьютъ.

Онъ поднялся, отстранилъ ее отъ себя и, схвативъ своими большими матросскими лапами ея голову, пристально сталъ вглядываться въ ея лицо.

Мало-по-малу онъ узналъ въ ней, наконецъ, ту маленькую, тоненькую и веселенькую дѣвочку, которую онъ оставилъ дома съ тѣми, кому она закрыла глаза.

— Да, ты Франсуаза! сестра — проговорилъ онъ. И вдругъ рыданія, тяжелыя рыданія мужчины, похожія на лютю пьяницы, поднялись въ его горлѣ. Онъ отпустилъ ея голову, ударилъ по столу такъ, что стаканы опрокинулись и разлетѣлись въ дребезги, и закричалъ дикимъ голосомъ:

Товарищи удивились, обратились къ нему. «Вишь, какъ надулся», сказали одинъ. «Будеть орать то», сказалъ другой. «Эй! Дюкло! Что орешь? Идемъ опять наверхъ», сказалъ третій, одной рукой дергая Селестина за рукавъ, а другой обнимая свою хохотавшую, раскрасѣвшуюся, съ блестящими черными глазами подругу въ шелковомъ розовомъ открытомъ лифѣ.

Дюкло вдругъ замолкъ и, затаивъ дыханіе, уставился на товарищей. Потомъ съ тѣмъ страннымъ и рѣшительнымъ выраженіемъ, съ которымъ, бывало, вступалъ въ драку, он шатаясь подошелъ къ матросу, обнимавшему дѣвку, и ударилъ рукой между имъ и дѣвкой, ралѣя ихъ.

— Прочь! Развѣ не видишь, она сестра тебѣ! Всѣ онѣ кому нибудь да сестры. Вотъ и эта, сестра Франсуаза. Ха-ха-ха-ха-ха!... — зарыдалъ онъ рыданіями, похожими на хохотъ, и онъ зашатался, поднялъ руки и грянулся

лицомъ на полъ. И сталъ кататься по полу, колотясь о него и руками и ногами, хрипя какъ умирающій.

— Надо его уложить спать, — сказалъ одинъ изъ товарищей, — а то какъ бы на улицѣ не засадили его.

И они подняли Селестина, и втащили наверхъ въ комнату Франсуазы, и уложили его на ея постель.

1892 г.

ГДѢ ЛЮБОВЬ, ТАМЪ И БОГЪ.

Жилъ въ городѣ сапожникъ Мартынъ Авдеичъ. Жилъ онъ въ подвалѣ, въ горенкѣ объ одномъ окнѣ. Окно было на улицу. Въ окно видно было, какъ проходили люди; хотъ видны были только ноги, но Мартынъ Авдеичъ по сапогамъ узнавалъ людей. Мартынъ Авдеичъ жилъ давно на одномъ мѣстѣ, и знакомства много было. Рѣдкая пара сапогъ въ околоткѣ не побывала и разъ и два у него въ рукахъ. На какіе подметки подкинетъ, на какіе латки положить, какіе обошьетъ, а въ другой разъ и новыя головки сдѣлаетъ. И часто въ окно онъ видалъ свою работу. Работы было много, потому что работалъ Авдеичъ прочно, товаръ ставилъ хорошій, лишняго не бралъ и слово держалъ. Если можетъ къ сроку сдѣлать — возьметъ, а нѣтъ — такъ и обманывать не станеть, впередъ говорить. И знали всѣ Авдеича, и у него не переводилась работа.

Авдеичъ и всегда былъ человѣкъ хорошій, но подъ старость сталъ онъ больше о душѣ своей думать и больше къ Богу приближаться. Еще когда Мартынъ у хозяина жилъ, померла у него жена. И остался послѣ жены одинъ

мальчикъ трехъ годовъ. Дѣти у нихъ не жили. Старшія всѣ прежде померли. Хотѣлъ сначала Мартынъ сынишку сестрѣ въ деревню отдать, потомъ пожалѣлъ — подумалъ: тяжело будетъ Капитошѣ моему въ чужой семьѣ расти, оставлю его при себѣ.

И отошелъ Авденчъ отъ хозяина и сталъ съ сынишкой на квартирѣ жить. Да не далъ Богъ Авденчу въ дѣтяхъ счастья. Только подросъ мальчикъ, сталъ отцу помогать, только бы на него радоваться, напала на Капитошку болѣзнь, слегъ мальчикъ, погорѣлъ недѣлку и померъ. Схоронилъ Мартынъ сына и отчаялся. Такъ отчаялся, что сталъ на Бога роптать. Скука такая нашла на Мартина, что не разъ просилъ у Бога смерти и укорялъ Бога за то, что Онъ не его, старика, прибралъ, а любимаго единственнаго сына. Пересталъ Авденчъ и въ церковь ходить.

И вотъ зашелъ разъ къ Авденчу отъ Троицы землякъ-старичокъ — ужъ восьмой годъ странствовалъ. Разговорился съ нимъ Авденчъ и сталъ ему на свое горе жаловаться:

— И жить, говорить, Божіи человѣкъ, больше не охота. Только бы помереть. Объ одномъ Бога прошу. Безнадежный я стался теперь человѣкъ.

И сказалъ ему старичокъ:

— Нехорошо ты говоришь, Мартынъ, намъ нельзя Божіи дѣла судить. Не нашимъ умомъ, а Божимъ судомъ. Твоему сыну судилъ Богъ помереть, а тебѣ — жить. Значить, такъ лучше. А что отчаиваешься, такъ это оттого, что ты для своей радости жить хочешь.

— А для чего же жить-то? — спросилъ Мартынъ.

И старичокъ сказалъ: «Для Бога, Мартынъ, жить на-

до. Онъ тебѣ жизнь даетъ, для Него и жить надо. Когда для Него жить станешь, ни о чемъ тужить не станешь, и все тебѣ легко покажется».

Помолчалъ Мартынъ и говоритъ: «А какъ же для Бога жить-то?»

И сказалъ старичокъ: «А жить какъ для Бога, то намъ Христось показалъ. Ты грамотѣ знаешь? Купи Евангеліе и читай, тамъ узнаешь, какъ для Бога жить. Тамъ все показано».

И запали эти слова въ сердце Авдеичу, и пошелъ онъ въ тотъ же день, купилъ себѣ Новый завѣтъ крупной печати и сталъ читать.

Хотѣлъ Авдеичъ читать только по праздникамъ, да какъ началъ читать, такъ ему на душѣ хорошо стало, что сталъ каждый день читать. Другой разъ такъ зачитается, что въ лампадѣ весь керосинъ выгорить, и все отъ книги оторваться не можетъ. И сталъ такъ читать Авдеичъ каждый вечеръ. И что больше читалъ, то яснѣе понималъ, чего отъ него Богъ хочетъ и какъ надо для Бога жить; и все легче и легче ему становилось на сердцѣ. Бывало прежде, спать ложится охаетъ онъ и крехчетъ и все про Капитушку вспоминаетъ, а теперь только приговариваетъ: «Слава Тебѣ, слава Тебѣ, Господи! Твоя воля!»

И съ той поры перемѣнилась вся жизнь Авдеича.

Бывало прежде, праздничнымъ дѣломъ захаживалъ и онъ въ трактиръ чайку попить, да и отъ водочки не отказывался. Выпить, бывало, съ знакомымъ человѣкомъ, и хоть не пьянъ, а все-таки выходилъ изъ трактира наве-

селѣ и говаривалъ пустое: и окрикнетъ и оговорить человѣка. Теперь все это само отошло отъ него. Жизнь стала его тихая и радостная. Съ утра садится за работу, отработаетъ свое время, сниметъ лампочку съ крючка, поставитъ на столъ, достанетъ съ полки книгу, разложитъ и сядетъ читать. И что больше читаетъ, то больше понимаетъ, и то яснѣе и веселѣе на сердцѣ.

Случилось разъ, поздно зачитался Мартынъ. Читалъ онъ Евангеліе отъ Луки. Прочелъ онъ главу шестую, прочелъ онъ стихи: «Ударившему тебя по щекѣ подставь и другую, и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку. Всякому просящему у тебя давай и отъ взявшаго твое не требуй назадъ. И какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ и вы поступайте съ ними». Прочелъ и дальше тѣ стихи, гдѣ Господь говорить:

«Что вы зовете меня: Господи! Господи! и не дѣлаете того, что Я говорю? Всякій, приходящій ко мнѣ, слушающій слова Мои и исполняющій ихъ, скажу вамъ, кому подобенъ. Онъ подобенъ человѣку, строящему домъ, который копалъ, углубился и положилъ основаніе на камнѣ, почему, когда случилось наводненіе и вода наперла на этотъ домъ, то не могла поколебать его, потому что онъ основанъ былъ на камнѣ. А слушающій и не исполняющій подобенъ человѣку, построившему домъ на землѣ безъ основанія, который, когда наперла на него вода, тотчасъ обрушился; и разрушеніе дома сего было великое».

Прочиталъ эти слова Авденчъ, и радостно ему стало на душѣ.

Снялъ онъ очки, положилъ на книгу, облокотился на

столъ и задумался. И сталъ онъ примѣрять свою жизнь къ словамъ этимъ. И думаетъ самъ съ собой:

«Что мой домъ — на камнѣ или на пескѣ? Хорошо, какъ на камнѣ. И легко такъ-то, одинъ сидишь, кажется, все и сдѣлалъ, какъ Богъ велитъ, а разсѣнешся и опять согрѣшишь. Все жъ буду тянуться. Ужъ хорошо очень! Помоги мнѣ, Господи!»

Подумалъ онъ такъ, хотѣлъ ложиться, да жаль было оторваться отъ книги. И сталъ читать еще 7-ю главу. Прочелъ онъ про сотника, прочелъ про сына вдовы, прочелъ про отвѣтъ ученикамъ Иоанновымъ и дошелъ до того мѣста, гдѣ богатый фарисей позвалъ Господа къ себѣ въ гости; и прочелъ о томъ, какъ женщина-грѣшница помазала Ему ноги и омывала ихъ слезами, и какъ Онъ оправдалъ ее. И дошелъ отъ до 44-го стиха и сталъ читать:

«И, обратившись къ женщинѣ, сказалъ Симону: видишь ли ты сію женщину? Я пришелъ въ домъ твой, и ты воды Мнѣ на ноги не далъ: а она слезами обмыла Мнѣ ноги и волосами головы своей отерла. Ты лобзанія Мнѣ не далъ, а она съ тѣхъ поръ, какъ Я пришелъ, не перестаетъ цѣловать у Меня ноги. Ты головы мнѣ масломъ не помазалъ, а она мнромъ помазала Мнѣ ноги». Прочелъ онъ эти стихи и думаетъ: «Воды на ноги не далъ, цѣлованія не далъ, головы масломъ не помазалъ»...

И опять снялъ очки Авденчъ, положилъ на книгу и опять задумался.

«Такой же, видно, какъ я, фарисей-то былъ... Тоже, я чай, только о себѣ помнилъ. Какъ бы чайку напитокъся, да въ теплѣ, да въ холѣ, а нѣтъ того, чтобы о гостѣ поду-

мать. О себѣ поминилъ, а гостѣ и заботушки нѣтъ. А гость то кто? Самъ Господь. Кабы ко мнѣ пришелъ, развѣ я такъ бы сдѣлалъ?»

И облокотился на обѣ руки Авденчъ и не видалъ, какъ задремалъ.

— Мартынъ! — вдругъ какъ задышало что-то у него надъ ухомъ.

Встрепенулся Мартынъ спросилъ: «Кто тутъ?»

Повернулся онъ, взглянулъ на дверь — никого. Прикурнулъ онъ опять. Вдругъ явственно слышнить:

— Мартынъ, а Мартынъ! смотри завтра на улицу, приду.

Очнулся Мартынъ, поднялся со стула, сталъ протирать глаза. И не знаетъ самъ — во снѣ или наяву слышаль онъ слова эти. Завернулъ онъ лампу и легъ спать.

На утро до свѣта поднялся Авденчъ, помолился Богу, истопилъ печку, поставилъ щи, кашу, развелъ самоваръ, падѣлъ фартукъ и сѣлъ къ окну работать. Сидитъ Авденчъ, работаетъ, а самъ все про вчерашнее думаетъ. И думаетъ надвое: то думаетъ — померешилось, а то думаетъ, что и вправду слышаль онъ голосъ. «Что жъ, думаетъ, бывало и это».

Сидитъ Мартынъ у окна и столько не работаетъ, сколько въ окно смотреть, и какъ пройдетъ кто въ незнакомыхъ сапогахъ, изогнется, выглядываетъ изъ окна, чтобы не однѣ ноги, а и лицо увидеть. Прошелъ дворникъ въ новыхъ валенкахъ, прошелъ водовозъ, потомъ поравнялся съ окномъ старый солдатъ Николаевскій въ обшитыхъ старыхъ валенкахъ съ лопатой въ рукахъ. По валенкамъ узналъ его Авденчъ. Старика звали Степанычемъ, и жилъ

онъ у сосѣдняго купца изъ милости. Положена ему была должность дворнику помогать. Сталъ противъ Авдеичева окна Степанычъ очищать снѣгъ. Посмотрѣлъ на него Авдеичъ и опять взялся за работу.

«Вишь, одурѣлъ видно, я со старости, — самъ на себя посмѣялся Авдеичъ. — Степанычъ снѣгъ чистить, а я думаю, Христось ко мнѣ идетъ. Совсѣмъ одурѣлъ, старый хрычъ». Однако стекковъ десятокъ сдѣлалъ Авдеичъ, спясть тянетъ его въ окно посмотрѣть. Посмотрѣлъ опять въ окно, видитъ — Степанычъ прислонилъ лопату къ стѣнѣ и самъ не то грѣется, не то отдыхаетъ.

Человѣкъ старый, ломаный, видно, и снѣгъ-то сгребать силы нѣтъ. Подумалъ Авдеичъ: «напоить его развѣ чайкомъ кстати и самоваръ уходить хочеть». Воткнулъ Авдеичъ шило, всталъ, поставилъ на столъ самоваръ, залилъ чай и постучалъ пальцемъ въ стекло. Степанычъ обернулся и подошелъ къ окну. Авдеичъ поманилъ его и пошелъ отворить дверь.

— Войди, погрѣйся, что ль, — сказалъ онъ. — Озябъ, чай?

— Спаси Христось, и то кости ломаютъ, — сказалъ Степанычъ. Вошелъ Степанычъ, отряхнулся отъ снѣга, сталъ ноги вытирать, чтобы не наслѣдить по полу, а самъ шатается.

— Не трудись вытирать. Я подотру, наше дѣло такое. Проходи, садись! — сказалъ Авдеичъ. — Вотъ чайку выпей.

И Авдеичъ налилъ два стакана и подвинулъ одинъ гостю, а самъ вылилъ свой на блюдечко и сталъ дуть.

Выпилъ Степанычъ свой стаканъ, перевернувъ дномъ кверху и на него положилъ огрызокъ и сталъ благодарить. А самому, видно, еще хочется.

— Кушай еще, — сказала Авденчъ и налилъ еще стаканъ и себѣ и гостю. Пьетъ Авденчъ свой чай, а самъ нѣтъ-нѣтъ на улицу поглядываетъ.

— Али ждешь кого? — спросилъ гость.

— Жду кого? И сказать совѣстно, кого жду. Жду, не жду, а запало мнѣ въ сердце слово одно. Видѣнье или такъ, самъ не знаю. Видишь ли, братецъ ты мой: читалъ я вчера Евангеліе про Христа Батюшку, какъ Онъ страдалъ, какъ по землѣ ходилъ. Слыхалъ ты, я чай?

— Слыхать слыхалъ, — отвѣчалъ Степанычъ, — да мы люди темные, грамотѣ не знаемъ.

— Ну вотъ, читалъ я про самое то, какъ Онъ по землѣ ходилъ. Читаю я, знаешь, какъ Онъ къ фарисею пришелъ, а тотъ Ему встрѣчи не сдѣлалъ. Ну такъ вотъ, читалъ, братецъ ты мой я вчера про это самое и подумалъ: какъ Христа Батюшку честь-честью не принялъ! Доведись, къ примѣру, мнѣ или кому, думаю, и не зналъ бы, какъ принялъ. А онъ и приему не сдѣлалъ! Вотъ подумалъ я такъ-то и задремалъ. Задремалъ я, братецъ ты мой, слышу, по имени кличетъ: поднялся я — голосъ, ровно шепчетъ кто-то: жди, говорить, завтра приду. Да до двухъ разъ. Ну вотъ, вѣришь ли, запало мнѣ это въ голову, самъ себя браню и все жду Его Батюшку.

Степанычъ покачалъ головой и ничего не сказалъ, а допилъ стаканъ и положилъ его бокомъ, но Авденчъ опять поднималъ стаканъ, налилъ еще.

— Кушай на здоровье! Вѣдь тоже, думаю, когда Онъ,

Батюшка, по землѣ ходить, не брезговалъ никѣмъ, а съ простымъ народомъ больше водился. Все по простымъ ходилъ, учениковъ-то набиралъ все больше изъ нашего брата, такихъ же, какъ мы грѣшные, изъ рабочихъ. Кто, говорить, возвышается, тотъ унижится, а кто унижается, тотъ возвысится. Вы Меня, говорить, Господомъ называете, а Я, говорить, вамъ ноги умою. Кто хочетъ, говорить, быть первымъ, тотъ будь всемъ слуга. Потому что говорить, блаженны нищіе, смиренныя, кроткіе, милостивые.

Забылъ свой чай Степанычъ. Человѣкъ онъ былъ старый и мягкослезный; сидитъ, слушаетъ, а по лицу слезы катятся.

— Ну, кушай еще, — сказалъ Авдеичъ. Но Степанычъ перекрестился, поблагодарилъ, отодвинулъ стаканъ и всталъ.

— Спасибо тебѣ, говорить, Мартынъ Авдеичъ, угостил ты меня, и душу и тѣло насытилъ.

— Милости просимъ, заходи другой разъ, гостью, — сказалъ Авдеичъ.

Степанычъ ушелъ, а Мартынъ слилъ послѣдній чай, допилъ, убралъ посуду и опять сѣлъ къ окну за работу — строчить задникъ. Строчить, а самъ все поглядываетъ въ окно — Христа ждать, все о Немъ и о Его дѣлахъ думать. И въ головѣ у него все Христовы рѣчи разныя.

Прошли мимо два солдата, одинъ въ казенныхъ, другой въ своихъ сапогахъ; прошелъ потомъ въ чищенныхъ калошахъ хозяинъ изъ сосѣдняго дома; прошелъ булочникъ съ корзиной. Все мимо прошли, и вотъ поравнялись еще

съ окномъ женщина въ шерстяныхъ чулкахъ и деревенскихъ башмакахъ. Прошла она мимо окна и остановилась у простѣнка. Заглянулъ на нее изъ-подъ окна Авдеичъ, видитъ — женщина чужая, одѣтая плохо и съ ребенкомъ, стала у стѣны въ вѣтру спиной и укутываетъ ребенка, а окутывать не во что. Одежа на женщиный лѣтняя да и плохая. И изъ-за рамы слышитъ Авдеичъ, ребенокъ кричитъ, а она его уговариваетъ, никакъ уговорить не можетъ. Всталъ Авдеичъ, вышелъ въ дверь и на лѣстницу и крикнулъ: «умница! а умница!» Женщина услышала и обернулась.

— Что же такъ на холоду съ ребенкомъ стоишь? Заходи въ горницу, въ теплѣ-то лучше уберешь его. Сюда вотъ!

Удивилась женщина. Видитъ — старикъ старый въ фартукѣ, очки на носу, зоветъ къ себѣ. Пошла за нимъ.

Спустились подъ лѣстницу, вошли въ горницу, провелъ старикъ женщину къ кровати.

— Сюда, говорятъ, садись умница, къ печкѣ ближе, — погрѣешься и покормишь младенца-то.

— Молока-то въ грудяхъ нѣтъ, сама съ утра не ѣла, — сказала женщина, а все-таки взяла къ груди ребенка.

Покачалъ головой Авдеичъ, пошелъ къ столу, досталъ хлѣба, чашку, открылъ въ печи заслонку, налилъ въ чашку щей. Вынулъ горшокъ съ кашей, да не упрѣла еще; налилъ однѣхъ щей и поставилъ на столъ. Досталъ хлѣба, снялъ съ крючка утирку и на столъ положилъ.

— Садись, говорятъ, покушай, умница, а съ младенцемъ я посижу, вѣдь у меня свои дѣти были, — умѣю съ ними няньчиться.

Перекрестилась женщина, сѣла къ столу и стала ѣсть,

а Авдеичъ присѣлъ на кровать къ ребенку. Чмокаль, чмокаль ему Авдеичъ губами, да плохо чмокается — зубовъ нѣту. Все кричитъ ребеночекъ. И придумалъ Авдеичъ его пальцемъ пугать: замахнется-замахнется на него пальцемъ прямо ко рту и прочь отниметъ. Въ ротъ не да-етъ, потому палець черный, въ вару запачканъ. И засмо-трѣлся ребеночекъ на палець и затихъ, а потомъ и смѣ-яться сталъ. И обрадовался и Авдеичъ. А женщина ѣстъ, а сама рассказываетъ, кто она и куда ходила.

— Я, говорить, солдатка, мужа 8-й мѣсяць угнали да-леко и слуху нѣтъ. Жила въ кухаркахъ, родила. Съ ребен-комъ не стали держать. Вотъ третій мѣсяць бьюсь безъ мѣста. Проѣхала все съ себя. Хотѣла въ кормилицы—не берутъ: худа, говорятъ. Ходила вотъ къ купчихѣ, тамъ наша бабочка живетъ, такъ обѣщали взять. Я думала со-всѣмъ, а она велѣла на той недѣлѣ приходиться. А живетъ далеко. Изморилась и его сердечнаго замучила. Спасибо, хозяйка жалѣетъ насъ за ради Христа на квартирѣ. А то бы и не знала, какъ прожить.

Вздохнулъ Авдеичъ и говорить:

— А одежи-то теплой али нѣтъ?

— Пора тутъ, родной, теплой одежѣ быть! Вчера пла-токъ послѣдній за двугривенный заложила.

Подошла женщина къ кровати и взяла ребенка, а Авдеичъ всталъ и пошелъ къ стѣнкѣ, порылся, принесъ старую поддевку.

— На, говорить, хоть и плохая штука, а все приго-дится завернуть.

Посмотрѣла женщина на поддевку, посмотрѣла на старика, взяла поддевку и заплакала. Отвернулся и Авде-ичъ; полѣзъ подъ кровать, выдвинулъ сундучокъ, поко-

пался въ немъ и сѣлъ опять противъ женщины.

И сказала женщина:

— Спаси тебя Христось, дѣдушка. Наслалъ, видно, Онъ меня подь твое окно. Заморозила бы я дѣтище. Вышла я, тепло было, а теперь вотъ какъ студено завернуло. И наставилъ же Онъ, Батюшка, тебя въ окно поглядѣть и меня горькую пожалѣть!

Усмѣхнулся Авденчъ и говоритъ: «И то Онъ наставилъ. Въ окно-то я, умница, не спроста гляжу».

И разказалъ Мартынъ и солдаткѣ свой сонъ, и какъ онъ голосъ слышалъ, что обѣщанъ нынѣшній день Господь придти къ нему.

— Все можетъ быть. — сказала женщина, встала, накинула поддевку, завернула въ нее дѣтище и стала кланяться, стала опять благодарить Авдеича.

— Прими ради Христа. — сказалъ Авденчъ и подаль ей двугривенный — платокъ выкупить. Перекрестилась женщина, перекрестился Авденчъ и проводилъ женщину.

Ушла женщина: поѣлъ Авденчъ шей, убрался и сѣлъ опять работать. Самъ работаетъ, а окно помнить — какъ потемнѣетъ въ окнѣ, сейчасъ взглядываетъ, кто прошелъ. Проходили и знакомые, проходили и чужіе, и не было никого особеннаго.

И вотъ видить Авденчъ, противъ самага окна остановилась старуха-торговка. Несетъ лукошко съ яблоками. Немного уже осталось, видно, всѣ распродала, а черезъ плечо держитъ мѣшокъ щепокъ. Набрала, должно-быть, гдѣ на постройкѣ, къ дому идетъ. Да, видно, оттянулъ ей

плечо мѣшокъ; захотѣла на другое плечо переложить, спустила она мѣшокъ на панель, поставила лукошко съ яблоками на столбикѣ и стала щепки въ мѣшкѣ утрясать. И пока утрясала она мѣшокъ, откуда ни возьмись, вывернулся мальчишка въ картузѣ рваномъ, схватилъ изъ лукошка яблоко и хотѣлъ проскользнуть, да смѣтила старуха, повернулась и сцапала малаго за рукавъ. Забился мальчишка, хотѣлъ вырваться, да старуха ухватила его обѣими руками, сбила съ него картузъ и поймала за волосы. Кричитъ мальчишка, ругается старуха. Не успѣлъ Авдеичъ шила воткнуть, бросилъ на полъ, выскочилъ въ дверь, даже на лѣстницѣ споткнулся и очки уронилъ. Выбѣжалъ Авдеичъ на улицу; старуха малаго треплетъ за вихры и ругаетъ, къ городовому вести хочетъ; малый отбивается и отпирается: «я, говоритъ, не бралъ, за что бьешь,пусти!» Сталъ ихъ Авдеичъ разнимать, взялъ мальчику за руку и говорить:

— Пусти его, бабушка, прости его ради Христа!

— Я его такъ прощу, что онъ до новыхъ вѣнниковъ не забудеть! Въ полицію шельмеца сведу!

Сталъ Авдеичъ упрашивать старуху.

— Пусти, говоритъ, бабушка, онъ впередъ не будетъ. Пусти ради Христа!

Пустила его старуха, хотѣлъ мальчикъ бѣжать, но Авдеичъ придержалъ его.

— Проси, говоритъ, у бабушки прощенья! И впередъ не дѣлай; я видѣлъ, какъ ты взялъ.

— Ну, вотъ такъ. А теперь яблоко на вотъ тебѣ. — И Авдеичъ взялъ изъ лукошка и далъ мальчику. — За-

плачу, бабушка, — сказалъ онъ старухѣ.

— Набалуешь ты ихъ такъ, сорванцовъ, — сказала старуха. — Его такъ наградить надо, чтобъ онъ недѣлю этого не забылъ.

— Эхъ, бабушка, бабушка, — сказалъ Авденчъ. — По-нашему-то такъ, а по-Божьему не такъ. Коли его за яблоко высѣчь надо, такъ съ нами-то за наши грѣхи что сдѣлать надо.

Замолчала старуха.

И разсказалъ Авденчъ старухѣ причту о томъ, какъ хозяинъ простилъ оброчнику весь большой долгъ его, а оброчникъ пошелъ и сталъ душить своего должника. Выслушала старуха, и мальчикъ стоялъ, слушалъ.

— Богъ велѣлъ прощать, — сказалъ Авденчъ, — а то и намъ не простится. Всѣмъ прощать, а несмысленному поготово.

Покачала головой старуха, вздохнула.

— Такъ-то такъ, — сказала старуха. — да ужъ очень набалаловались они.

— Такъ намъ, старикамъ, и учить ихъ, — сказалъ Авденчъ.

— Такъ и я говорю, — сказала старуха. — У меня самой ихъ семеро было, одна дочь осталась. — И стала старуха разсказывать, гдѣ и какъ она живетъ у дочери и сколько у ней внучатъ. — Вотъ, говорить, сила моя ужъ какая, а тружусь. Ребятъ-внучатъ жалко, да и хороши внучата-то: никто меня не встрѣтитъ, какъ они. Агсютка — такъ та ни къ кому и не пойдетъ отъ меня. «Бабушка, милая бабушка, сердечная!..»

И совѣмъ размякла старуха.

— Извѣстно, дѣло ребячье, Богъ съ нимъ, — сказала старуха на мальчика.

Только хотѣла старуха поднимать мѣшокъ на плечи, подскочилъ мальчикъ и говорить:

— Дай я снесу, бабушка: мнѣ по дорогѣ.

Старуха покачала головой и взвалила мѣшокъ на мальчика.

И пошли они рядомъ по улицѣ. И забыла старуха спросить у Авдеича деньги за яблоко. Авдеичъ стоялъ и все смотрѣлъ на нихъ и слушалъ, какъ они шли и что-то все говорили.

Проводилъ ихъ Авдеичъ и вернулся къ себѣ, нашель очки на лѣстницѣ, и не разбилися, поднялъ шило и сѣлъ опять за работу. Поработалъ немного, да ужъ сталъ щетинкой не попадать, и видитъ фонарщикъ прошелъ фонари зажигать. «Видно, надо огонь засвѣтать», подумалъ онъ; заправилъ лампочку, повѣсилъ и опять принялся работать. Докончилъ одинъ сапогъ совѣмъ; повертѣлъ, посмотрѣлъ — хорошо. Сложилъ струментъ, смель обрѣзки, убралъ щетинки и концы и шилья, взялъ лампу, поставилъ ее на столъ и досталъ съ полки Евангеліе. Хотѣлъ онъ раскрыть книгу на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ вчера обрѣзкомъ сафьяна заложилъ, да раскрылось въ другомъ мѣстѣ. И какъ раскрылъ Авдеичъ Евангеліе, такъ вспомнился ему вчерашній сонъ. И только онъ вспомнилъ, какъ вдругъ послышалось ему, какъ будто кто-то шевелится, ногами переступаетъ сзади его. Оглянулся Авдеичъ и видитъ: стоятъ точно люди въ темномъ углу, стоятъ люди, а не можетъ разобрать, кто такіе. И шепчетъ ему на ухо голосъ:

— Мартынь, а Мартынь, или ты не узналъ Меня?

— Кого? — проговорилъ Авдеичъ.

— Меня, сказалъ голосъ. — Вѣдь это Я.

И выступилъ изъ темнаго угла Степанычъ, улыбнулся и какъ облачко разошелся, и не стало его...

— И это Я, — сказалъ голосъ. И выступила изъ темнаго угла женщина съ ребенкомъ, и улыбнулась женщина, и засмѣялся ребеночекъ, и тоже пропали.

— И это Я, — сказалъ голосъ. И выступила старуха и мальчикъ съ яблокомъ, и оба улыбнулись и тоже пропали.

И радостно стало на душѣ Авдеича. Перекрестился онъ, надѣлъ очки и сталъ читать Евангеліе тамъ, гдѣ открылось. И наверху страницы онъ прочелъ:

«Ибо взалкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть, жаждалъ, и вы напоили Меня, былъ странникомъ, и вы приняли Меня...»

И внизу страницы прочелъ еще:

«Такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братій Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ» (Матѳея 25 глава).

И понялъ Авдеичъ, что не обманулъ его сонъ, что точно приходилъ къ нему въ этотъ день Спаситель его и что точно онъ принималъ Его.

БЕСѢДА ДОСУЖИХЪ ЛЮДЕЙ.

Собрались разъ въ богатомъ домѣ гости. И случилось такъ, что завязался серьезный разговоръ о жизни.

Говорили про отсутствующихъ и про присутствующихъ и не могли найти ни одного человѣка, довольнаго своею жизнью.

Мало того, что никто не могъ жаловаться счастіемъ, но не было ни одного человѣка, который бы считалъ, что онъ живетъ такъ, какъ должно жить христіанину. Признавались всѣ, что живутъ мірскою жизнью въ заботахъ только о себѣ и своихъ семейныхъ, а не думаетъ никто о

ближнемъ и ужъ тѣмъ меньше о Богѣ.

Такъ говорили гости между собой, и всѣ были согласны, обвиняя самихъ себя въ безбожной, нехристіанской жизни.

— Такъ зачѣмъ же мы живемъ такъ? — вскричалъ юноша. — зачѣмъ дѣлаемъ то, чего сами не одобряемъ? Развѣ мы не властны измѣнить свою жизнь? Мы сами знаемъ, что губятъ насъ наши роскошь, изнѣженность, наше богатство, а главное — наша гордость, наше отдѣленіе себя отъ братьевъ. Чтобы быть знатнымъ и богатымъ, мы должны лишиться себя всего, что даетъ радость жизни человѣку, мы скучиваемся въ городахъ, изнѣживаемъ себя, губимъ свое здоровье и, несмотря на всѣ наши увеселенія, умираемъ отъ скуки и отъ сожалѣнія, что жизнь наша не такая, какая она должна быть.

Зачѣмъ же жить такъ, зачѣмъ губить такъ свою жизнь, все то благо, которое дано намъ отъ Бога? Не хочу жить по прежнему. Брошу начатое ученіе, — оно вѣдь приведетъ меня ни къ чему другому, какъ къ той же мучительной жизни, на которую мы всѣ теперь жалуемся. Откажусь отъ своего имѣнія и пойду жить въ деревнѣ съ бѣдными: буду работать съ ними, научусь работать руками и, если нужно бѣднымъ мое образованіе, буду сообщать его имъ, но не черезъ учрежденія и книги, а прямо живя съ ними по братски.

— Да, я рѣшилъ. — сказалъ онъ, вопросительно взглядывая на своего отца, который былъ тутъ-же.

— Желаніе твое доброе. — сказалъ отецъ. — но

легкомысленное и необдуманное. Тебѣ представляется все столь легкимъ потому, что ты не знаешь жизни. Мало ли что намъ кажется хорошимъ! Но дѣло въ томъ, что исполненіе этого хорошаго очень бываетъ трудно и слжно. Трудно идти хорошо по битой колеѣ, но еще труднѣе прокладывать новые пути. Ихъ прокладываютъ только люди, которые вполне созрѣли и овладѣли всѣмъ тѣмъ, что доступно людямъ. Тебѣ кажутся легкими новые пути жизни потому, что ты не понимаешь еще жизни. Все это — легкомысліе и гордость молодости. Мы, старые люди, для того и нужны, чтобы умѣрять ваши порывы и руководить васъ нашимъ опытомъ, а вы, молодые, должны повиноваться намъ, чтобы воспользоваться нашимъ опытомъ. Твоя жизнь дѣятельная еще впереди, теперь ты растешь и развиваешься. Воспитайся, образуйся вполне, стань на свои ноги, имѣй свои твердыя убѣжденія и тогда начинай новую жизнь, если чувствуешь къ тому силы. Теперь же тебѣ надо повиноваться тѣмъ, которые руководятъ тобой для твоего блага, а не открывать новые пути жизни.

Юноша замолчалъ, и старшіе согласились съ тѣмъ, что сказалъ отецъ.

— Вы правы,—обратился къ отцу юноши человѣкъ женатый, среднихъ лѣтъ. — Правда, — сказалъ онъ, — что юноша, не имѣя опыта жизни, можетъ ошибиться, отыскивая новые пути жизни, и его рѣшеніе не можетъ быть твердо, но вѣдь всѣ мы согласились въ томъ, что жизнь наша противна нашей совѣсти и не даетъ намъ блага. Поэтому нельзя не признавать справедливымъ желанія выйти изъ этой жизни.

Юноша можетъ принять свою мечту за выводъ ра-

зума, но я не юноша, а скажу вамъ про себя: слушая разговоры нынѣшняго вечера, мнѣ пришла въ голову та же самая мысль. Та жизнь, которую я веду, очевидно для меня, не можетъ дать мнѣ спокойствія совѣсти и блага. Это мнѣ показываютъ и опытъ и разумъ. Такъ чего же я жду? Бьешься съ утра до вечера для семьи, а на дѣлѣ выходишь, что и самъ и семья живетъ не по-Божьи, а все хуже и хуже увязаемъ въ грѣхахъ. Дѣлаешь для семьи, а семья вѣдь не лучше, потому что то, что дѣлаешь для нихъ, не есть благо. И потому я часто думаю, что не лучше ли бы, если бы я измѣнилъ всю свою жизнь и сдѣлалъ бы именно то, что сказала молодой человѣкъ: пересталъ бы о женѣ и дѣтяхъ заботиться, а только бы о душѣ думать. Не даромъ и у Павла сказано: «женившійся печется о женѣ, а неженившійся о Богѣ».

Не успѣлъ договорить этого женатый, какъ напустились на него всѣ бывшія тутъ женщины и его жена.

— Объ этомъ нужно было раньше думать. — сказала одна изъ пожилыхъ женщинъ.

— Надѣлъ хомуть, такъ тягни. Этакъ и всякій скажетъ, что хочу спастись, когда ему трудно покажется вести и кормить семью. Это обманъ и подлость. Нѣтъ, человѣкъ долженъ сумѣть въ семьѣ по-Божьи жить. А то такъ-то легко спастись одному. Да, и главное, поступить такъ — значитъ поступить противъ ученія Христа. Богъ велѣлъ другихъ любить, а этимъ вы для Бога другихъ оскорблять хотите. Нѣтъ, у женатаго свои опредѣленныя обязанности, и онъ не долженъ пренебрегать ими. Другое дѣло, когда семья уже поставлена на ноги. Тогда

дѣлайте для себя, какъ хотите. А семью насиловать никто не имѣетъ права.

Но женатый не согласился съ этимъ. Онъ сказалъ: «Я не хочу семью бросать. Я только говорю, что семью-то и дѣтей надо вести не по мірски, не къ тому, чтобы они приучались жить для своей похоти, какъ вотъ мы говорили, а надо вести такъ, чтобы дѣти смолоду приучались къ нуждѣ, къ работѣ, къ помощи людямъ и, главное, къ братской жизни со всѣми. А для этого нужно отказаться отъ знатности и богатства.»

— Нечего другихъ ломать, пока самъ не по-Божьи живешь, — съ горячностью сказала на это его жена. — Ты самъ жилъ смолоду въ свое удовольствіе, за что же ты своихъ дѣтей и свою семью мучить хочешь? Пускай вырастаютъ въ покоѣ, а потомъ что захотятъ, то и будутъ дѣлать сами а не ты ихъ заставляй.

Женатый замолчалъ, но бывший тутъ старый человѣкъ заступился за него.

— Положимъ, — сказалъ онъ, — нельзя женатому человѣку приучивъ семью къ извѣстному недостатку, вдругъ лишитъ ее всего этого. Правда, что если ужъ начато воспитаніе дѣтей, то лучше окончить его, чѣмъ все сломать. Тѣмъ болѣе, что возросшія дѣти сами изберутъ тотъ путь, который найдутъ для себя лучшимъ. Я согласенъ, что семейному человѣку трудно и даже невозможно безъ грѣха переѣнить свою жизнь. Вотъ намъ, старикамъ, это

и Богъ велѣлъ. Я про себя скажу: живу я теперь безъ всякихъ обязанностей, живу, по правдѣ сказать, только для своего брюха: ѣмъ, нѣю отдыхаю, и мнѣ самому гадко и противно. Вотъ мнѣ такъ пора бросить эту жизнь, раздать свое имѣніе и хоть предъ смертью пожить такъ, какъ Богъ велѣлъ жить христіанину.

Не согласились и со старикомъ. Тутъ были его племянница и крестница, у которой онъ крестилъ всѣхъ дѣтей и дарилъ по праздникамъ, и его сынъ. Всѣ возражали ему.

— Нѣтъ, — сказалъ сынъ, — вы поработали на своемъ вѣку, вамъ надо отдохнуть и не мучить себя. Вы прожили 60 лѣтъ со своими привычками, вамъ нельзя отстать отъ нихъ. Вы только будете напрасно мучить себя.

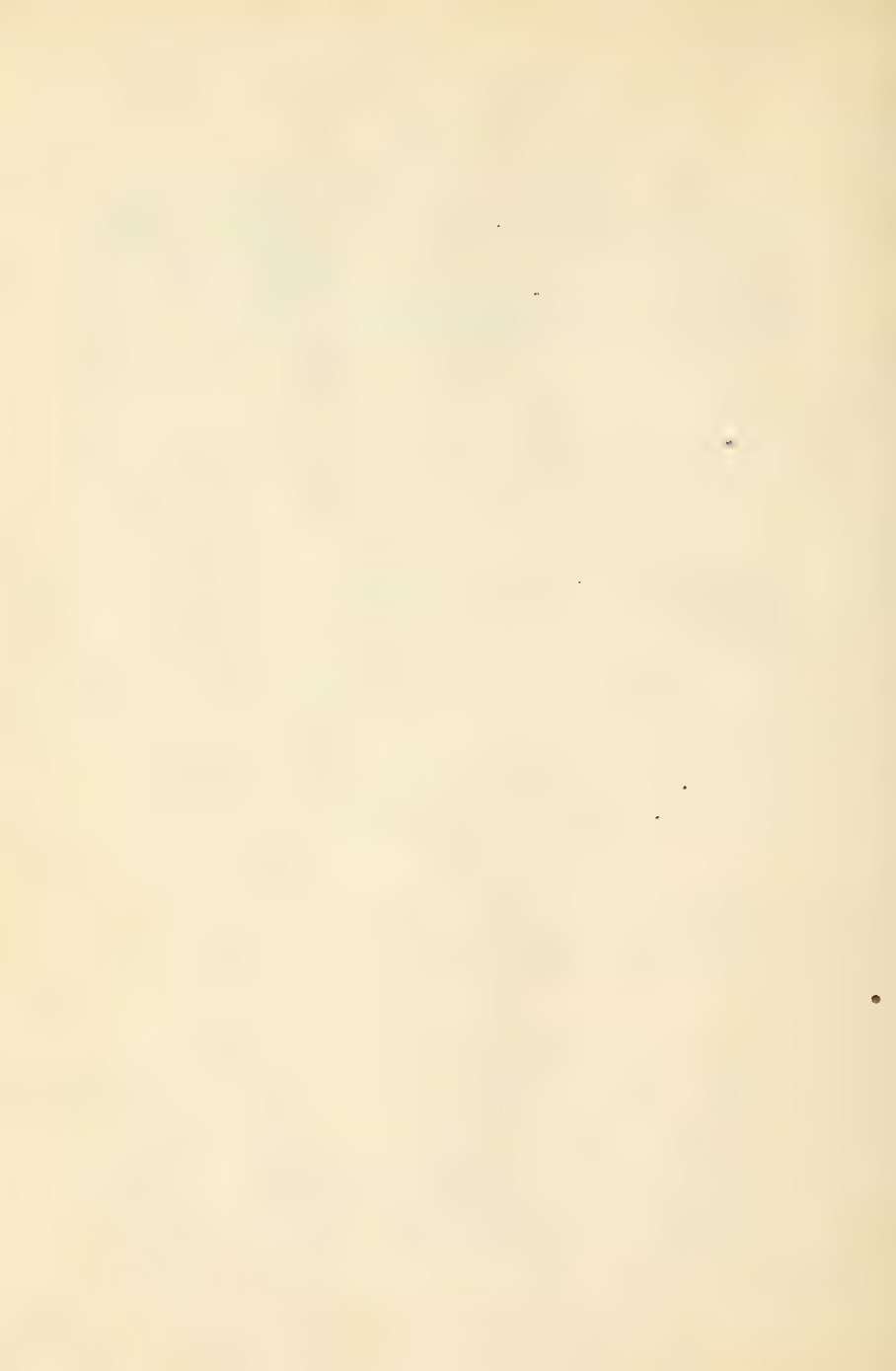
— Да, да, — подтвердила племянница, — будете въ нуждѣ и будете не въ духѣ, будете ворчать и нагрѣшите больше. А Богъ милосердъ и всѣхъ грѣшниковъ прощаетъ, а не только васъ, такого добраго дядюшка.

— Да и къ чему намъ? — прибавилъ другой старикъ, ровесникъ дядюшки. — Намъ ужъ съ тобою всего, можетъ быть, два дня жить осталось. Къ чему затѣвать?

— Что за чудо! — сказалъ одинъ изъ гостей (онъ все молчалъ). — Что за чудо! Всѣ говоримъ, что хорошо по-Божьи жить и что живемъ худо, и духомъ и тѣломъ мучимся, а какъ только дошло дѣло до дѣла, такъ выходитъ, что дѣтей ломать нельзя, а надо воспитывать не по-Божьему, а по-старому. Молодымъ нельзя изъ воли родительской выходить, а надо имъ жить не по-Божьему, а

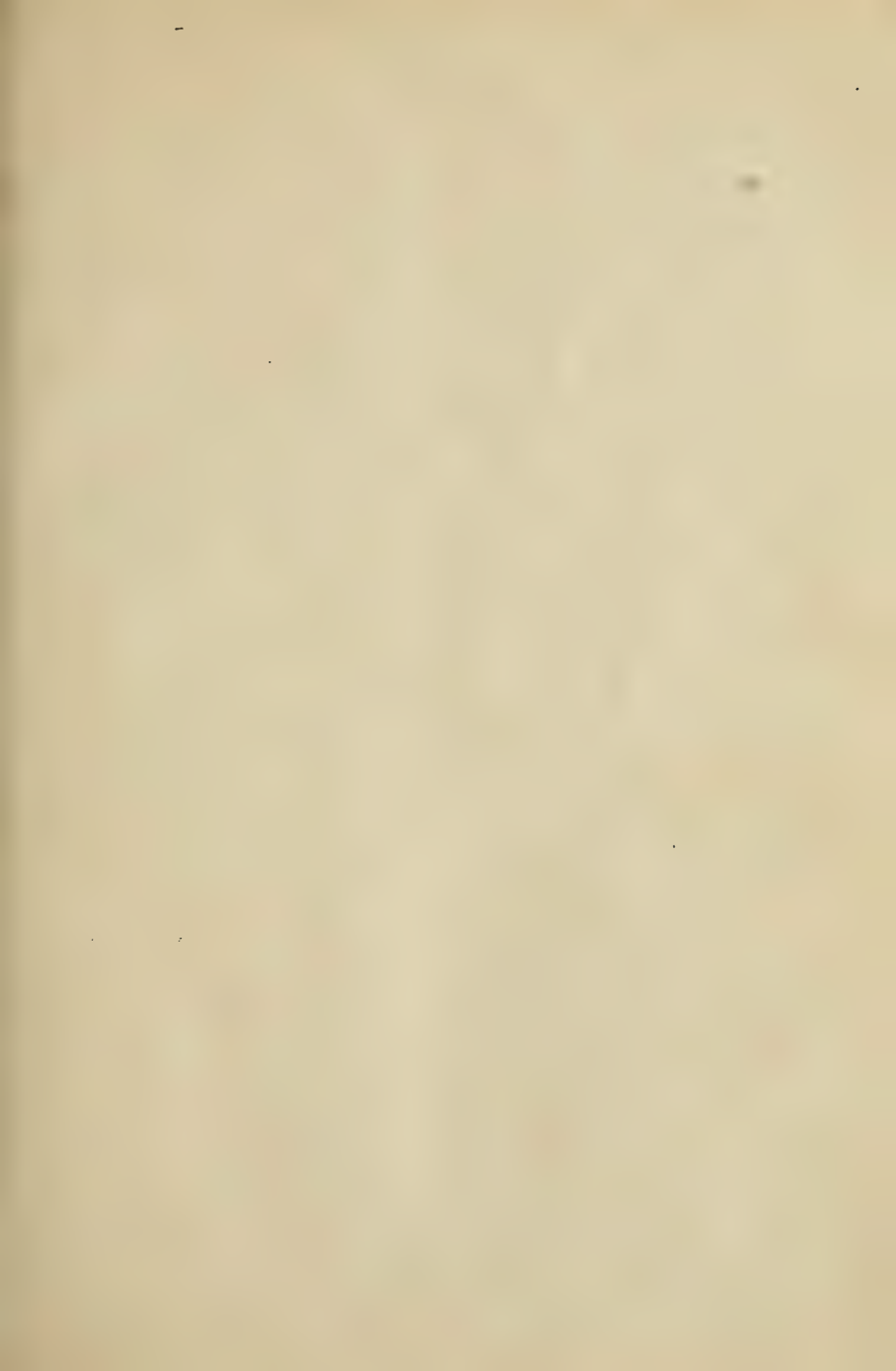
по-старому. Женатымъ нельзя жену и дѣтей переламывать, а надо жить не по-Божьему, а по старому. А старикамъ не къ чему начинать: и не привыкли они да имъ два дня жить осталось. Выходить, что жить хорошо никому нельзя, только поговорить можно.

1888 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Свѣчка	5
Какъ чертенокъ краюшку выкупаль	17
Много ли челоуѣку земли нужно	23
Зерно съ куриное яйцо	41
Три старца	45
Кающійся грѣшникъ	55
Три сына	59
Трудъ смерть и болѣзнь	65
Камни	69
Три вопроса	71
Сорокъ лѣтъ	77
Франсуаза	87
Гдѣ любовь, тамъ и Богъ	99
Бесѣда досужихъ людей	115

Maxim Gorki
Der Alte
Schauspiel in 3 Akten

Максимъ Горькій
СТАРИКЪ

Пьеса

BERLIN
J. Ladyschnikow Verlag
G. m. b. H.

Авторское право закрѣлено на основаніи Русско-Германской,
равно и Бернской литературной конвенции.

Alle Rechte vorbehalten,
insbesondere das Übersetzungsrecht in fremde Sprachen.
Den Bühnen gegenüber Manuskript.

Дѣйствующія лица:

- Мастаковъ, Иванъ Васильевичъ.
Павель, его пасынокъ.
Татьяна, его падчерица.
Захаровна.
Степанычъ.
Софья Марковна.
Харитоновъ.
Яковъ, его племянникъ.
Каменщикъ.
Старикъ.
Дѣвица.

I.

Кирпичная стѣна трехэтажнаго дома, окруженная лѣсами, передъ нею — группа деревьевъ съ поломанными вѣтвями, бревна, доски, бочки, какъ всегда на постройкѣ. Подъ деревьями скамья со спинкой. Налѣво — заборъ сада, въ немъ калитка, дальше — сторожка, у двери тоже скамья. Направо — деревья, кустарникъ.

Воскресеень, лѣтній полдень. Около постройки толпятся каменщики, передъ ними стоитъ Мастаковъ, крѣпкій мужчина, темно-волосый, съ просѣдью въ бородѣ и усахъ. У калитки Харитоновъ, рыжий, суетливый человѣчекъ. Яковъ, его племянникъ, — щеголь. Павелъ, неуклюжій парень, угрюмый. Татьяна, одѣтая очень модно и крикливо. Захаровна. Степашычъ.

Харитоновъ кричитъ каменщикамъ. Тише, стадо!

Мастаковъ укоризненно взглянувъ на него. Погоди, кумъ! Ну, вотъ, ребята, одно дѣло вы, слава Богу, кончили, съ понедѣльника другое начнемъ. Работали вы споро, честно; надо, чтобы я вамъ спасибо сказала; вотъ я и говорю: спасибо, братцы!

Харитоновъ Павлу. Вяло говорить, невесело! Эхъ, я-бы сказала!

Мастаковъ. Обиды не было вамъ отъ меня?

Каменщики. Нѣту . . . И мы благодарствуемъ . . . Не было . . .

Мастаковъ. Такъ. А я еще скажу вамъ, что трудились вы не только для меня — для себя тоже. Въ училищѣ этомъ будутъ учиться ваши дѣти, ваши внуки. Да, люди умирають, а дѣла ихъ остаются для будущихъ людей . . .

Харитоновъ Якову. Это его полковница настроила, ея мысли! . . .

Яковъ. Понимаю . . .

Таня. Не мѣшайте! . . .

Мастаковъ. Ежели справедливо говорить — работа всегда дороже денегъ. Я самъ изъ простыхъ вышелъ, знаю цѣну всякой работѣ. Онъ говоритъ все болѣе неувѣренно, подыскивая слова, останавливаясь.

Харитоновъ. Кончили-бы — развѣ они поймутъ?

Мастаковъ. Вотъ — построили мы техническое училище . . . дай Богъ, чтобы наши дѣти жили умнѣе, счастливѣе насъ! Что тамъ ни говори, а счастливый человѣкъ больше несчастнаго достоинъ помощи Божіей.

Харитоновъ. Это все полковница!

Таня. Не мѣшайте, пожалуйста.

Захаровна. О, Господи, Батюшко!

Мастаковъ. А теперь, ребята, идите обѣдать, выпейте за успѣхъ дѣла и — поздравляю васъ съ благополучнымъ окончаніемъ.

Каменщики хоромъ, оживленно. Покорно благодаримъ, Иванъ Васильевичъ! Тебѣ спасибо! Айда, ребята! Стой, погоди . . . Спасибо, хозяинъ!

Мастаковъ. Кромѣ того полагается вамъ по трешницѣ на брата, въ благодарность.

Каменщики еще болѣе весело. Эхъ, ты . . . Благодаримъ! . . . Ну, айда! Да — погоди! Спасибо!

Старый Каменщикъ. Стойте, тише! И я тебѣ слово скажу, Иванъ Васильевъ. Хорошо ты придумалъ это — обѣдъ. Другой-бы далъ на чашку по цѣлковому, да и — ступай, стадо, куда те надо. А ты все иначе дѣлаешь, по новому, однако — хорошо. Обыкновенно по новому — неважно выходить, а у тебя — ничего! На такого хозяина и работать пріятно. Кабы всѣ эдакъ-то поступали — меньше-бы досады было. А народъ праздники любить. Ну, стало быть, мы тоже очень довольны и благодаримъ, кланяемся. Кланяйся, ребята.

Низко кланяется, каменщики бормочатъ: «Спасибо! Дай тебѣ Господи удачу! Очень благодарны!» Какой-то молодой чахоточный

парень всталъ — явно въ насмѣшку — на колѣни и поклонился въ землю.

Таня улыбаясь. Вотъ глупый!

Харитоновъ. Экой подлець!

Мастаковъ. Нехорошо шутишь, паренекъ! Ну, идите съ Богомъ . . . Никита Семеновъ, коли чего не хватить — у Захаровны спроси.

Каменщикъ. Ладно, не безпокойся!

Рабочіе идутъ на постройку. За ними — Харитоновъ, Павель, Яковъ, Захаровна. Таня, поставивъ ногу на скамью, завязываетъ туфлю.

Харитоновъ молодежи. Идемъ, поглядимъ, какъ они жрать будутъ.

Мастаковъ каменщику. Тебя я особо поблагодарю.

Каменщикъ. Ну-ну, ладно . . .

Мастаковъ. Ты что ухмыляешься?

Каменщикъ. Пріятно глядѣть на тебя. Множество людей видѣлъ я, а на тебя глядѣть пріятно . . .

Мастаковъ. Ну, будь здоровъ!

Каменщикъ. Все ты строишься, стараешься . . . Таланъ у тебя есть . . . Только — спѣшишь ты очень, гляди — устанешь скоро. Всей земли не застроить намъ.

Мастаковъ. Однако, наказано, чтобы таланта въ землю не зарывать . . .

Каменщикъ. Кѣмъ наказано?

Мастаковъ. Въ Евангеліи, Христомъ.

Каменщикъ. Ну, тогда, конечно . . . А, все таки, кто не спѣшитъ, тотъ меньше грѣшитъ, а кто торопится, за тѣмъ бѣсъ охотится. До свиданья. Значитъ — съ понедѣльника начинаемъ?

Мастаковъ. Да.

Каменщикъ. Часъ добрый!

Идетъ къ стройкѣ. Мастаковъ устало оглядывается.

Таня подходя къ нему. Идемъ пирогъ ѣсть!

Мастаковъ. Ты чтожь тутъ одна?

Таня. Они пошли смотрѣть, какъ мужики ѣсть будутъ — это не интересно.

Мастаковъ тихо. Все ты у меня одна, да одна! Не хорошо.

Таня. Да, скучно. Славно ты сказалъ имъ! И старикъ этотъ славный.

Мастаковъ. Болтунъ нѣсколько, а — умный. Знающій . . .

Таня. Я не люблю мужиковъ, но нѣкоторые нравятся мнѣ.

Мастаковъ. За что ихъ не любить? Я — тоже мужикъ.

За деревьями — Павелъ.

Таня. Ты купецъ. Какой же ты мужикъ?

Мастаковъ. У насъ — всѣ одинаковы, всѣ мужики, только разное одѣты, да рѣчь разная. Людей надо не по словамъ, не по одеждѣ различать, а по работѣ. Кто умѣетъ работать, тому и честь . . . А вотъ ты у меня лѣнтяйка — это почему?

Таня. Не знаю. Развѣ я лѣнтяйка?

Мастаковъ задумчиво. Мужикъ я — самый настоящій, по нутру мужикъ . . .

Таня. Почему я лѣнтяйка?

Мастаковъ. Себя спроси. Тебѣ Яковъ — нравится?

Таня. Иногда — нравится, иногда — нѣтъ.

Мастаковъ. Гмм . . . Надо-бы, чтобы всегда нравился . . . Вотъ онъ тебя замужъ просить — какъ ты отвѣтишь?

Таня. Я уже отвѣтила — пусть подождетъ.

Мастаковъ. Чего?

Таня. Такъ . . . Не знаю. Можетъ быть . . . Почему Софья Марковна не приѣхала?

Мастаковъ. Она сказала, что запоздаетъ къ молебну. Тебѣ на что ее?

Таня. Она ужасно хорошая.

Павель исчезъ. Идетъ Захаровна.

Мастаковъ. Подругъ у тебя мало, Танёкъ.

Таня. Почему ты грустный сегодня?

Мастаковъ. Грустный? Нѣтъ, я ничего.

Захаровна. Обѣдать пора!

Мастаковъ. Пора, такъ зови. На-ко, вотъ, денегъ, это чаевыя каменщикамъ, Никитѣ отдай. Идемъ, Таня.

Степанычъ около сторожки съ ружьемъ въ рукахъ, напѣваетъ.

Сидитъ Ваня — между прочимъ —

Въ распроклятой растюрмѣ . . .

Захаровна. Ты что это среди бѣла дня съ ружьемъ?

Степанычъ. Боюсь, украдутъ. Тутъ все темный какой-то шляется, про хозяина выспрашиваетъ, кто онъ, откуда . . .

Захаровна. А чего ему надо?

Степанычъ. Не сказываетъ. Навѣрно — сыщикъ воровской, ворами подосланъ.

Захаровна. Ты съ имъ зря-то не болтай!

Степанычъ. Зачѣмъ? Я ужъ хозяину доложилъ про него.

Захаровна. Зови Харитоновыхъ обѣдать.

Степанычъ. Сами идутъ вотъ они . . .

Харитоновъ Павлу и Якову. Учитесь, какъ надо дѣла крутить.

Захаровна. Обѣдать пожалуйста, Якимъ Лукичъ!

Харитоновъ. Жалую. Вокругъ его дѣла хороvoudомъ ходять, а у меня — то забастовка, то кредитъ на дыбы . . .

Яковъ. Ему полковница помогаетъ!

Харитоновъ. Глуposti! Въ дѣлахъ баба — не помощница.

Павель. Обираетъ она его. Онъ ей на Пасху се-

ребра подарилъ на семь сотъ да на именины браслетъ съ яхонтомъ.

Харитоновъ. А ты все считаешь? . . . Ишь ты! Степанычъ подмигивая вслѣдъ имъ. Вынянчила ты волченка.

Захаровна. И у родной матери не всегда дитя свято . . .

Степанычъ. Бойкая ты у насъ старушка, веселая.

Захаровна. Я свои печали давно оплакала. Гдѣ ни поселюсь, — веселюсь.

Павель изъ калитки. Степка, вотчимъ гдѣ-то тамъ счета оставилъ, ступай — найди!

Захаровна. Экой ты грубый! Какой онъ тебѣ Степка?

Павель. Убирайся къ чорту, нянька!

Захаровна. У, дурачекъ.

Ушла въ садъ. Павель присѣлъ на скамью, закурилъ, прислушивается, глядя въ кусты. Голосъ Софьи Марковны.

Софья Марковна за сценой. Не распрягай, я скоро выходить изъ кустовъ, раздвигая ихъ зонтикомъ. Ей за 30, одѣта просто, но кокетливо. Вы мнѣ, кажется, кулакъ показывали, да? Или — носъ?

Павель смущенъ. Вовсе я ничего не показывалъ!

Софья Марковна. Серьезно?

Павель. Я глядѣлъ изъ-подъ руки — кто ѣдетъ?

Софья Марковна. Честное слово?

Павель. Я же говорю!

Софья Марковна. Неужели вы не понимаете, что я шучу?

Павель молчитъ.

Софья Марковна. Много у васъ гостей?

Павель. Только Харитоновы.

Софья Марковна. А вы что дѣлаете здѣсь?

Павель. Ничего.

Софья Марковна беретъ его подъ руку. Мало . . .

Павель. Вы со мной, точно съ собачкой играете.
Софья Марковна. Неужели? Ахъ, бѣдный . . .
Ну, идемте!

Степанычъ съ бумагами. Вотъ, нашель! Здравствуйте, барыня.

Софья Марковна. Здравствуйте, баринъ!

Уходить, уводя Павла. Степанычъ садится на скамью, улыбаясь смотреть вельдѣ ей. Изъ-за сторожки выходитъ Каменщикъ.

Степанычъ. Ты куда?

Каменщикъ. Шумять ребята . . .

Степанычъ. Такое дѣло!

Каменщикъ. А мнѣ — нездоровится. Старость грызеть.

Степанычъ. Гмм . . .

Каменщикъ. Хорошій купецъ Иванъ Васильевъ. Хорошъ. Дѣятель! Онъ откуда родомъ?

Степанычъ усмѣхался. Чудное дѣло! Да что — земля, что-ли, такая тайная есть, откуда хорошіе люди прѣзжаютъ? А своихъ хорошихъ — нѣтъ у насъ? Право, ей Богу . . .

Каменщикъ. Земли такой нѣтъ.

Степанычъ. То-то и оно. Тутъ одинъ, какой-то, тоже все выпрашиваетъ, откуда хозяинъ, да какъ раз-богатѣлъ.

Каменщикъ. Богатѣють отъ ума. Дуракъ богатъ не будетъ. Зачѣмъ онъ спрашиваетъ?

Степанычъ. А ты — зачѣмъ?

Каменщикъ. Я? Изъ любопытства.

Степанычъ. Вотъ и онъ тоже.

Каменщикъ. Ага! . . . Это — тоже глупость наша, любопытство-то.

Степанычъ. Тебѣ лучше знать.

Каменщикъ. Глупость . . . Это кто идетъ?

Степанычъ. Хозяинъ съ полковницей.

Каменщикъ. Я пойду въ сторожку къ тебѣ, а то — хороши гости изъ дому, а воевода — издали!

Ушелъ, Степанычъ за нимъ. Изъ калитки сада идутъ Мастаковъ и Софья Марковна, Мастаковъ взволнованъ.

Софья Марковна. А не напрасно вы ушли изъ-за стола?

Мастаковъ. Ничего, Якимъ — свой человѣкъ. А вы сказали, что торопитесь. Присядемте на минутку!

Софья Марковна улыбаясь. Сидя — не торопятся. Работа у васъ медленно идетъ.

Мастаковъ. Якимъ кирпичъ задержалъ, описали у него кирпичъ. Софья Марковна . . .

Софья Марковна. Что скажете? Вы сегодня — не нравитесь мнѣ . . . И говорите какъ-то невразумительно, и вообще . . .

Мастаковъ. Есть причина . . . Такое дѣло, что не знаю, какъ сказать . . .

Софья Марковна. Сразу говорите. Ну-съ?

Присѣла на скамью, Мастаковъ стоитъ, все болѣе волнуясь.

Мастаковъ. Вотъ ужъ больше десяти лѣтъ я живу вашимъ разумомъ — и денежно вы мнѣ помогали, и душевно много сдѣлали для меня . . .

Софья Марковна. Вы — сядьте! Смотрить, улыбаясь, на часы, потомъ на него. И — ближе къ дѣлу. Итакъ?

Мастаковъ. Видите-ли . . . Не могу сказать! Трудно . . .

Софья Марковна оглядывая его, серьезно. Вы меня удивляете! Вы, такой спокойный, увѣренный въ себѣ человѣкъ.

Мастаковъ. Это — видимость. Я человѣкъ несчастный . . . Возмущенно. Даже — смѣшно! Почему я — несчастливъ, я? Я — честный человѣкъ, люблю работать, я не жаденъ . . .

Софья Марковна. Послушайте, что такое? Что съ вами? О чемъ вы?

Мастаковъ. Я такъ . . . преданъ вамъ, привыкъ къ вамъ, что ежели . . . Годы я жилъ бирюкомъ, въ страхѣ предъ людьми, вы отличили меня, сдѣлали значительнымъ человѣкомъ . . .

Софья Марковна. Все это лишнее говорите вы.

Мастаковъ. Я васъ такъ уважаю . . .

Софья Марковна. Прекрасно, спасибо! Но — что же вы хотите отъ меня?

Мастаковъ бросился на колѣни передъ нею. Милости вашей прошу . . . помощи прошу . . .

Софья Марковна вскочила, оглядывается. Да вы съ ума сошли! Встаньте, живо! Вы-бы еще на базарной площади вздумали объясняться въ любви! Юноша какой . . .

Мастаковъ вставая. Послушайте . . . Я знаю — вы не судья людямъ, вы — добрая къ нимъ . . .

Софья Марковна. Довольно! Я вѣдь не дѣвушка, мнѣ за тридцать. Я понимаю, что нравлюсь вамъ. Человѣкъ я прямой и даже, пожалуй, грубоватый. Я знаю, что меня уже считаютъ вашей любовницей, и даже пасынокъ вашъ . . . Но — хорошо! Объ этомъ я не могу говорить сегодня, вы очень плохо выбрали время для такой бесѣды.

Мастаковъ робко, глухо. Софья Марковна, я хотѣлъ . . .

Софья Марковна. Сегодня въ семь я ѣду въ деревню, а когда вернусь — мы поговоримъ. Поймите меня — я ничего не обѣщаю вамъ . . . слишкомъ хорошо известно мнѣ, какъ жизнь обманываетъ людей. Я вернусь дня черезъ три . . .

Мастаковъ. Не уѣзжайте, пожалуйста! Я васъ прошу! У меня вся жизнь . . . все качается!

Софья Марковна. Ну, это, извините меня, глупости. А вы за это время подумайте, что говорить обо мнѣ въ городѣ — о моихъ грѣхахъ — хорошо?

Мастаковъ. Что мнѣ ваши грѣхи? У меня . . .

Софья Марковна. Тише! Кто-то идетъ. Стряхните пыль съ колѣнь!

Мастаковъ бормочетъ. О, Господи!

Харитоновъ выпившій. Полковница — лапочку!

Софья Марковна. Да вѣдь вы только что здоровались со мной!

Харитоновъ. Это ничего не значить! Васъ всегда пріятно видѣть, какъ пятисотенный кредитный билетъ. Кумъ, ты чего угрюмъ?

Мастаковъ кивая на стройку. Запаздываемъ.

Харитоновъ. Брось! Все будетъ во время и хорошо. У тебя, братъ, всегда хорошо будетъ, ты — счастливый! Полковница, помогите мнѣ, между прочимъ, уломать его! Иванъ Васильевъ — отдавай падчерицу за Якова, а? И себѣ развяжешь руки нѣсколько, и мнѣ-бы польза была.

Мастаковъ. Не время объ этомъ . . .

Харитоновъ. Дѣвицу замужъ выдать всегда время. Кромѣ постовъ, разумію. Полковница, дѣло дешевое — расходимся на двадцати тысячахъ — срамъ!

Софья Марковна. Торгуйтесь . . .

Харитоновъ. Я — готовъ, а онъ ни бэ, ни мэ, ни кукареку . . . Что значать двадцать тысячъ въ наши распутные дни? Горшокъ сметаны, не болѣе того. А, между прочимъ, Яковъ у меня дѣйствительный женихъ. Липтой. Какъ племянной бычекъ. Тигръ, а не женихъ!

Мастаковъ угрюмо. Ограбишь ты его.

Харитоновъ. Это — дѣло будущее . . . Въ экономическомъ вопросѣ ни родства, ни дружбы.

Мастаковъ сердясь. Велика больно ярость твоя на деньги.

Харитоновъ. Ярость? Ну, понялъ же ты меня, ай-яй!

Софья Марковна. Да вы сами то себя — понимаете?

Харитоновъ. Насквозь! Ярость, а?

Софья Марковна. Мы пойдемъ смотрѣть постройку?

Мастаковъ. Да.

Харитоновъ. И я съ вами. Ярость! Я на Пасхѣ девять тысячъ проигралъ въ желѣзку — глазомъ не моргнулъ, а вы, а — ты . . .

Мастаковъ. Выпилъ ты, Якимъ . . .

Харитоновъ. Выпилъ! Потому что жизнь моя — юрунда. Человѣкъ я неказистый, женщины меня, иначе, какъ за деньги, — не любятъ, жить мнѣ скушно, вотъ я и пью, играю . . .

Мастаковъ. Доиграешься.

Харитоновъ. Торпой дорогой всякъ пройдетъ, а я люблю — по жердочкѣ, надъ омутомъ, чтобы подо мной гнулось, да качалось, чтобы каждую минуту думать: устоишь, Якимъ, али сверзишься? Вотъ оно, въ чемъ удовольствіе жизни!

Софья Марковна. Вы сегодня въ ударѣ, хорошо говорите.

Харитоновъ. Я-бы лучше заговорилъ, ежели-бы меня хорошая женщина любила. Эхъ, полковница, красоты вамъ отпущено — на всѣ двѣнадцать лихорадокъ, ей Богу! Вотъ-бы вамъ полюбить меня, эхъ, какъ-бы я . . .

Мастаковъ вдругъ грубо. Да перестань ты, паяцъ!

Софья Марковна. Что съ вами. Опомнитесь!

Харитоновъ испугался. О! Что такое? . . .

Мастаковъ. А что онъ поганымъ языкомъ . . .

Софья Марковна беретъ его за руку.

Мастаковъ. Прости, Якимъ . . . Я — думалъ, а ты тутъ . . .

Харитоновъ. Думалъ? Ну, думай . . . Чортъ, какъ фыркнулъ! Полковница, вы не боитесь его? А я иной разъ боюсь, между прочимъ . . .

Ушли на стройку. Изъ калитки вслѣдъ имъ смотритъ Павелъ; въ саду — голосъ Захаровны. Таня идетъ.

Таня Павлу. Пусти!

Павелъ. Не толкай, невѣжа . . .

Таня. За кѣмъ подглядывалъ?

Павелъ. Не твое дѣло. Я не подглядывалъ . . .

Таня. Фу, какой злой! Почему ты всегда злишься?

Павелъ. Потому.

Таня. Самъ не знаешь почему!

Захаровна ворчить. Жалуешься — голова болитъ, а сама ходишь по жарѣ.

Таня. Отстань! Софья Марковна уѣхала, Павелъ?

Павелъ. Не знаю.

Таня. Я забыла сказать ей . . .

Захаровна. Не забывала-бы! Куда пошла? Тамъ — мусоръ, ногу свихнешь. Баловница! Женихъ скучаетъ, а она . . .

Таня. Я тебѣ сказала — нѣтъ у меня жениха!

Захаровна. Ну, и врешь!

Таня. Нѣтъ!

Захаровна. Да ты что кричишь? Женихъ — не бородавка, коли нѣтъ его — хвастать нечѣмъ.

Таня. Ты зачѣмъ меня дразнишь.

Захаровна. Сегодня праздникъ. А ты меня — зачѣмъ?

Павелъ. Вотъ дурѣхи!

Таня. Молчи, умникъ! Захаровна, сходи, посмотри — уѣхала она . . .

Захаровна. Такъ и сказала-бы! Самой то лѣнь идти . . .

Таня. Ахъ, Господи! Да вѣдь ты же сама не велѣла!

Захаровна. А ты меня не слушай, изъ уваженія къ старости моей . . .

Таня. Ты — ужасная!

Степанычъ идетъ, крича. Захаровна — чаевыя давай!

Захаровна. На, на, не ори! Танюша, ты-бы вотъ сама и роздала на чай каменщикамъ — имъ пріятно будетъ изъ твоихъ ручекъ.

Таня уходитъ. Вотъ еще выдумала!

Захаровна идетъ за ней. Эхъ, ты, непонятливая . . .

Яковъ изъ сада. Куда онѣ?

Павелъ. Деньги на чай раздавать.

Яковъ. Много?

Павелъ. Не знаю. Больше ста.

Яковъ. Вотъ бы мнѣ кто нибудь сотняжку на чай далъ!

Павелъ. Иди въ лакеи — дадутъ!

Яковъ закуривая. Ляпнулъ! У меня знакомый есть студентъ — въ смѣшныхъ журналахъ стихи пишетъ, московскій жуликъ, такъ онъ сказалъ . . .

Служи народу — ты не баринъ!

Служи ему и — примѣчай:

Народъ особо благодарень,

Когда ему даютъ на чай . . .

Вотъ, какъ шутятъ! А ты — точно палкой по головѣ!

Павелъ. Кому онъ это сказалъ?

Яковъ. Вообще, всѣмъ. Кури!

Павелъ. Не хочу. Не люблю я шутокъ.

Яковъ. Яшутокъ не любишь, а — Машутокъ любишь?

Павелъ смѣется. Экій ты . . . чортъ!

Яковъ. То-то. Вдемъ сегодня къ нашимъ барышнямъ?

Павелъ. Не охота. Вдругъ нахмурюсь. Какъ же ты — собираешься жениться на моей сестрѣ, а самъ зовешь меня къ дѣвушкамъ?

Яковъ удивленъ. Чего? Да что я — первый разъ зову тебя къ нимъ? А въ то воскресенье ты гдѣ былъ? . . . Это ты со зла святымъ притворяешься? Чудачина!

Павелъ угрюмо. Вотчимъ хочетъ сплавить меня въ коммерческое училище.

Яковъ. И хорошо! Будешь жить одинъ, самъ себя хозяинъ . . .

Павелъ. А онъ безъ меня женится на этой . . .

Яковъ. Онъ и при тебѣ женится . . . Чѣмъ ты можешь помѣшать ему? Ты — брось это, чортъ съ нимъ! Пускай женится на комъ хочетъ. Только-бы выдѣлили тебя . . .

Павелъ. Да-а . . . какъ же, выдѣлить онъ!

Яковъ. Идемъ въ поле, погуляемъ. Таню захватимъ . . .

Павелъ. Пойдемъ . . . что же! Идутъ къ постройкѣ. Ты-бы съ ней почаще говорилъ о полковницѣ-то . . .

Яковъ. Я говорю, не безпокойся.

Павелъ. Поссорить-бы ихъ . . .

Яковъ. Ужъ очень Татьяна Петровна . . . довѣрчива къ ней . . .

Павелъ. Глупа еще. Мякишь . . .

Захаровна встрѣчу имъ. Поплыли селезни! А дядю твоего, Яковъ Савельчъ, такъ развезло на жарѣ-то — лыка не вяжетъ, а слова такія говорить, что кирпичамъ стыдно. Вы-бы Таню-то увели отъ него.

Ушла въ садъ. Павелъ и Яковъ скрылись за деревьями. Черезъ минуту въ кустахъ является Мастаковъ, смотреть на постройку, отирая лобъ платкомъ. Угрюмъ и подавленъ. Остановился, бормочетъ громко.

Мастаковъ. Не догадалась . . . не поняла!

Постоявъ, рѣшительно подходитъ къ скамьѣ и, вынувъ изъ кармана бумажникъ, пишетъ на колѣнѣ записку. Кричитъ.

Мастаковъ. Степанычъ, эй!

Степанычъ изъ-за сторожки. Здѣсь . . .

Мастаковъ. Запряги Красотку и поѣзжай въ городъ, къ Софьѣ Марковнѣ. Если догонишь ее въ дорогѣ . . .

Степанычъ. Не догнать . . .

Мастаковъ. Домой поѣзжай къ ней, а дома нѣтъ — на вокзалъ, она съ семичасовымъ въ деревню ѣдетъ. Обязательно найди! Живѣе собирайся!

Степанычъ. А кто же тутъ . . .

Мастаковъ. Иди! Никита поглядитъ за ребятами,
я скажу . . .

Степанычъ. Не подожгли-бы . . .

Мастаковъ. Иди, говорю!

Степанычъ спѣшно уходитъ.

Мастаковъ покачиваясь на скамьѣ, бормочетъ. Ну —
отрѣзано . . .

II.

Тамъ же, въ тотъ же день. Часовъ пять вечера. За постройкой, въ полѣ гармоника наигрываетъ: «Послѣдній нонешній денечекъ». Каменщикъ Никита сидитъ на скамьѣ у сторожки, подремываетъ. Изъ кустовъ идутъ Павелъ, Яковъ, Таня, съ букетомъ полевыхъ цвѣтовъ въ рукахъ.

Яковъ подмигивая на Никиту. Хотите, я его испугаю?

Павелъ. Онъ не спитъ.

Таня. Не надо!

Яковъ. Смѣшно будетъ!

Идетъ къ Никитѣ, пристально и строго разглядывая его.

Каменщикъ встаетъ. Ты что, сударь?

Яковъ. А вѣдь я тебя знаю!

Каменщикъ улыбаясь. Меня тутъ всѣ знаютъ.

Яковъ. Я тебя да-авно знаю! . . .

Каменщикъ. И я тебя.

Яковъ. Ты — кто такой?

Каменщикъ все улыбаясь. Какъ же это — знаешь, а спрашиваешь?

Яковъ строго. Я съ тобой не шучу! Я, братъ, про тебя такое знаю . . .

Каменщикъ серьезно. Чего про меня знать? Про меня нечего знать.

Яковъ понижая голосъ. Ты въ третьемъ году, въ Мартѣ, что дѣлалъ? Помнишь?

Каменщикъ напряженно. Въ Мартѣ? Третьяго года?

Яковъ. Ага! Вспоминаешь?

Каменщикъ. Погоди . . .

Яковъ. Ты гдѣ тогда былъ, ну-ка, скажи?

Каменщикъ смущенно. Стой . . . Дай Богъ памяти! . . .
Въ больницѣ я лежалъ, будто.

Яковъ. Будто? Ну, а — по совѣсти скажи?

Каменщикъ испуганно. Постой-ка, ты — что, братъ?

Яковъ. Нѣтъ, ты вспомни! Ты что тогда сдѣлалъ?

Каменщикъ. Да что ты, Господь съ тобой! Снялъ
картузь. Мнѣ вспоминать нечего . . . Что такое?

Таня смотритъ на старика, улыбаясь, Павелъ смѣется. Взглянувъ на нихъ, Никита надѣлъ картузь и сердито отмахивается.

Каменщикъ. Поди ты къ Богу! Я думалъ заправду что нибудъ. Экой безобразникъ! Я втрое старше тебя . . . Гнѣвно ушелъ въ сторожку.

Яковъ торжествуя. Видали?

Павелъ. Ловко!

Таня. Странно! Чего онъ испугался?

Яковъ съ гордостью, оживленно. Я могу испугать кого хотите! Любому человѣку уставляюсь въ глаза и начну: а что я про васъ знаю, что слышалъ! Конечно, я ни черта не знаю, но человѣкъ обязательно испугается — вѣдь у каждаго есть что нибудъ, что онъ скрываетъ, ну, а я веду себя такъ, будто мнѣ всѣ тайны извѣстны! Понимаете?

Павелъ. И дураки же люди . . .

Яковъ. Особенно съ барышнями удается это. Я любую барышню въ полчаса могу до слезъ довести.

Таня. Это — гадость! Вамъ не стыдно?

Яковъ. Господи, да вѣдь я шучу! Чего же стыдиться?

Таня. Нѣтъ, это очень стыдно издѣваться надъ дѣвухами.

Яковъ. А вы какъ издѣваетесь надъ нами? Ага! И вообще — вѣдь вамъ понравилось, когда старикъ испугался?

Таня. Вовсе нѣтъ!

Яковъ. А зачѣмъ улыбались?

Таня. Я не улыбалась.

Павель. Не спорь — понравилось. Это онъ ловко сдѣлалъ. Вы здѣсь будете? Я пойду рубашку смѣнить, вспотѣлъ.

Яковъ. Сядемте, а?

Таня. Не хочу.

Яковъ. Не сердитесь на меня! Послушайте: лягушку, животное болотное, склизкое, тиская — получаемъ ощущение отвращенія!

Таня удивленно. Что такое, какъ?

Яковъ повторивъ. Это называется бонмо!

Таня смѣясь. Фи, какая гадость! И еще — бонмо. Это вы сами выдумали?

Яковъ. Самъ.

Таня. Неправда!

Яковъ. Честное слово! Смѣшно вѣдь?

Таня. Нисколько.

Яковъ. А вы смѣялись! Какая вы капризная — ужась.

Нѣсколько секундъ сидятъ молча.

Яковъ уныло. А одинъ актеръ сказалъ; лучше имѣть небольшой умъ, чѣмъ большой чирей. Нравится вамъ?

Таня улыбаясь. Вы удивительно глупый!

Яковъ весело. Лишь-бы удивить васъ, а чѣмъ — все равно! Нѣтъ, какая же вы капризница! Вотъ ужъ, навѣрное, прикащики въ магазинахъ не любятъ васъ!

Таня обиженно. Я вовсе не желаю, чтобы меня любили прикащики.

Яковъ. Почему же? Среди нихъ такіе ловкачи и красавцы есть . . .

Таня. Ахъ, оставьте, пожалуйста!

Яковъ. Ф-фу . . . Замучили вы меня!

Таня вставая. Идемте чай пить . . . мученикъ!

Яковъ. Идите . . . Я сейчасъ приду. Показываетъ кулакъ вслѣдъ ей, потомъ высунуль языкъ.

Таня обернувшись. Я устала очень . . .

Яковъ вскочивъ. Какъ . . . жаль! Бормочеть. Погоди, милая, ладно!

Въ саду голосъ Мастакова: «Легь-бы ты, уснуй!»

Харитоновъ въ калиткѣ. Спать не хочу, я говорить хочу.

Мастаковъ. Ну, о чемъ говорить?

Харитоновъ. А вотъ сядемъ на любимое твое мѣсто . . . Не жаль было тебѣ рощу вырубать?

Мастаковъ. Жаль.

Харитоновъ. То-то! Вонъ, сколько отъ нея осталось — въ зубахъ поковырять нечѣмъ. Садись! Слушай — что ты сегодня какой — нехорошій, неласковый, а?

Мастаковъ. Ну, полно . . .

Харитоновъ. Думаешь — если я выпилъ, такъ ослѣпъ? Выпивши, я все насквозь вижу, между прочимъ . . . Все ты суешься изъ угла въ уголь, оглядываешься, а?

Мастаковъ. Ну, что тамъ? . . . Такъ это . . . Думается о разномъ. Я, вотъ, строиться люблю — строение украшаетъ землю. Земля у насъ — бѣдная . . .

Харитоновъ. Неправда! Ба-агатая земля! Грабятъ ее, грабятъ, а ограбить никто не можетъ!

Мастаковъ. И люди непрочные . . .

Харитоновъ. И купецъ грабить, и чиновникъ, и всякъ живой человѣкъ, а — Россія живетъ, слава Те, Господи! И будетъ жива во вѣки вѣковъ . . . Нѣтъ, почему ты октябрёмъ ходишь, хоть шубу при тебѣ надѣвай, а? Полковница требуется? Чтожъ, дама она такая, что каждому желанна . . . Вѣнчаешься?

Мастаковъ угрюмо. Не пара мы . . .

Харитоновъ. Отчего? Вѣдь она — по мужу важна, а сама, говорятъ, изъ простыхъ . . . Пѣвица, что-ли, какая-то . . . И, вообще, — хороша Аннинька, а прошлое — дрянненько!

Мастаковъ строго. Прошлое не должно касаться насъ.

Харитоновъ. Ну, ежели оно въ костяхъ . . .

Мастаковъ. Какъ это — въ костяхъ?

Харитоновъ. Въ душѣ, что ли . . . Наше прошлое — не деготь на воротахъ, его не выскоблишь . . . нѣтъ, братъ!

Мастаковъ вставая. Да . . . Это вѣрно, пожалуй! Ты извини, кумъ, я пойду . . . мнѣ надо подумать объ одномъ дѣлѣ.

Харитоновъ вслѣдъ ему. О падчерицѣ подумай! . . . Довольно ужъ канители, пора за дѣло . . .

Никита выглядываетъ изъ сторожки.

Харитоновъ. Это кто тамъ?

Каменщикъ. Я . . . выходить. Я пожаловаться тебѣ, Якимъ Лукичъ . . .

Харитоновъ. Жалуйся. Ну?

Каменщикъ. Племяшъ твой — озорникъ . . .

Харитоновъ. Въ молодости и курица озоруетъ. Ну?

Каменщикъ. Давеча началъ онъ мнѣ угрожать . . .

Харитоновъ. А ты — не бойся! Онъ угрожаетъ, а ты — не бойся, только и всего. Понялъ?

Изъ-за сторожки выходитъ странникъ, Старикъ, съ котомкой на спинѣ, съ котелкомъ и чайникомъ у пояса. За нимъ — Дѣвица, тоже съ котомкой; у нея неподвижное лицо, большіе мертвые глаза. Дѣвица кланяется. Старикъ стоитъ неподвижно.

Харитоновъ. Здорово. Давно ждали . . .

Каменщикъ. Откуда?

Старикъ. Отъ Стефанія.

Харитоновъ. Дочь?

Старикъ. Сестра по духу.

Харитоновъ. Молода, будто, сестренка-то!

Старикъ. Не всѣ въ одинъ годъ родились.

Харитоновъ. Вѣрно.

Дѣвица каменщику. Чего это строить?

Каменщикъ. Училище.

Харитоновъ. Дѣвица?

Старикъ. Дѣвица.

Дѣвица. А не заводъ это?

Каменщикъ. Заводъ — дальше, версты за три.

Харитоновъ. А дѣтей сколько имѣла?

Старикъ. Былъ одинъ, да тоже дуракъ.

Каменщикъ. А то — другой скоро начнемъ строить . . .

Харитоновъ. Дуракъ? Встаетъ, идетъ въ садъ, остановился. Ты что же подаянія не просишь?

Старикъ. Въ свой часъ — попрошу.

Харитоновъ. Гмм . . . Пойду чайку попою . . .

Дѣвица. А кто строить?

Каменщикъ. Мастаковъ, Иванъ Васильевъ.

Старикъ. Здѣшній?

Каменщикъ. Само собой.

Старикъ. И родился здѣсь?

Каменщикъ. А тебѣ на что знать?

Дѣвица. Здѣшніе-то, сказываютъ, добрые . . .

Каменщикъ. Всякіе есть.

Старикъ. Давно онъ здѣсь живетъ?

Каменщикъ. Лѣтъ съ двадцать. Спыхватился, подозрительно оглядываетъ Старика. Да развѣ я тебѣ сказалъ, что онъ не здѣшній? Я этого не говорилъ!

Дѣвица. Добрый человекъ, слышно . . .

Каменщикъ. Когда доберь, а когда и нѣтъ. Пустыхъ людей не любить.

Старикъ. Это какихъ — пустыхъ?

Каменщикъ. А вотъ, которыхъ вѣтеръ по дорогамъ гоняетъ, туда-сюда.

Старикъ. Я тоже эдакихъ не люблю.

Дѣвица. Идемте, братецъ!

Старикъ. Куда? Погоди, отдохнемъ. Торопиться мнѣ некуда, меня никто не ждетъ.

Каменщикъ. А не похожъ ты на странника Божьяго.

Старикъ. Не похожъ? На кого же я похожъ?

Каменщикъ. Не знаю. Для странника — рѣчь у тебя не та.

Старикъ. Всякая птица по свѣому поетъ . . .

Каменщикъ. Не та рѣчь . . . Коли вы за пода-
яніемъ, идите во дворъ, вотъ сюда, кругомъ.

Старикъ. Дай отдохнуть! Али я тебѣ мѣшаю?

Каменщикъ. Не мѣшаешь, а торчать тутъ не къ
чему. Закуришь, спичку бросишь . . .

Старикъ. Не курю.

Никита ушелъ въ сторожку.

Старикъ оглянувшись, Дѣвицѣ негромко. Ты — гляди,
Марина, примѣчай все, слушай! А ежели почувешь что
— плохое для меня, сейчасъ бѣги въ городъ, къ Ильѣ . . .

Дѣвица. Знаю.

Старикъ. А онъ-бы тотчасъ объявилъ — такъ и
такъ, моль. Поняла?

Дѣвица. Ну-ну!

Старикъ оглядываясь. Ишь, какъ застроились, псы!
И небушка не видать. Все отъ Бога отгораживаются, со-
баки окаянные. Въ кирпичъ, да въ камень душевную
гнушь свою прячуть, беззаконники . . .

Дѣвица негромко. Гляди — идутъ!

Идутъ Яковъ и Таня.

Старикъ. Тихе, лошадь . . .

Яковъ. Ну, расскажите, пожалуйста . . .

Таня. Пойдите! Гдѣ же онъ? Папаша!

Яковъ. Успѣемъ, найдемъ! Расскажите!

Таня. Когда я рассказываю, мнѣ дѣлается скучно.

Яковъ. А слушать любите?

Таня. Интересное — люблю. Папаша!

Яковъ. Сплетни всегда интересны.

Таня. Да.

Яковъ. Иной разъ такъ расскажутъ про человѣка,
точно на изнанку вывернуть его.

Дѣвица кланяется имъ.

Таня. Вотъ странники много знаютъ . . .

Яковъ. Смотрите — какая деревянная! Сейчасъ я его испугаю.

Таня. Не стойтъ!

Яковъ. Увидите, какъ забавно будетъ. Присматриваясь къ Старику. Ба, кого я вижу!

Старикъ смотритъ на него молча и спокойно.

Яковъ. Давно ли здѣсь?

Старикъ. Недавно.

Яковъ. А назадъ — въ острогъ — скоро?

Старикъ. Вмѣстѣ съ тобой.

Яковъ. Какъ это — со мной?

Старикъ. Такъ. Ты когда въ острогъ собираешься?

Яковъ. Мнѣ тамъ дѣлать нечего!

Старикъ. Тамъ дѣло найдутъ для тебя.

Яковъ смущенъ. Позволь — какъ ты смѣешь . . .

Таня удерживая его за плечо. Оставьте его, онъ дерзкій.

Яковъ отходя отъ него. Не боязливъ, бродяга.

Дѣвица. Барышня, подайте странникамъ людямъ Христа ради! Накормите, напоите бездомныхъ, несчастныхъ . . .

Таня. Въ кухню идите, вонъ туда . . . Гдѣ же папаша?

Яковъ. Придетъ!

Таня. Удивительно скучный день сегодня, хоть-бы что нибудь случилось.

Яковъ. Вы любите пожары?

Таня. Нѣтъ, я боюсь. Мнѣ иногда такъ скучно бываетъ, что даже несчастія хочется.

Яковъ. Выходите замужъ за меня!

Таня. Я серьезно говорю. Софья Марковна сказала: «я не знаю, что такое скука». Какъ можно не знать этого? Даже собаки скучаютъ. Вамъ нравится урюкъ?

Яковъ. Мнѣ нравитесь вы!

Таня. Ахъ, перестаньте!

Яковъ. Ей Богу, я васъ люблю! Въ самомъ дѣлѣ — выходите за меня замужъ, будетъ очень весело. Автомобиль купимъ.

Таня. Я вѣдь сказала — дайте подумать!

Яковъ. Ужъ очень вы долго думаете. Замужъ выйти не въ винтъ играть, тутъ особенно долго думать не зачѣмъ. Я человѣкъ свободомысленный, не стѣсняющій и веселый. Притомъ же бѣдный. Значить, я буду вамъ вѣрный другъ. Честное слово! И будетъ вамъ всякая свобода отъ меня.

Таня. А на что мнѣ свобода? Я и такъ безъ призора живу.

Яковъ. Теперь вы дѣвица и стѣснены въ симпатіяхъ вашихъ, потому что нашъ братъ — жуликъ, и дѣвичья неопытность для насъ — конфета! А будете дамой — оцѣните свою свободу, — вонъ, какъ Софья Марковна живетъ! У нея романъ за романомъ.

Таня грустно. Зато какія гадости рассказываютъ про нее!

Яковъ. Не всякій разговоръ на аппетитъ дѣйствуетъ. Кромѣ того — Павелъ! Онъ — жадный, грубый, никого не любитъ . . .

Таня улыбаясь. Ошибаетесь, онъ въ Софью Марковну влюбленъ . . .

Яковъ. Да что вы? Павелъ?

Таня. Да, да! Я сама видѣла, какъ онъ перчатки ея цѣловалъ . . .

Яковъ. Ахъ, чортъ возьми!

Таня. Она забыла у насъ перчатки . . .

Яковъ. А онъ — цѣловать ихъ? Вотъ, дурачина! Д-да-а! А — знаете — она обязательно пройдетъ въ ма- чихи вамъ!

Таня. Это — хорошо!

Яковъ уныло. Ну, развѣ можно такъ рассуждать?

Таня задумчиво. Была-бы около меня умная женщина,

съ ней можно и о костюмахъ посовѣтоваться, и обо всемъ. При ней и домъ перестроили-бы, а то у насъ тѣсно.

Харитоновъ идетъ. Эй, голуби! А гдѣ Иванъ Васильевъ?

Яковъ. Не нашли мы его.

Харитоновъ. Тамъ архитекторъ пріѣхалъ.

Таня. Ахъ, надо идти . . . Онъ такой интересный! . . . Поспѣшно уходитъ.

Харитоновъ. Ну, что балбесъ?

Яковъ уныло. Ничего. Она такой мякишъ.

Харитоновъ. Ты самъ мякишъ! Другой-бы на твоёмъ мѣстѣ . . .

Яковъ съ досадой. Да, чтожъ, насильно, что ли . . .

Харитоновъ. А хотя-бы насильно? Дѣвицы смѣлость любятъ. Болванъ! У меня-бы данно ужъ Исаія ликовалъ . . .

Яковъ. Попробуйте — женитесь на ней сами!

Харитоновъ. Цыцъ! Съ кѣмъ говоришь? Вотъ, какъ я вылечу въ трубу, да останешься ты нищимъ . . .

Яковъ. Тише вы . . . Тутъ кто-то ходитъ, навѣрно — Иванъ Васильичъ . . .

Харитоновъ оглянувшись, вынулъ изъ кармана серебряный рубль, громко. Видалъ — кружочекъ маленькій, а на немъ — вся жизнь! Это надо понять! Какой цвѣтокъ краше, какой порохъ сильнѣй? Къ деньгамъ надо уваженіе имѣть, а не швырять ихъ зря . . . Прежнимъ тономъ. Ты что врешь, шарлатанъ? Никого нѣтъ . . .

Яковъ. Я шаги слышалъ за сторожкой.

Харитоновъ. Шаги слышалъ! Ты мнѣ сегодня это дѣло кончай . . . Иди, ходи за ней неотвязно!

Яковъ идетъ. Да если она глупа . . .

Харитоновъ. Для тебя же легче, дубина! . . .

Ушли. Отъ постройки медленно идетъ Мастаковъ, подавленъ, глядитъ въ землю. Изъ-за сторожки — Старикъ, онъ усмѣхается, остановился, опираясь на палку обѣими руками.

Старикъ негромко. Здорово, Гусевъ.

Мастаковъ такъ-же. Здравствуй, Антонъ.

Старикъ. Я теперь не Антонъ, а — Питиримъ. Передѣлался, какъ ты. Ну, только я могу и Антономъ жить, по старому. Ты что на меня не взглянешь?

Мастаковъ. Видѣлъ я тебя.

Старикъ. Гдѣ видѣлъ? Когда?

Мастаковъ. Въ соборѣ, на паперти . . . а сейчасъ — со стройки . . . ты по дорогѣ шель съ женщиной . . .

Старикъ. Значить — ждалъ ты меня?

Мастаковъ молчить.

Старикъ. Коли призналъ, значить — ждалъ! . . .

Мастаковъ угрюмо. Тамъ, на паперти, по глазамъ я тебя узналъ.

Старикъ. Такъ . . . Ну, что же, — зови меня въ гости! . . .

Мастаковъ устало. Вотъ, что, Антонъ . . . ты — умный, ты понимаешь — что значить для меня . . . приходи твой . . . Такъ ты говори сразу — чего тебѣ надо?

Старикъ умихался, тряхнулъ головой. Развѣ эдакъ можно? Я въ гости пришелъ къ тебѣ, старому дружку . . . мы съ тобой страдали вмѣстѣ, а ты — чего миѣ надо!

Мастаковъ. Я могу дать немало, ежели . . .

Старикъ. Денегъ? А куда миѣ деньги? Я — старенькій, помру скоро.

Мастаковъ. Женщина эта съ тобой . . .

Старикъ. Дѣвица. Она — умная. Она мной крѣпко взнудана . . .

Мастаковъ. Знаетъ про меня?

Старикъ. А какъ ты думаешь?

Мастаковъ хватая его за плечо. Не шути, чортъ! . . .

Старикъ ловко присѣлъ и вывернулся изъ-подъ руки. Эй, эй! ты не груби! . . .

Изъ-за деревьевъ вышла Дѣвица.

Старикъ. Ты меня не пугай, я всё страхи видѣлъ ужь . . .

Мастаковъ. Чего тебѣ надо?

Старикъ. Поговорить съ тобой желаю . . .

Мастаковъ. О чемъ?

Старикъ. Мало ли!

Мастаковъ помолчавъ. Разошлись наши пути, Антонъ . . .

Старикъ. Такъ вѣдь вотъ — опять сошлись!

Мастаковъ. Сказаль-бы прямо — чего хочешь?

Старикъ. Я немалаго хочу, гляди!

Мастаковъ. Ну?

Старикъ. Мнѣ за всё года страданія моего жалованьишко получить надо . . .

Мастаковъ. Сколько?

Старикъ. Не сосчиталъ еще . . .

Мастаковъ спрятавъ руки за спину, смотреть на него съ ненавистью.

Старикъ. Что глядишь?

Мастаковъ. Помню я твой характеръ.

Старикъ. Помнишь? Спасибо.

Мастаковъ съ тоской. Чего тебѣ надо, Антонъ?

Старикъ. Испугалъ я тебя? Жизнь-то наша, Гусевъ, — какова? Ты тутъ строишься, топыришься во всё стороны, а я тихонечко иду, иду . . .

Мастаковъ. Что худого я сдѣлалъ тебѣ? Не помню.

Старикъ. И я не помню этого.

Мастаковъ. Я тебя жалѣлъ тогда . . .

Старикъ усмѣхаясь. И жалѣть надо съ умомъ. Очень умѣючи жалѣть надо! . . . А ты какъ думаль?

Мастаковъ. Что же . . . Ты мнѣ зла желаешь?

Старикъ прислушиваясь. Я те послѣ скажу, чего желаю. Будто идетъ кто-то и по дорогѣ ѣдутъ — чу? Слышишь? Я пройду на кухню, а вечеркомъ ты меня прими — ладно?

Мастаковъ киваетъ головой, изъ сада Захаровна.

Захаровна. Иванъ Васильичъ, батюшка, гдѣ же ты? Тебя ищутъ, ищутъ . . .

Мастаковъ угрюмо. Проводи его на кухню, накорми, напои . . .

Захаровна. Время ли сегодня . . .

Мастаковъ. Ну! Дѣлай, какъ велятъ!

Захаровна. Тамъ ждуть тебя . . . Старику. Иди!

Старикъ. Строговать, хозяйинъ-то . . .

Захаровна. А ты знай-помалкивай . . .

Старикъ. Ой, да и ты сердита! Давно не бита?

Захаровна обернувшись къ нему. Да ты что . . .

Мастаковъ грозитъ ей. Оставшись одинъ, въ ужасѣ бормочеть. Да не можетъ быть, не можетъ быть . . . Господи!

Идетъ къ постройкѣ, встрѣчу ему Софья Марковна. Вздволнована.

Софья Марковна. Что за чепуху вы мнѣ написали? Это — невѣроятно! Это же сказка! . . . Вы въ своемъ умѣ? Вы — были на каторгѣ? Хватаетъ его за руку. Да говорите же!

Мастаковъ глядя въ сторону. Былъ. На четыре года осудили.

Софья Марковна. За что?

Мастаковъ. Два года пять мѣсяцевъ былъ . . . потомъ — ушелъ . . . бѣжалъ . . .

Софья Марковна. Не смѣйте говорить такъ! Смотрите мнѣ въ глаза. За что васъ судили? Фальшивыя деньги, да?

Мастаковъ. Убійство.

Софья Марковна отталкивая его руку. Вы — убійца? Невѣроятно . . . Какъ это случилось?

Мастаковъ. Не знаю.

Софья Марковна. Да придите же вы въ себя! Когда такъ страшно — нельзя теряться, нельзя. Какъ это случилось, ну? Скорѣй . . .

Мастаковъ. Не знаю. Такъ я и на судѣ говорилъ

— не знаю! Мнѣ двадцать лѣтъ было тогда. Гулялъ я, рекрутъ былъ. Кто-то зарѣзаль прасола . . . я былъ пьяный и не видѣлъ его, не помню какой онъ. Умомъ я понимаю — виновать, а душой никогда вины не чувствовалъ. Никого не убиваль. Сложилось такъ, что судить некого было — ну, осудили меня. Кровь нашли на мнѣ . . .

Софья Марковна. Чью?

Мастаковъ. Не знаю. Рекрута дрались, и я тоже . . .

Софья Марковна. Вѣдь это правда? Да? О, Боже мой, конечно — правда! Вы не могли . . . нѣтъ! Но — почему именно сегодня . . . почему вы раньше не сказали мнѣ?

Мастаковъ убито. Явился человекъ, съ которымъ я на каторгу шелъ и жилъ тамъ. Онъ давно тутъ искалъ меня, подсылалъ кого-то . . . Я его въ четвергъ на соборной паперти видѣлъ, узналъ . . .

Софья Марковна. Ахъ, надо было тогда же сказать мнѣ! . . .

Мастаковъ. Я сегодня утромъ пытался, да вы не догадались . . .

Софья Марковна. Сегодня? Такъ значить . . . Какъ я глупо вела себя! . . . Вѣдь я думала . . . Какъ глупо!

Мастаковъ. Я давно собирался рассказать вамъ все . . . духа не хватало! Боязно. Нѣтъ у меня никого, кромѣ васъ . . . а вы мнѣ — и сестра, и все . . .

Софья Марковна. Чего хочетъ этотъ человекъ?

Мастаковъ. Не пойму. Погубить онъ меня.

Софья Марковна. Нельзя говорить такъ! Гдѣ онъ?

Мастаковъ. На кухнѣ. Онъ — злой! Софья Марковна — помогите мнѣ, на всю жизнь рабомъ буду вашимъ! Я — жить хочу.

Софья Марковна. Что же мы будемъ дѣлать?

Мастаковъ. Я думаль — сдѣлаю все, какъ она хочетъ, а потомъ скажу: вотъ я кто! На душѣ моей —

нѣтъ грѣха. Вы научили меня доброму . . . до васъ я смысла въ жизни не видѣлъ . . .

Софья Марковна. Перестаньте! . . . Все это не нужно сейчасъ.

Мастаковъ. Вѣрите вы мнѣ?

Софья Марковна. Глупо спрашивать. Вы когда будете говорить съ нимъ?

Мастаковъ. Вечеромъ.

Софья Марковна. Сдѣлайте такъ, чтобы я слышала вашу бесѣду, я останусь здѣсь . . . И чтобы дѣти не знали ничего — понимаете?

Мастаковъ усмѣхаясь. Павелъ узнаетъ — обрадуется.

Софья Марковна. И главное — говорите съ нимъ спокойно.

Мастаковъ. А вдругъ онъ и васъ запутаетъ? Что тогда будетъ?

Софья Марковна. Глупости! Идемте въ домъ!

Мастаковъ. Софья Марковна . . .

Софья Марковна. Ну, что? Возьмите же себя въ руки!

Мастаковъ. Боюсь я . . .

Софья Марковна. Это вамъ не поможетъ!

Мастаковъ. Вашего суда боюсь.

Софья Марковна. Но вѣдь вы не виноваты? Да? Вѣдь это — несчастіе?

Мастаковъ. Да! Клятву даю!

Ушли. Въ кустахъ появилась Дѣвица и тупо смотреть вслѣдъ имъ, почесывая подбородокъ.

III.

Большая комната, посреди нея письменный столъ, три кресла. На столѣ горитъ лампа, затѣненная синимъ абажуромъ. Въ углу, за ширмами, видно изголовье кровати. Въ другомъ углу — изразцовая печь, около нея кушетка и дверь, прикрытая тяжелой драпировкой. Около двери — большой шкафъ. Другая дверь — передъ зрителемъ. Мастаковъ на кушеткѣ, полулежитъ. Въ среднюю дверь стучать.

Мастаковъ вставая, Ну . . .

Захаровна. Проснулся.

Мастаковъ. Зови.

Захаровна. Чаю просить.

Мастаковъ. Пусть напьется, тогда приведешь.

Захаровна. Развѣ онъ скоро налакается!

Мастаковъ. Иди.

Захаровна. Иванъ Васильичъ — ты его не привѣчай, недобрый это старикъ . . .

Мастаковъ. Ладно. Иди.

Захаровна. Все онъ выпрашиваетъ про тебя — какъ долотомъ долбить.

Мастаковъ. Выпрашиваетъ?

Захаровна. И какъ ты живешь, и какія дѣла твои, и про Софью Марковну . . .

Мастаковъ. И про нее?

Захаровна. Да, да, и про нее! Какъ будто онъ все знаетъ, а выпрашиваетъ только для виду . . . Такъ, вотъ, и долбить, какъ судья, все равно.

Мастаковъ. Какъ судья?

Захаровна. Совсѣмъ, какъ судья!

Мастаковъ. Онъ зналъ меня, когда . . . я бѣденъ былъ. Вмѣстѣ жили . . .

Захаровна. Мало ли кого въ жизни знавали мы.

Мастаковъ ходитъ. Софья Марковна у Тани?

Захаровна. У нея.

Мастаковъ. Позови, поди . . . Вѣжливо. Скажи — прошу на минуту. Въ дверь стучать, Захаровна хочетъ открыть, Мастаковъ, хватая за руку ее. Стой — кто это?

Захаровна. Ну, что ты, батюшка, кто, кромѣ своихъ!

Мастаковъ негромко, гнѣвно. Я тебѣ говорю. Дура . . .

Софья Марковна. Вамъ-бы на себя надо крикнуть хорошенько . . .

Мастаковъ. Иди, Захаровна.

Захаровна. Сама знаю, что надо уйти . . . Выходитъ изъ комнаты.

Софья Марковна. Ну, что? Какъ вы?

Мастаковъ. Плохо. Тошно мнѣ.

Софья Марковна. Очень жаль. Какой же вы мужчина, если такъ трусите?

Мастаковъ. Велика бѣда.

Софья Марковна. Бѣда еще не ясна . . .

Мастаковъ. Я знаю его.

Софья Марковна. Вотъ посмотримъ, поговоримъ съ нимъ, дадимъ ему что спросить, а потомъ я начну осторожно хлопотать о помилованіи. Наймемъ лучшаго адвоката . . . За деньги всего можно добиться! Говоришь — плохо это, но — если нѣтъ другой силы?

Мастаковъ. Не знаю, какъ я буду говорить съ нимъ.

Софья Марковна. Вѣдь вы не чувствуете себя преступникомъ? Чего же бояться?

Мастаковъ. Мало вы знаете людей.

Софья Марковна. А вотъ увидимъ. Гдѣ я буду?

Мастаковъ. Не надо-бы этого!

Софья Марковна. Я сяду вотъ здѣсь, за шка-

фомъ . . . и прикроюсь драпировкой улыбается. Думала ли я, что буду принимать участіе въ такой удивительной исторіи? Могла ли думать?

Захаровна входитъ, угрюмо. Не хочетъ онъ чаю. Звать?

Мастаковъ. Зови.

Софья Марковна. Видите — она меня не замѣтила . . . Вы смотрите же, не горячитесь!

Мастаковъ. А какъ и вы попадете со мной въ капканъ этотъ? Что тогда будетъ?

Софья Марковна. Молчите! Спряталась. Мастаковъ, вздохнувъ, смотритъ въ ея сторону. Она выглядываетъ изъ за драпировки, улыбаясь.

Мастаковъ съ усмѣшкой. Забавно?

Софья Марковна. О, да . . . и жутко чуть-чуть!
Шш . . . Идутъ!

Стучать въ дверь. Захаровна, пропуская Старика и Дѣвицу, глухо ворчитъ. Старикъ крестится, глядя въ уголь, гдѣ кровать, потягиваетъ воздухъ носомъ.

Мастаковъ кивая на Дѣвицу. А эту зачѣмъ привелъ?

Старикъ. Она вездѣ со мной, какъ глупость моя.

Мастаковъ. Ну, пусть уйдетъ, я при ней не стану говорить съ тобой.

Старикъ усаживаясь въ кресло у стола, спокойно. Какъ это — не станешь? Станешь. Ты ея не опасайся, она подобно землѣ — нѣмая; хоть бей ея, хоть топчи — не закричитъ. А ежели меня начнутъ бить — закричитъ!

Мастаковъ исподлобья смотритъ на Дѣвицу; она, любопытствуя, оглядываетъ комнату, шупаетъ спинку кресла. Сядь!

Старикъ. Садись, Марина, ничего. Подпрыгиваетъ въ креслѣ. Стулья-то какіе мягкіе у тебя, какъ перина. А — темно, темновато. Больше нѣтъ свѣту?

Мастаковъ. Нѣтъ.

Старикъ. Темно живешь. Хорошо, сыто, мягко, а — темно!

Дѣвица. Духъ хорошій какой, будто ребячьимъ потомъ пахнетъ . . .

Старикъ. Сними колпакъ съ лампы!

Мастаковъ. Зачѣмъ?

Старикъ. Свѣтлѣй будетъ. Это глупость, свѣтъ прикрывать. Ну, вотъ . . . А чѣмъ угостишь?

Мастаковъ. Водки хочешь?

Старикъ смѣясь. Э, нѣтъ! Водочку я не стану пить, нѣтъ! Хитрый ты, Гусевъ . . .

Мастаковъ ударивъ ладонью по столу. Ну, давай говорить!

Старикъ вздрогнувъ. Ты не стучи зря-то! Ишь, словно изъ пистолета выпалилъ . . . Эти окошки куда выходятъ? Марина, — взгляни!

Мастаковъ. Ну, чего же тебѣ надо, Антонъ?

Старикъ слѣдя за Дѣвицей. На дворъ, что ли?

Дѣвица. На дворъ. Черное крыльцо сбоку . . .

Мастаковъ. Чего ты хочешь?

Старикъ. А чего-бы мнѣ, старичку, хотѣть? . . .

Не знаю.

Мастаковъ. Врешь! Говори сразу. Ну?

Старикъ. А ты не кукай, мы съ тобой пѣши идемъ.

Мастаковъ. Не издѣвайся, Антонъ, не серди меня . . .

Старикъ. А то — что будетъ?

Мастаковъ вставая. А то я . . .

Старикъ откачнулся въ креслѣ. Ну, ну . . .

Дѣвица. Вы не кричите, купецъ, тутъ — люди вездѣ у васъ, это вамъ нехорошо. Вы отодвиньтесь.

Мастаковъ. Молчи, дѣвка!

Старикъ. Молчи, Марина, ничего! Я его знаю, опъ хоть горячъ, да отходчивъ . . . Онъ добрый.

Мастаковъ. Что тебѣ надо, Антонъ?

Старикъ. А я еще не надумалъ. Ты — потерпи, я исподволь придумаю . . .

Мастаковъ. Злой ты человѣкъ!

Старикъ. Мы всё одного завода кони, только разной масти.

Пауза.

Старикъ начинаетъ говорить негромко и жалобно, но — быстро переходитъ въ тонъ насмѣшливый и властный. Вотъ, Митрій, сидимъ мы съ тобой другъ противъ друга, оба — грѣшники, только я — отстрадалъ за грѣхи мои смиренно, по закону, а ты — бѣжалъ страданія-наказанія. Я — высохъ до костей, а ты — распухъ въ богатствѣ, на мягкихъ стульяхъ сидя. И вотъ — встрѣтились мы. Я тебя семь годовъ искалъ — была у меня вѣра, что ты живъ-здоровъ и въ добромъ порядкѣ. Да . . .

Мастаковъ. Говори скорѣе.

Старикъ. Не торопись, обожжешься! . . . Знаешь — какъ дѣтишкамъ за столомъ говорить, когда щи горячіе поданы? Не торопись — обожжешься! Такъ вотъ — искалъ я тебя. Любопытно мнѣ было поглядѣть на смѣлаго человѣка, который черезъ законъ перешелъ. Христось за чужіе грѣхи отстрадалъ, а ты за свой — не восхотѣлъ. Ты — смѣлый!

Мастаковъ. Я тому грѣху не причастень, я ошибкой осуждёнъ . . .

Старикъ. Всё мы такъ говоримъ предъ земнымъ судомъ, другъ предъ другомъ, это я знаю! Я самъ такъ говорилъ, въ свое время . . .

Мастаковъ. Я жилъ доброй жизнью въ эти годы . . .

Старикъ. Ишь ты что! Нѣтъ, Гусевъ, это не годится! Эдакъ-то всякій-бы надѣлалъ мерзостевъ земныхъ, да въ добрую жизнь и спрятался. Это — не законъ! А кто страдать будетъ, а? Самъ Исусъ Христось страдалъ, древній законъ нарушивъ. Законъ былъ око за око, а Христось повелѣлъ платить добромъ за зло.

Мастаковъ. Я добра людямъ не мало сдѣлалъ . . .

Старикъ. Не видать этого. Люди живутъ, какъ жили, въ нуждѣ, да бездолги, во тьмѣ грѣховной . . .

И все, будто, хуже живутъ люди-то, — замѣчаешь, Гусевъ?

Мастаковъ. Ну, что же тебѣ надо отъ меня? Что?

Дѣвица. Вы не перебивайте его, не мѣшайте, онъ этого не любить . . .

Мастаковъ. Антонъ!

Старикъ. Зовутъ меня — Питиримъ. А чего мнѣ надо — самъ догадайся. Вѣдь я одинаковыхъ костей съ тобою, однако, я восемь лѣтъ муки мученской честно-смирненно отстрадалъ, а ты — отрекся закона . . .

Мастаковъ. Что же ты, донести хочешь на меня? Чтобы схватили меня? . . .

Старикъ. Я тебѣ не сказалъ, чего хочу.

Мастаковъ. Такъ говори, дьяволь . . .

Старикъ. Не лайся, я съ молоду облаянь! Ты у меня весь въ горсти, какъ воробей. Мнѣ вѣдь не страшно, что ты хорошей жизни достигъ, любовницу себѣ завелъ барыню . . .

Мастаковъ яростно. Цыцъ! Не смѣй! Бросается на него.

Дѣвица бѣжитъ къ окну. Батюшки! . . .

Старикъ падая на полъ, за столъ. Бей стекла!

Софья Марковна выскочивъ изъ угла, отталкиваетъ Дѣвицу къ столу, хватаетъ Мастакова за руку. Уйдите! Вы, дѣвушка, тоже — вонъ отсюда!

Старикъ всталъ, испуганно озирается. Ишь ты, какъ подстроено . . . а?

Дѣвица прижимаясь къ нему. Что это, Господи . . . а еще хорошіе люди считаются . . .

Мастаковъ мечется по комнатѣ. Эхъ, Софья Марковна, не входите вы въ это дѣло, Бога ради!

Софья Марковна. Идите отсюда! Дѣвушка — вы тоже . . .

Старикъ. Она не поидеть!

Дѣвица. Я не поиду-съ!

Софья Марковна. Иванъ Васильевичъ, выведите ее! А вы, старичекъ, сядьте, я хочу поговорить съ вами.

Старикъ угрюмо. Не желаю. Вы — кто такая? Не знаю я васъ.

Софья Марковна. Познакомимся.

Старикъ. Я тоже уйду.

Софья Марковна. Ну-ну, безъ глупостей! Иванъ Васильевичъ, я вамъ сказала — уходите! Скажите вашей спутницѣ, чтобы она ушла . . .

Старикъ помолчавъ. Выдь, Марина, за дверь . . . Не далеко, смотри! . . . Только, госпожа, меня испугать нельзя.

Софья Марковна. О, я знаю! Я не хочу пугать васъ. Заперевъ дверь за Мастаковымъ и Дѣвицей, сѣла въ кресло, противъ Старика. Ну, въ два слова: вамъ чего надо?

Старикъ оправляясь. А — какъ вы думаете, барыня, чего?

Софья Марковна. Вы хотѣли помучить человѣка, да? Васъ мучали и вы хотите помучать — такъ?

Старикъ молчитъ, разглядывая ее.

Софья Марковна. Вамъ обидно, что бывший товарищъ вашъ нашелъ для себя на землѣ мѣсто и дѣло, а у васъ — нѣтъ этого?

Старикъ усмѣхаясь. Ты все время подслушивала?

Софья Марковна. Ну, вы достаточно жестоко помучали его — довольно!

Старикъ. Довольно? Такъ.

Софья Марковна. Теперь вспомните всѣ обиды, все горе, испытанное вами, всю вашу тяжелую жизнь и — спросите себя: не пора ли отдохнуть, пожить спокойно, пріятно?

Старикъ. Вотъ, что-о! Ну, на это ты меня не поймешь, барынька, нѣтъ!

Софья Марковна. Послушайте, я понимаю, какъ глубока обида ваша, какъ вамъ хочется отомстить . . .

Старикъ. А я думалъ, у тебя другія слова есть — поумнѣе, потяжелѣ . . . Бойка ты, барынька, а, видать, не великаго ума . . .

Софья Марковна. Вѣдь вы мстите не тому, кто виновать предъ вами . . .

Старикъ. А если я такъ понимаю, что все виноваты другъ предъ другомъ? Тогда — какъ?

Софья Марковна. Это невѣрно, несправедливо!

Старикъ. А по моему — справедливо.

Софья Марковна. Но вѣдь вы несправедливо страдали, вы?

Старикъ не сразу. Ну?

Софья Марковна. Зачѣмъ же, чувствуя и зная неправду страданія, увеличивать его для другихъ?

Старикъ. Та-акъ! Гусевъ твой согрѣшилъ, а хочеть въ рай? Это не для него, рай. Это для меня, для такихъ, какъ я, несчастныхъ. Такъ полагается. Законъ. А насчетъ Гусева: коли я — въ горѣ, такъ ему — вдвое!

Софья Марковна. За что? Какой вы злой!

Старикъ. Ты, барынька, видно замужъ собираешься за него? За любовника не стала-бы стараться эдакъ. Любовникъ — проходій человекъ, сегодня — рыжій, завтра — черный. Эхъ, вы, бабѣ! Утопить-бы васъ всехъ надо, да поганого болота нѣтъ.

Софья Марковна молча ходитъ по комнатѣ.

Старикъ глядя на нее съ усмѣшкой. Что же еще скажешь?

Софья Марковна. Иванъ Васильевичъ — хорошій человекъ, онъ дѣлаетъ много полезнаго . . .

Старикъ. Училище строить? Такъ . . . Строить надо не училища, а страннопріемные дома. Народъ странствуетъ — приткнуться ему негдѣ.

Софья Марковна. Неужели вамъ будетъ пріятно разбить чужую жизнь, чужое счастье?

Старикъ. Вотъ ты и выдохлась вся! А вѣдь какой

птицей влетѣла, подумаешь! Счастливыхъ я не люблю, счастливый — онъ гладкій, за него не ухватишься, выскользнетъ, какъ мыло. Нѣтъ, барынька, не одолѣешь ты меня!

Софья Марковна. Что же надо сдѣлать, чтобы смягчилась ваша душа, что?

Старикъ усмѣхаясь. А вотъ — вели истопить баню . . . Баня-то есть?

Софья Марковна. Есть.

Старикъ. Пойдемъ помоемся, попаримся вмѣстѣ . . .

Софья Марковна. Вы — мерзавецъ!

Старикъ. Можетъ, я мягче стану послѣ того. А что я мерзавецъ — говорили мнѣ это. И это для меня хорошъ чинъ, и съ нимъ доживу.

Софья Марковна. Какой ужасъ . . . Какая злоба...

Старикъ. Не согласна въ баню-то? Брось все это, барыня: волка клюквой не накормишь. Давно обрыдли, опротивѣли мнѣ люди, а такіе вотъ, чистенькіе, особо противны.

Софья Марковна почти кричитъ, задыхаясь. Послушайте — вѣдь есть же въ душѣ у васъ что-нибудь человѣческое?

Старикъ. Обязательно есть. Ищи! Нѣтъ, не можешь ты найти, не найдешь. Чѣмъ тебѣ утихомирить меня? Никакихъ силовъ нѣтъ у тебя! Жить мнѣ осталось немного, да и то старикомъ, безъ радостей. Молодое мое время я потратилъ въ наказаніи, тамъ осталась вся сила моя. Ты думаешь, для меня женщина не сладка была? А я — восемь лѣтъ не касался груди женской, все на тебя работалъ, да на голубчика твоего. Что мечешься, а? Жгется правда?

Софья Марковна. Вы не тому мстите, кто искажилъ вашу жизнь, не тому! О, Господи!

Старикъ. Мнѣ виноватыхъ искать некогда . . . да и не достигнешь до нихъ, высоко они. А Гусевъ — онъ

вотъ гдѣ у меня, какъ воробей зажать. Онъ своего страданія не дотерпѣлъ — почему? Я — дотерпѣлъ до конца. Судья ли я для него? Законный, непощадный судья. Вы меня замучили, а хотите мириться? Нѣтъ мира вамъ, и не будетъ! За каждую слезу мою я съ васъ по пуду золота не возьму . . . Выпусти меня отсюда . . . слышь? Будетъ . . . поговорили!

Софья Марковна. И ничего — ничего добраго не осталось въ сердцѣ у васъ?

Старикъ. Будетъ, говорю, довольно! Ничего ты не добьешься. Для меня жизнь безжалостна была. Идетъ къ двери, остановился. Нѣтъ, какъ ты влетѣла, а? Я думалъ — ну, кончено! Эта сомнетъ меня . . . смѣется. Въ двери Мастаковъ. Усталъ я, Гусевъ, отдохнуть надо мнѣ, иди, укажи гдѣ! Въ кухнѣ у васъ старушка больно зла — мѣшаетъ мнѣ . . .

Дѣвица. Идите, братецъ, спанье приготовлено.

Старикъ. Хороша у тебя защита, Гусевъ, рѣдко хороша! На судѣ не поможетъ, а — хороша! Чтожь, барынька, когда онъ снова въ Сибирь пойдетъ, и ты съ нимъ поселенкой? Не пойдетъ она за тобой, Гусевъ! Въ трудный часъ баба не другъ . . . Эхъ, вы, узники Божіи... глядѣть на васъ жаль! Ушель.

Мастаковъ негромко. Уѣзжайте домой, Софья Марковна, а то . . .

Софья Марковна. Молчите! Какой ужасный человѣкъ . . . до чего довели! Да, я поѣду въ городъ, посоветуюсь . . . прокуроръ мой хорошій знакомый . . . Я завтра же вернусь. Нѣтъ, лучше вы пріѣзжайте . . . прямо ко мнѣ . . . Боже мой, Боже мой, какъ онъ смотритъ, какіе глаза! Вы говорили съ этой дѣвицей?

Мастаковъ. Да. Она — какъ машина.

Софья Марковна. Глупая?

Мастаковъ. Мертвая какая-то . . . Ничего не будетъ, Софья Марковна, ничѣмъ не поможешь. Человѣ-

ческій судъ . . . злобно судить человѣкъ ближняго! Бывало — читаешь житія святыхъ — пріятнѣйшія книги — умиляешься: сколько было грѣшниковъ во святыхъ! Утѣшало это, думалось: вотъ и я какъ нибудь покрою грѣхъ . . . прощенъ буду . . .

Софья Марковна. Въ чемъ — грѣхъ? Вѣдь вы же говорите . . .

Мастаковъ усмѣхаясь. Да ужъ я теперь самъ незнаю . . . Не повиненъ я, не убиваль, не грабилъ . . . А вотъ онъ, этотъ . . .

Софья Марковна. За что его судили?

Мастаковъ. За насиліе надъ несовершеннолѣтней . . .

Софья Марковна вздрогнувъ. Вотъ какъ . . . Слушайте, приведите ко мнѣ эту дѣвицу!

Мастаковъ. Не надо-бы . . .

Софья Марковна. Приведите. Необходимо удержать его языкъ дня на два . . .

Мастаковъ. Въ случаѣ чего вы, пожалуйста, Таню къ себѣ возьмите . . .

Софья Марковна. Ахъ, перестаньте вы . . .

Мастаковъ. Она безпомощная . . .

Софья Марковна. Идите за дѣвицей.

Мастаковъ идетъ. Лишнее . . . Противенъ я себѣ . . .

Софья Марковна, оставшись одна, ходитъ по комнатѣ, взволнована. Дверь около печи тихо отворяется, выглядываетъ Захаровна и шепчетъ:

Захаровна. Софья Марковна! Ея шепотъ не слышенъ Софьѣ Марковнѣ. Барыня, матушка . . .

Софья Марковна изумленно. Какъ? Вы были тамъ? слышали?

Захаровна со слезами въ голосѣ. Я сразу, какъ пришла онъ, почувяла недоброе, на Ивана Васильича глядя. А вскорѣ слышу — говоритъ онъ дѣвицѣ своей: мы, говорить, съ тобой большими кораблями поплывемъ отсюда.

Софья Марковна. Онъ сказалъ это, да, сказалъ?

Захаровна. Сказаль. Гляди, говорить, дура, здѣсь счастье твое!

Софья Марковна. Вы не ошиблись — вы слышали это?

Захаровна. Ну, да . . . Господи! Я боюсь его, тѣнью ползаю за нимъ, все слышу . . .

Софья Марковна. А-а, вотъ какъ! Значить, это онъ только цѣну набиваль? О, какой мерзавецъ!

Захаровна. Софья Марковна . . .

Софья Марковна. Приведите ко мнѣ дѣвицу эту!

Захаровна. Съ ней Иванъ Васильичъ на крыльцѣ сидить . . .

Софья Марковна. Ну, такъ что же?

Захаровна. Ой, надо ли?

Софья Марковна. Что — надо ли?

Захаровна. Мѣшать имъ.

Софья Марковна. Не понимаю! . . .

Захаровна. Можетъ, онъ уговорить ее . . . Тихо. Лучше-бы старичка-то какъ нибудь своимъ средствомъ . . .

Софья Марковна. Что? Какимъ средствомъ?

Захаровна. Я-бы достала . . . У меня есть . . .

Софья Марковна съ досадой. Что такое? Какое средство?

Захаровна. Отъ мышей . . .

Софья Марковна изумленно. Мышьякъ, да? . . . Мышьякомъ?

Захаровна утирая глаза, утвердительно киваетъ головой.

Софья Марковна въ страхѣ, тихо. Но — послушайте! Это невозможно . . . это . . .

Захаровна. Ужъ я сама сдѣлаю . . .

Софья Марковна. Но это же преступленіе, убійство, грѣхъ!

Захаровна вздохнувъ. Грѣхъ.

Софья Марковна. И вы, такая милая, рѣшаетесь? . . . Это безуміе.

Захаровна. А какъ иначе съ нимъ? Вѣдь ограбить онъ, раззорить все гнѣздо . . . Не уступитъ онъ — знаю я такихъ! Они, праведники, Богу ябедники . . .

Софья Марковна. И вы думаете, что я соглашусь на такое? Или вы испытать меня хотѣли?

Захаровна. Полноте, матушка, какъ я могу пытаться васъ, что вы?

Софья Марковна. Но тогда . . . Неужели вы думаете, что Иванъ Васильевичъ способенъ отравить?

Захаровна. Я-бы сама ужъ . . .

Софья Марковна испуганно. Господи, Боже мой! . . . Не понимаю ничего!

Захаровна. Вы — умница, ученая . . . неужто вы допустите, чтобъ червякъ этотъ . . .

Софья Марковна. Но поймите — это убійство!

Захаровна. А куда дѣнутся дѣти, если это случится? Срамъ-то какой будетъ, для Тани! И Павелъ — вѣдь онъ пропадетъ! Вѣдь имъ — жить надо! А вы — какъ?

Софья Марковна. Непостижимо! Слушайте . . . я вамъ запрещаю даже думать объ этомъ. Поняли? А мышьякъ — дайте мнѣ сейчасъ-же . . .

Захаровна. Не съумѣете вы . . .

Софья Марковна. Идите вонъ! Вы сумашедшая . . . Вы не смѣете подозрѣвать меня въ этомъ! . . . Вы изъ ума выжили, старуха!

Захаровна стоитъ молча.

Софья Марковна спокойнѣе. Вы всѣхъ погубите . . . вашими фантазіями . . . Позовите дѣвицу! Слышите?

Въ дверь стучать. Мастаковъ вводитъ Дѣвицу.

Софья Марковна ему. Идите сюда! Отводить его въ сторону, шопотомъ. Смотрите за этой глупой старухой — она предлагаетъ отравить старика, у нея есть мышьякъ — вы поняли?

Мастаковъ. Н-ну! Часъ отъ часу не легче!

Софья Марковна. Уходите! Уведите ее . . .

Мастаковъ уходя. Идемъ, Захаровна . . .

Софья Марковна Дѣвицѣ. Садитесь.

Дѣвица. Ничего.

Софья Марковна. Садитесь, я васъ прошу.

Дѣвица улыбаясь, садится въ кресло, ощупываетъ его.

Софья Марковна. Послушайте! — Вашъ . . . покровитель . . .

Дѣвица. Братецъ. [№] Старецъ.

Софья Марковна. Онъ хочетъ погубить хозяина этого дома. Вы знаете это?

Дѣвица. Его дѣло. Знаю. Какъ же . . .

Софья Марковна. А вы — тоже хотите этого?

Дѣвица. Мнѣ — что? Мнѣ здѣшній хозяинъ чужой человѣкъ . . .

Софья Марковна. Вамъ не жалко его?

Дѣвица. Родныхъ не жалѣютъ, не то, что . . .

Софья Марковна. Вы — женщина?

Дѣвица. Дѣвица я. А что?

Софья Марковна. Вы — молодая, вамъ долго жить . . .

Дѣвица. Какъ Богъ дастъ.

Софья Марковна вскочивъ, ходитъ по комнатѣ, въ отчаяніи шепчетъ. Не умѣю . . . не могу! О, Боже мой . . .

Не могу!

Дѣвица съ улыбкой. Платице-то на васъ какое . . . И сапожки тоже . . .

Софья Марковна подошла къ ней. Я хочу просить васъ — уговорите вы старика не дѣлать зла чело-вѣку!

Дѣвица. Несговорчивъ онъ . . .

Софья Марковна. Какая вамъ польза разрушать жизнь? Развѣ вы судья людямъ? Развѣ мы судьи другъ другу?

Дѣвица. А — какъ же? Судимъ. Меня судили . . .

Софья Марковна упавшимъ голосомъ. Да? За что?
Дѣвица. За ребеночка. Я въ коровникѣ родила,
а холода были въ ту пору, онъ и задохся на морозѣ . . .
Сказали — я сама удушила . . . засудили.

Софья Марковна снова ходитъ по комнатѣ.

Дѣчица. Вы скорѣе говорите, что надо, а то старецъ
не любить, когда я отхожу . . .

Софья Марковна подходя къ ней. Я все сказала
вамъ . . . мнѣ нечего говорить. Я — не умѣю! Я прошу
у васъ помощи — уговорите старика не дѣлать зла здѣсь!
Я дамъ за это денегъ, сколько хотите!

Дѣвица недовѣрчиво. Мнѣ?

Софья Марковна. Да, да, — вамъ!

Дѣвица. Отниметъ онъ.

Софья Марковна. Уйдите отъ него!

Дѣвица. Куда? Онъ найдетъ. Онъ — упрямый.
Нѣтъ, ужъ коли вы мнѣ дадите деньги-то, тогда надо
иначе что нибудь дѣлать . . .

Софья Марковна. Вы — женщина . . .

Дѣвица. Дѣвица я.

Софья Марковна. Вы должны пожалѣть человѣка! . . .
Будьте же доброй . . .

Дѣвица. Ой, барыня, больно дорого нашей сестрѣ
доброта обходится! Была я разокъ добра — девятый годъ
клянусь себя за это, дуру . . .

Софья Марковна. Мы всѣ несчастны . . .

Дѣвица оглядывая ее. Ну, не всѣ . . . Гдѣ-же-всѣ?
Думаетъ вслухъ. Конечно, если секретъ вашъ въ моихъ
рукахъ, вы меня не обидите . . . Хоша . . . Пристально,
съ улыбкой смотреть на нее. Окормить можно . . .

Софья Марковна нетерпѣливо. Кого?

Дѣвица. Всякаго. Хоша — съ деньгами можно
далеко уйти . . . Я-бы ушла. А онъ — пожилъ на свой
пай, старецъ-то . . .

Софья Марковна. Онъ плохо обходится съ вами? . . .

Дѣвица. Ну . . . разное!

Софья Марковна. Вы ему — чужая?

Дѣвица вздохнувъ. Собака я ему. Пристала по дорогѣ собака, идетъ. Нужна — ласкаютъ, надоѣла — бьютъ. Всѣ добры по нуждѣ, а по своей волѣ — звѣри. Хозяинъ-то любезный вашъ?

Софья Марковна. Нѣтъ. Онъ просто — хороший человекъ.

Дѣвица. Всѣ хороши, когда просятъ. Ну, чтожъ, надо мнѣ идти!

Софья Марковна. Вы мнѣ поможете, да?

Дѣвица. Видно, надо помочь.

Софья Марковна. Я была увѣрена, что у васъ доброе сердце!

Дѣвица. Баба, ну, и сердце бабье. Пойду . . . Надо со старушкой вашей потолковать . . .

Софья Марковна безпокойно. Вы съ ней . . . осторожно! Она — не совсѣмъ въ своемъ умѣ.

Дѣвица. Въ старости всѣ такъ. Она — хорошая старушка, однако . . . Барыня, что я попрошу васъ!

Софья Марковна. Что такое? Пожалуйста!

Дѣвица. Нѣтъ — ли у васъ платишка, обносочка какого? И сапожки-бы! Платишко-то особо хорошо-бы мнѣ — вродѣ-бы того, что на васъ. Очень ужъ ловконькое . . .

Софья Марковна изумленно. Да вѣдь вы . . . вѣдь вамъ . . . Хорошо, я найду для васъ платье, не одно . . . И ботинки . . .

Дѣвица. Во-оть! Ужъ я такъ-то благодарна буду . . .

Таня входитъ. Эта зачѣмъ здѣсь?

Софья Марковна. Подожди, Таня!

Дѣвица. Дочь его?

Софья Марковна. Да.

Дѣвица. А кудрявый — сынъ?

Таня. Что ей надо?

Софья Марковна. Молчи, Таня, прошу тебя!

Дѣвица. Вотъ какъ — сынъ, да дочь! Ой, барыня, не легко, чай, тебѣ! Видно, бабье сердце и у тебя плохо выгоду понимаетъ. Ушла.

Таня. Что такое? Что такое она говорить? Она гадала вамъ?

Софья Марковна. Да, да, гадала! Что съ тобой? Ты взволнована?

Таня. Я не знаю что, я боюсь! Захаровна бормочетъ о какомъ-то несчастіи . . .

Софья Марковна испуганно. О несчастіи? Какомъ?

Таня. Ахъ, я не знаю . . . Она всегда дразнить меня, пугаетъ . . . Здѣсь жить нельзя . . . Павелъ влюбился въ васъ . . .

Софья Марковна. Не говори чепухи!

Таня. Конечно! Оттого онъ и злится. Влюбленные всегда злятся. Онъ цѣлуетъ ваши перчатки . . . Вы-бы надрали уши ему.

Софья Марковна. Ты подожди . . .

Таня. Нѣтъ . . . Я ничего не понимаю, сегодня такой день — ужасно! Это удивительно — я училась въ гимназіи и ничего не понимаю, а Захаровна — неграмотная, а все понимаетъ! О какомъ несчастіи говорить она?

Софья Марковна гнѣвно. Она глупая старуха! Я сейчасъ скажу ей это! Идетъ къ двери.

Таня. Не уходите! Я хочу спросить . . . Убѣждала... Такъ не солидно. Перебираетъ вещи на столѣ, напѣвая.

Онъ прискачетъ на бѣломъ конѣ,

Стукнетъ шпагой въ окно ко мнѣ . . .

Павелъ. Гдѣ вотчимъ?

Таня. Не знаю. Паша, отчего у насъ сегодня такъ безпокойно?

Павелъ. Дремать тебѣ мѣшаютъ? Вѣдь ты не живешь, а дремлешь.

Таня. А что значить — жить? Цѣловать дамскія перчатки?

Павель. Это кто цѣлуешь перчатки?

Таня. Ты.

Павель. Дура!

Таня. Не смѣй ѣрругаться!

Павель. Тебя бить надо!

Таня. Ступай вонъ!

Павель. Сама убирайся къ чорту!

Таня сквозь слезы. И уйду . . . Дрянъ!

Павель. Клякса! Мякишъ!

Оставшись одинъ, сердито ходитъ по комнатѣ, закуриваетъ. Вдругъ — остановился, вслушиваясь, осторожно подвигается къ окну.

Старикъ за окномъ. Ласкамъ ихнимъ не вѣрь. Всякъ милостивъ будетъ, коли его за горло взять.

Павель оглядываясь, растерянно улыбается, ерошитъ волосы, снова слушаетъ.

Старикъ. Я его знаю, онъ и молодой таковъ былъ . . .

Мастаковъ входитъ, смотритъ на Павла, идетъ къ нему, тотъ не слышитъ шаговъ. Кладетъ Павлу руку на плечо. Ты что?

Павель отскочивъ. Ничего . . .

Смотритъ на отчима со страхомъ и идетъ къ двери. Мастаковъ выглянулъ въ окно, быстро оборачивается къ нему, протягивая руку.

Мастаковъ. Павель . . . Паша . . .

Павель ушелъ, громко хлопнувъ дверью.

Мастаковъ. Знаеть! . . . Ну, чтожь . . .

IV.

Лунная ночь, очень свѣтло. Задній фасадъ стараго дома. На ступеняхъ чернаго крыльца сидятъ Захаровна и Таня, выше — въ двери — Дѣвица, она что-то жуеть. Налѣво рѣшетка сада, съ калиткой въ ней. Слѣва отъ крыльца освѣщенное окно кухни, справа — окна комнаты Мастакова, подъ ними широкая скамья.

Таня. Ну?

Захаровна. Ась?

Таня. Рассказывай!

Захаровна. Задумалась я чего-й-то . . . Вотъ, значить, любила я трѣхъ . . .

Таня. Троиухъ.

Захаровна. Ну, ладно, троѣхъ, и такъ можно сказать, отъ этого не прибудеть, не убавится. Мужа я тоже любила, очень жалѣла! Омману его съ кѣмъ, и такъ-то-ли жалко станеть мужика — бѣда! Даже — плакала. Бывало — думаешь: ахъ, ты, милый мой, ты мнѣ вѣришь, ты любишь, а я тебя омманула, съ другимъ поиграла . . . и такъ-то-ли залюбишь, заласкаешь его . . .

Таня. Развѣ это хорошо?

Захаровна. Погоди, сама узнаешь.

Таня. Всѣ такъ дѣлають?

Захаровна. Поди — всѣ, которыя побойчѣе. Я бойкая была.

Таня. А кто у тебя первый былъ?

Захаровна. Землемѣръ, межевщикъ. Гладенькій такой, какъ мышъ. А у меня двое братьевъ было, строгіе. Какъ онъ меня, дѣвушку, испортилъ, повезли они его рыбу лучить, да и утопили . . .

Таня задумчиво. Какъ ты говоришь . . . не страшно . . .

Захаровна. Чего?

Таня. О страшномъ говоришь, а — не страшно.

Захаровна. Я не о страшномъ, а про любовь.

Таня. Жалко тебѣ было его?

Захаровна. Кого?

Таня. Ахъ! Землемѣра, конечно.

Захаровна. Ревѣла. Молода еще была, жалостлива. Наше бабье дѣло жалостливое — назначено намъ мужиковъ любить, ну, и любимъ. Иной разъ — не любовь, а казнь, ну — иначе нельзя! Одного — жалко, другого — боязно, третій — хорошъ удался, всѣхъ и любишь.

Павелъ въ двери, сзади Дѣвицы. Опять ты, старая вѣдьма, разговоры эти завела? А тебѣ, Татьяна, не стыдно? Ну — погодите! Исчезаетъ.

Захаровна шутить. Ой, напугалъ! Во всѣхъ углахъ онъ, какъ нечистый духъ. Опять, говорить, про это! А — про что мнѣ? Я — неученая, кромѣ своей жизни ничего не знаю . . .

Таня. Меня стыдить, а у самого любовница въ городѣ.

Дѣвица. Сами стыдъ творятъ, а насъ судятъ за это.

Захаровна. Спитъ бродяжка твой?

Дѣвица. Лежить.

Таня Дѣвицѣ. Ты гадаешь?

Дѣвица. Это какъ? На картахъ?

Таня. Я не знаю — на картахъ, по рукѣ . . .

Дѣвица. Что ты, барышня, это грѣхъ! Я вѣдь не цыганка.

Таня. А какъ же давеча Софѣѣ Марковиѣ гадала?

Дѣвица. И не думала!

Захаровна тревожно. Это онѣ такъ — бесѣдовали . . .

Таня. Неправда! Мнѣ сама Софья Марковна сказала. Вы что-то скрываете отъ меня . . .

Захаровна. Ну, полно-ка, Господь съ тобой! Что

отъ тебя, умненькой, скроешь? Ты сама обо всемъ догадаешься.

Старикъ вышелъ на крыльцо. О чемъ бесѣда?

Захаровна. Бабы погудки, курицы, да утки, какъ коровъ доить, какъ парней любить . . .

Старикъ. Стара ты, будто, для шутокъ этихъ.

Захаровна. Я съ молоду шутливо живу.

Таня. Что онъ тутъ распоряжается? Удивительно!

Старикъ. И дѣвицу не хитро учишь, слышалъ я рѣчи твои поганья . . .

Захаровна. Дѣвушка не цыганъ, зачѣмъ ей хитрость? Ей не лошадьми торговать . . .

Таня. Ты что тутъ распоряжаешься, скажи, пожалуйста?

Захаровна. Ты-бы, строгій, рассказалъ намъ чего нибудь . . .

Старикъ. Я до сказокъ не охочъ.

Захаровна. А ты — правду!

Старикъ. Правда не забава.

Сходить съ крыльца, остановился, поглядѣлъ въ небо, идетъ вдоль рѣшетки сада.

Таня. Противный какой! Распоряжается, какъ дома . . .

Захаровна. Танюша, поди, милая, спать, а? Пора ужъ!

Таня. Не хочу!

Захаровна. Ну . . . принеси мнѣ шаль, а то — холодно старухѣ! Сходи, Таня, пожалуй!

Таня. Ладно . . . лиса! Ушла.

Захаровна тихо дѣвицѣ. Ну — какъ же?

дѣвица. Ужъ больно много сулите вы . . .

Захаровна. Кто это — мы? Кромѣ меня и знать ни душа не будетъ.

дѣвица. А — барыня? Она тоже просила объ этомъ.

Захаровна испуганно. Просила? Полно-ка!

Дѣвица. Да ужъ такъ!

Захаровна безпокойно. Ахъ, Ты, Господи . . . Послушай, вѣдь въ этомъ счастье твое . . . Ты слушай меня, старуху . . .

Павелъ выходитъ изъ кухни. Не слушай ее, молодыхъ слушай!

Дѣвица. Молодымъ вѣрить погодимъ.

Павелъ. Ийдемъ въ садъ со мной?

Дѣвица. Боюсь я тебя.

Павелъ. Чѣмъ я страшнѣй другихъ?

Дѣвица. Кудрявъ больно.

Павелъ. Идемъ, ну?

Дѣвица. Чтожъ, можно . . .

Захаровна. О, Господи . . . И ничего не можешь, ничѣмъ не помѣшаешь . . .

Старикъ идетъ, заглядывая въ садъ. Съ кѣмъ это она?

Захаровна. Съ хозяйскимъ сыномъ.

Старикъ. Мм . . . Лошадь! Чего не спишь?

Захаровна вставая. А ты?

Старикъ не отвѣтивъ, присѣлъ на лавку подъ окнами.

Захаровна сердито посмотрѣвъ на него, ушла въ кухню.

Мастаковъ въ окнѣ. Антонъ!

Старикъ вздрогнулъ, но не всталъ, не обернулся. Чего?

Мастаковъ. Что же будетъ?

Старикъ не глядя на него. Сотрясъ я твою жизнь, Гусевъ, во прахъ сотрясъ, а?

Мастаковъ. Чему радуешься, подумай!

Старикъ. Ты — года гнѣздо каменное строилъ себѣ, а я — въ одинъ день все твое строеніе нарушилъ! . . . Кто сильнѣе — ты, богачъ, аль я — бездомный бродяга, кто?

Мастаковъ. Чего тебѣ надо, чего? Неужели только казнить меня? За что?

Старикъ. А ты, вотъ, тресни меня по головѣ, сверху-то тебѣ ловко это . . .

Мастаковъ. Подумай — около меня до трехъ тысячъ человѣкъ кормится . . .

Старикъ. И тебя не будетъ — прокормятся! Народъ хозяина найдетъ!

Мастаковъ. Я значительный человѣкъ . . .

Старикъ. Это — въ людяхъ. А передъ Богомъ — значителенъ?

Мастаковъ. О томъ Богу судить, а не тебѣ.

Старикъ. И не тебѣ тоже.

Мастаковъ. Чего ты хочешь?

Старикъ. Дай подумаю . . . потомъ скажу. Вонъ — пріятель твой идетъ, пьяница этотъ . . .

Харитоновъ заспанный, измятый, идетъ изъ сада, увидавъ издали Мастакова въ окнѣ. А я прилегъ вздремнуть въ бесѣдкѣ, да и — того. Вдругъ слышу голоса . . . м-да . . . Открылъ глаза, гляжу на часы, а ужъ около полуночи! Стало быть, я здѣсь ночую . . .

Мастаковъ исчезъ.

Харитоновъ. Вѣжливо! Присѣлъ на крыльцо, позѣвывающая. Ну, что же, старче, ходишь, Бога хвалишь, куръ воруетъ? . . .

Старикъ. Въ похвалѣ нашей Богъ не нуждается, Ему покаяніе нужно.

Харитоновъ. Покаяніе? Гмм . . . А ежели мнѣ не въ чемъ каяться?

Старикъ. Врешь!

Харитоновъ разсердился. Ты что, какъ говоришь, старый песь? Я съ тобой вѣжливо, а ты . . .

Старикъ всталъ и идетъ на крыльцо. Пусти . . . Ну!

Харитоновъ невольно отодвигаясь. Постой, да ты чего это . . .

Старикъ прошелъ мимо него, задѣвъ его полой.

Харитоновъ встряхиваясь. Ахъ, ты, негодяй, а?

Павель идетъ изъ сада, оживленный, за нимъ — Дѣвица.

Харитоновъ. Что это за старичишко дерзкій явился тутъ у васъ?

Павель. Онъ отчима давно знаетъ . . .

Харитоновъ. Ну, такъ что? И я его давно знаю!

Павель. Еще въ молодости . . .

Харитоновъ. Въ молодости? Ну?

Павель. Пріятелями были . . .

Харитоновъ задумчиво. Такъ . . . Мм . . . Это онъ самъ сказаль?

Павель. Она, вотъ . . .

Харитоновъ присматриваясь къ Дѣвицѣ. Она! А отчего это не спятъ всѣ?

Павель. Яковъ спитъ.

Харитоновъ. Гдѣ?

Павель. У меня.

Харитоновъ помолчавъ. Квасу - бы выпить, или чаю . . .

Павель. Въ столовой самоваръ кипитъ.

Харитоновъ. Въ полночь-то?

Всталъ, идетъ въ кухню, манитъ Павла за собою, Павель неохотно слѣдуетъ за нимъ. Дѣвица стоитъ у крыльца, мечтательно улыбаясь. Изъ кухни выглянула Захаровна.

Дѣвица. Поди-ка сюда!

Захаровна. Что?

Дѣвица. Посиди со мной . . .

Захаровна. Спать пора.

Дѣвица. Ничего, посиди! Помолчавъ. Парнекъ-то этоть . . .

Захаровна тревожно. А что?

Дѣвица. Хорошъ. Ласковый.

Захаровна. Онъ что тебѣ говорилъ?

Дѣвица. Такъ, разное . . .

Захаровна. А, все-таки? . . .

Дѣвица. Ну, сама знаешь, что дѣвицамъ говорить.

Захаровна. О, Господи Иисусе . . . Да ты . . . Сдержалась. Ты съ нимъ много не болтай про вотчима-то . . .

Дѣвица. Больно мнѣ нужно.

Захаровна. То-то!. Онъ еще глупъ . . .

Дѣвица. Вздохнувъ. Молоденькій . . .

Павель кричитъ изъ дома. Захаровна!

Захаровна. Иду . . . Эхъ, досадушка моя . . .

Старикъ изъ окна. Марина!

Дѣвица. Чего?

Старикъ. Ты тутъ?

Дѣвица. Ну, да.

Старикъ вышелъ на крыльцо, оглядывается. О чемъ съ парнемъ говорила?

Дѣвица. Такъ.

Старикъ. Чего онъ спрашивалъ?

Дѣвица. Имя спрашивалъ, сколько лѣтъ мнѣ, откуда я . . . Слушай-ко . . .

Старикъ. Ну, что?

Дѣвица. Брось-ка все это . . .

Старикъ настораживаясь. Бросить? Зачѣмъ?

Дѣвица. Возьми съ нихъ побольше, да и ладно! А то запутають они насъ.

Старикъ помолчавъ. Тебѣ жалко ихъ, что ли?

Дѣвица. И жалко. Они — смирные. Живутъ — хорошо, все есть . . . Три коровы, лошади, до полу-ста куръ, гуси . . . Свиныи тоже . . .

Старикъ спокойно. Дура!

Дѣвица помолчавъ. Слушай-ко . . .

Старикъ. Еще что?

Дѣвица. У тебя сила на нихъ, вотъ, ты-бы велѣлъ хозяйскому-то сыну замужъ меня взять . . . Я-бы съ нимъ жила, а ты — при насъ. Я тебя не обижу . . .

Старикъ. И опять дура!

Дѣвица. Что ты заладилъ — дура, да дура? Гляди

— самъ не дуракъ ли. Вотъ они дадутъ тебѣ порошокъ выпить, ты и кончишься.

Старикъ оживленно. А хотять дать?

Дѣвица. Это я къ примѣру сказала. Я не знаю, кто чего хочетъ. А извести человѣка — трудно ли?

Старикъ ухмыляясь. Больше ничего нѣтъ у нихъ противъ меня. Нечѣмъ отбиться имъ, нечѣмъ! Тутъ — цѣпь, на цѣпи они! Звено за звеномъ! Грѣхъ — плодовитъ . . . Ага-а?

Дѣвица. Бросить-бы все, да взять съ нихъ рублей тыщу . . . А то — десять тысячъ, а? Слушай-ко . . .

Старикъ весело. Значить — извести меня хотять они? Рѣшили?

Дѣвица. Развѣ я это говорю? Я этого не сказала.

Старикъ. И не говори, не надо! . . . Это — барынькина затѣя! Ишь, ты, змѣя! Охъ, вредная она . . . Строго. Ты у меня — гляди! Слова ихняго не забывай! Перемигнутся — и то запомни!

Дѣвица. Запутаютъ они . . . Ихъ — много. Старушка тутъ . . . старушка тоже догадливая . . . Она — умная . . .

Старикъ. Молчи, идути! Подъ-ка сюда . . .

Уводитъ ее за уголъ дома. На крыльцо выходятъ озабоченный Харитоновъ и Захаровна, растерянная.

Харитоновъ. И здѣсь нѣтъ его . . . Куда-жь это онъ скрылся, жулябія, а?

Захаровна. Не надо эдакъ . . . Богъ дастъ обойдется . . .

Харитоновъ. Что — обойдется?

Захаровна. А старичокъ этотъ . . .

Харитоновъ. Старичокъ? А — кому надо, чтобъ онъ обошелся?

Захаровна. Веѣмъ надо, Якимъ Лукичъ.

Харитоновъ. Постой! Мнѣ, напимѣръ, не надо, мнѣ — чортъ его дери! . . .

Захаровна. Ну, какъ же не надо? Ходить злой человѣкъ . . .

Харитоновъ. Злой? Слушай, старуха, что такое происходитъ у васъ, а?

Захаровна. Не знаю, я . . .

Харитоновъ. Врешь!

Захаровна. Не обижай меня, Якимъ Лукичъ, я — старая, глухая . . .

Харитоновъ. Въ старости и врутъ больше всего.

Захаровна. Поговориль-бы ты съ Иваномъ-то Васильичемъ по душамъ. Ты — мужчина . . .

Харитоновъ. Нѣтъ, ты мнѣ скажи . . .

Изъ-за угла идутъ Мастаковъ и Софья Марковна, одѣтая въ дорогу.

Харитоновъ. Это вы куда собрались, на ночь глядя?

Софья Марковна. Я ѣду домой, а Иванъ Васильевичъ провожаетъ меня.

Мастаковъ. До экипажа только. Не убѣгу.

Харитоновъ негромко. Кумь . . .

Мастаковъ. Что?

Софья Марковна. Идемте. Досвиданья, Акимъ Лукичъ.

Харитоновъ загоразивая ей⁷ дорогу. Погодите, полковница! Вамъ извѣстно, что я Ивану многимъ обязанъ и вообще — благодарень . . . Что случилось, а? Вѣдь я вижу . . .

Мастаковъ глухо, съ усмѣшкой. А случилось, Якимъ . . .

Софья Марковна съ досадою. Ахъ, Боже мой! Послѣ скажете . . .

Мастаковъ. Послѣ чего? Былъ у меня въ молодости . . .

Софья Марковна. Несчастный случай . . .

Мастаковъ. Былъ я въ молодости осужденъ и сосланъ . . . на поселеніе, а оттуда — бѣжалъ . . .

Харитоновъ идумлень. Ты? Шутить! Шутить онъ?
Мастаковъ. Настоящая фамилія моя Гусевъ, а
зовуть меня — Митрій . . .

Харитоновъ. Да не можетъ быть! . . . Ну, братъ,
это . . . ужъ я не знаю что . . .

Мастаковъ. Старикъ этотъ зналъ меня въ то время . . .

Харитоновъ. Вотъ оно что! Ч-чорты! Что же . . .
Много просить старикъ, а?

Мастаковъ. Ничего не просить. Донести онъ хо-
четъ на меня.

Харитоновъ. Донести? Ого . . .

Софья Марковна. Акимъ Лукичъ, я убѣдительно
прошу васъ молчать объ этомъ . . .

Харитоновъ подавленъ. Господи — я-же не дуракъ . . .

Софья Марковна. Вѣдь вы не захотите поссориться
со мной — да?

Харитоновъ. Эхъ, полковница . . .

Софья Марковна значительно. Итакъ — вы молчите?
А я завтра-же начну хлопотать по этому дѣлу . . .

Мастаковъ. О чемъ тутъ хлопотать?

Харитоновъ. Н-ну, исторія . . .

Мастаковъ. Сказки, Якимъ, — можно меня про-
стить?

Харитоновъ. Да вѣдь я . . . что же я . . .

Мастаковъ. Вѣришь ты въ невиновность мою?

Харитоновъ. Если-бы я рѣшалъ . . . Простить . . .
я-же ничего не знаю, не понимаю! И, главное, не я тутъ
рѣшаю, а множество людей! Газеты, знаешь . . . Ежели
одному простить — всѣ взвоютъ: а мы? Вотъ, въ чемъ
дѣло!

Софья Марковна. Ну, довольно, Акимъ Лукичъ.
Мастакову. Идемте!

Мастаковъ. Сейчасъ . . .

Харитоновъ. Вы не сердитесь, полковница. Развѣ
я что нибудь разрѣшаю? Я просто хочу сообразить. Всѣ

заорутъ: и насъ простите . . . Тогда такая юрунда начнется . . . Вы меня въ городъ не возьмете?

Мастаковъ. Ты хотѣлъ остаться ночевать?

Харитоновъ. Могу и ночевать . . . что же? Гдѣ это Яковъ? . . . Яша! поспѣшно идетъ въ кухню.

Софья Марковна. Зачѣмъ вы сказали ему, зачѣмъ? Вѣдь я убѣждала васъ!

Мастаковъ. - Хочу въ мысляхъ моихъ утвердиться. Вотъ — видѣли? Кумь, пріятель, а — какъ испугался, а. Да еще я ему про каторгу не сказала . . .

Софья Марковна. Пустой человѣкъ. Если онъ . . . онъ не можетъ сдѣлать ничего дурнаго вамъ!

Мастаковъ. Потому, что у васъ его векселя? Захочетъ — сдѣлаетъ. Бывшій другъ — злѣйшій врагъ.

Софья Марковна. Ну, довольно! Завтра утромъ вы пріѣдете въ городъ, завтра же сдѣлаемъ заявленіе прокурору . . .

Мастаковъ. Что мнѣ прокуроръ? Мнѣ — передъ вами стыдно.

Софья Марковна. Оставьте это!

Мастаковъ. Вышло такъ, что я обманывалъ васъ, самага близкаго человѣка . . .

Софья Марковна сердито. Довольно-же! Надо больше вѣрить въ людей . . .

Мастаковъ. Я знаю ихъ лучше васъ.

Софья Марковна. Они добрѣе, чѣмъ вы думаете . . .

Мастаковъ. Всѣ мѣряютъ жизнь своимъ горемъ, всѣ къ чужому глухи. Всѣ живутъ обидами, и каждый ищетъ — кому отомстить за обиду свою . . . Нѣтъ; я пропаль! Я спокойно говорю — я пропаль!

Софья Марковна. Дайте руку . . . На сѣастье! А мысли эти — прочь! Слушайте — если съ вами что нибудь случится нехорошее, я буду . . . мнѣ будетъ очень больно! Я привыкла уважать васъ и — люблю немножко. Мнѣ дѣла нѣтъ до вашего прошлаго — понимаете!

Мастаковъ. Софья Марковна — поцѣлуйте меня, Христа ради!

Софья Марковна. Что за глупости? При чемъ тутъ — Христа ради?

Мастаковъ. Господи . . . какъ-бы любилъ я васъ . . . Какъ-бы жили мы . . .

Обнялись крѣпко. Изъ кухонной двери на нихъ смотрятъ Харитоновъ и Яковъ, очень испуганный.

Софья Марковна. Ну — я ѣду! Держите себя въ рукахъ, милый! Завтра — увидимся. Помните о Захаровнѣ, не спускайте глазъ съ нея — понимаете? Это — удивительный человѣкъ . . . Ну, проводите меня до лошадей. Милый мой — я понимаю, какъ вамъ трудно, но — надо умѣть защищаться. Мы всё учимся нападать и слишкомъ плохо умѣемъ защищаться! Вы — способный человѣкъ, вы можете много и хорошо работать . . .

Ушли. Харитоновъ съ Яковомъ тихо спускаются съ крыльца.

Яковъ. Значитъ — теперь Павелъ хозяинъ?

Харитоновъ. Иди, ищи лошадь! Надо скорѣй уѣхать . . .

Яковъ. А, можетъ, съ Павломъ я скорѣй сойду съ насчетъ Татьяны . . .

Харитоновъ задумчиво. Н-нда? . . . Попробуй! Теперь, по случаю срама, приданаго можно всякъ гораздо больше — понять? Нѣтъ — каковъ случай? Ф-фу! Вотъ дьявольское дѣло . . . И вдругъ меня коснется чтонибудь, а? Ну, чего торчишь? Иди, ищи лошадь . . .

Ходитъ по двору, закуриваетъ, что-то говорить про себя. Въ окнѣ кухни — Павелъ осматриваетъ дворъ.

Павелъ. Якимъ Лукичъ . . .

Харитоновъ негромко. Ну, что?

Павелъ. Странника нѣтъ на дворѣ?

Харитоновъ. Нѣтъ.

Павелъ. И здѣсь нѣтъ. Куда же онъ пропалъ?

Харитоновъ. Черти утащили. Подъ-ка сюда . . .

Павелъ выходя на крыльцо. А полковница уѣхала? Я думалъ, она ночевать останется . . .

Харитоновъ. Слушай, Пашукъ . . . Гмм . . . Конечно, пасынокъ вотчиму какъ и сынъ отцу — не во-евода . . . но, однако, ежели дѣло касается экономического вопроса, тутъ — ужъ ни родства, ни дружбы не соблюдается . . . Это вродѣ игры въ стуколку . . . Гмм . . . да, такъ вотъ — ты понимаешь, что въ домѣ у васъ неблагополучно? . . .

Павелъ насторожился. А что?

Харитоновъ. Вообще — чувствуешь?

Павелъ подозрительно. Вы о чемъ?

Харитоновъ. Напримѣръ — о старикѣ этомъ, о странникѣ . . .

Павелъ. Ну, такъ что?

Харитоновъ. А вотъ, что: ты на моихъ глазахъ росъ . . . и все такое прочее . . . Значить — я имѣю къ тебѣ чувства . . . заботить меня твоя судьба . . .

Павелъ усмѣхаясь. Первый разъ слышу.

Харитоновъ. Первый? Н-да . . . Ну, когданибудь надо же начало положить! . . . Я старше тебя, лѣтъ эдакъ на двадцать пять . . . я могу тебя поучить . . .

Павелъ. Поучите . . . что-же . . .

Харитоновъ. Ты не усмѣхайся . . . погоди! Я, можетъ, такое скажу тебѣ, что у тебя ноги подогнутся . . .

Павелъ. Про вотчима?

Харитоновъ. Видишь ли — всѣ мы одного плетня колья . . . и, значить, должны другъ друга поддерживать — такъ?

Павелъ. Ну, такъ!

Харитоновъ прислушиваясь. Стой . . . Татьяна идетъ . . . Ей эти дѣла не надо знать! Пойдемъ-ка въ садъ, поговоримъ.

Изъ кухни идутъ Таня и Захаровна. Харитоновъ, оглядывается на нихъ.

Харитоновъ. Запоздалъ я, заспался, а у меня завтра въ городѣ рано утромъ дѣла . . .

Захаровна. Ну, куда ты? Спать пора!

Таня. Никто не спитъ — видишь? Нянька, скажи мнѣ — что такое дѣлается у насъ?

Захаровна. Ничего не дѣлается.

Таня. Неправда!

Захаровна. Ночь свѣтлая, вотъ и не спитъ никто.

Таня. Неправда!

Зараховна. Какъ это — неправда? Сама видишь — никто не спитъ, и ты не спишь . . .

Таня. Ты думаешь — ты хитрая?

Выстрѣлъ за садомъ.

Таня. Ой, что это? Ты слышишь! . . . Вотъ — я чувствовала . . .

Захаровна съ досадой. Да что ты чувствовала? Степанычъ воровъ пугаетъ, а ты . . .

Таня. Воровъ? А чему Павелъ радуется? Это хорошо, если Павелъ веселый — ужъ я знаю!

Изъ-за угла дома поспѣшно идетъ Старикъ.

Старикъ. Кто это стрѣляетъ?

Захаровна. Сторожъ.

Старикъ. Стрѣлять — нельзя!

Захаровна. У насъ — можно, мы за городомъ живемъ . . .

Таня строго, но, все таки, тревожно. И — это не твое дѣло, кто стрѣляетъ!

Старикъ. Ты, дѣвушка, моихъ дѣлъ не знаешь. А узнаешь — восплачешь . . .

Захаровна торопливо, примирительно. Въ постройкѣ почувють босяки, жулики разные — вотъ онъ и стрѣляетъ, чтобъ они знали . . .

Таня. Ты какъ смѣешь, старичишко . . .

Степанычъ бѣжитъ, задыхаясь. Эй, идите . . . Захаровна — скорѣе . . . Иванъ Васильичъ убится.

Таня кричить. Вотъ! Вотъ — видишь? . . . Бѣжить въ домъ.

Захаровна за ней. Стой! . . . Господи . . .

Степанычъ. Захаровна — воды надо, полотенцевъ...

Старикъ бѣгая по двору. Марина — гдѣ ты? . . .

Павелъ бѣжить изъ сада. Нянька, скорѣе! Степанычъ, запрягай, въ городъ, за докторомъ . . .

Старикъ убѣжалъ въ кухню. Марина . . .

Харитоновъ изъ сада. Какъ это онъ?

Степанычъ. Нечаянно. Взялъ у меня ружье — что ты, говорить, не почистишь его, ржавое все? Отошелъ нѣсколько, а оно и выстрѣлило, да прямо въ ротъ ему . . .

Харитоновъ. Въ ротъ? Охъ . . .

Степанычъ. Такъ всю голову и снесло, одна шея осталась, ей Богу . . .

Павелъ. Запрягай . . .

Степанычъ бессильно опускаясь на крыльцо. Да чего же тутъ — какой тутъ докторъ!

Харитоновъ. Павелъ — идемъ! Гдѣ Яковъ?

Павелъ. Я боюсь . . . Идемъ, Степанычъ . . .

Степанычъ. Да чего-же . . . куда-же ужъ . . . Вотъ те и хозяинъ! А какой вѣдь былъ человекъ . . . сурьевный . . .

Павелъ. Попадетъ тебѣ за ружье . . .

Степанычъ. Ну . . . чего ужъ . . . пускай! Ушли.

Изъ кухни выбѣгаетъ Старикъ съ палкой и котомкой въ рукахъ, за нимъ Дѣвица, тоже съ котомкой.

Старикъ бормочетъ. Ахъ, ты, глупый, ахъ, хитрый . . .

Дѣвица. Я тебѣ говорила . . .

Старикъ трясется. Надѣнь котомку мнѣ . . . Ахъ, еретикъ!

Дѣвица. Что теперь будетъ съ нами?

Старикъ. Уходить надо, избыютъ! Въ городъ надо. Тамъ — не найдутъ. Живѣе, ты! Все ли взяла?

Дѣвица. Чего брать-то? Говорила я — запутаютъ они!

Старикъ. Молчи! Струсилъ . . . испугался онъ . . .

Дѣвица. Не такъ надо было . . .

Старикъ. Молчи, говорю . . .

Захаровна и Таня съ полотенцами и ведромъ воды.

Захаровна кричить. Ну, что, старый песъ, казнилъ
человѣка?

Таня. Его задержать надо!

Захаровна. На что? Полно-ка!

Убѣжали.

Дѣвица со слезами. Да возись ты скорѣе. Какая вы-
года намъ? А взять-бы съ нихъ . . .

Старикъ. Идемъ, Маринушка, идемъ!

Дѣвица. Зря вышло . . . Перемучилъ ты его,
перемучилъ, вотъ . . .

Старикъ. Господь лучше насъ знаетъ, что вышло!
Крестясь, идетъ въ садъ. Тамъ дыра есть въ заборѣ, мы съ
тобой въ дыру . . .

Дѣвица. Догонять они насъ . . .

Старикъ. Не до того имъ! Ну, идемъ съ Богомъ,
скоренько . . . Ахъ, еретикъ, а? Покаралъ Господь, ага!
Грозитъ палкой дому. Насорилъ васъ Господь на землѣ,
окаянныхъ, насорилъ червей . . . Смететъ онъ васъ въ
геенну рукою моею, сорье . . . хламъ червивый!

Дѣвица толкая его. Иди-и ужъ! Тоже — праведникъ!
Обманулъ меня . . .

Старикъ. Ты — погоди! . . . Ты . . .

Дѣвица. Прежде, чѣмъ Божьи-то дѣла устраивать,
свои-бы устроилъ, старый песъ . . .

Старикъ. Маринушка . . .

Дѣвица. Обманулъ ты меня . . . Большими ко-
раблями поплывемъ отсюда . . . Вотъ — поплыли! Эхъ
ты-и . . .

Старикъ бѣшено. Молчи, дѣвка!

Дѣвица. Чего орешь? Не боюсь я тебя!

Старикъ. Гляди!

Дѣвица. Чѣмъ ты меня удержишь теперь? Иди ужъ,
песъ! Дура я . . . послушать-бы мнѣ добрыхъ людей . . .
Эхъ, дура!

Старикъ бормочетъ. Господи! Господи!

Ушли.

ПО РЕВІЗІЇ

ЕТЮД В ОДНІЙ ДІЇ.

Зложив М. Л. Кропивницький.

1918.

Накладом Української Книгарні ім. Т. Шевченка
в Нью Йорку.

— ДІЄВІ ОСОБИ: —

Василь Миронович, старшина.

Севастьян Савватєвич Скубно, писар.

Риндичка, стара баба.

Гарасим, її свідок.

Приська, салдатка.

Сторож при розправі.

Дієть ся у розправі.

Середина великої хати. Стіл, покритий зеленим сукном, на столі каламар, щоти, велика книга і скільки бумаг. На вуглі столу лежить пакет, запечатаний двома печатями; далі з другого боку невеликий стіл; на іншому три книги, каламар і бумага, біля столу стул. На стіні календар, біля вхідних дверей шкава з бумагами, лавка.

Я В А І.

Сторож (сидить за столом і роздивляється на щотах). Ну й так отой писар може викласти усяке діло на оцій видумці? Вже я скільки разів придивляв ся, та ні як нічого не второпаю. „Оце, каже, сімдесять копійок!“ „А оце рубель десять, а оце девятьдесять пять“, і наговоре, наговоре такого грошей, що ї в тиждень, здається ся, не перелічив би. Одже він: цок, цок! Цок сюди! Цок туди! і носа не вспієш висякати, як він вже й полічив! Що то воно, подумаєш, наука, до всякого діла добірає способу! Його мабуць, вчено десь не близько; він каже, що він десь аж з під Чигирина, ну а я так думаю, що він і за Чигирином був. Та

то-ж голова така, що й хто його зна, де вже єсть розумніща; кого не спитай, увесь мир каже, що з такою головою можна і до станового доступити! Ну, а я так думаю, що він і перед справником не здрігне. То-ж як почне розказувати, де він тільки не бував і чого він не видав, так тільки рота роззявиш. Агличана він тобі бачив, і в Києві був двічі, і за морем-окианом, де живуть песиголовці, і туди його носило!... Бував і в тих землях, де свині більш від нашого вола... звісно, як чоловік бувалий розкаже тобі, то так увесь сьвіт і побачиш перед очима, як на долоні... Он як я, так далі Ялисавету не бував, так мені здавалось, що за Ялисаветом вже недалеко кінець сьвіта. А ну, чи вишчитаю, скільки мені зосталось день до года. А скільки-ж у году день? Чи буде з двісті, чи, мабуть, ні? Ну, оце нехай буде від Водохреща до пущення. (Кладе на щотах). А оце від пущення до Великодня, а оце до Зелених сьвят, а оце до Покрови... Так що-ж? А все таки воно нічого не показує! (Встав). Ні, мабуть, коли не піп, то не микай ся і в ризи... Підмести ще хату або що. Тай нудна оця робота сидіти у розправі цілісенькій рік! (Мете хату). Чи загляне хто небудь сьогодні в розправу? Ще у досьвіта якийсь чоловік приніс бомагу від посередника чи що. Ждав, ждав росписки, та з тим і поїхав. „Иди, каже, пошукай писаря, або сам роспишись!” Еге! Добре тобі казати: „роспишись!” От же, здаєть ся і не велика штука повести пером по бомазі, одначе хоч ти мені пальці повідрубуй, ненапишу!... Вже я скільки разів націляв ся написати: укра-

ду оце шматок паперу, та й почну виводити пером по бомазі, здаєть ся, так як і писар, і перо умочу в чорнило, і налагодюсь як раз так: чирк-чирк, а воно чорт-батька-зна що виходить!...

Я В А П.

Входить Старшина.

Старшина. Щоб через пів-годиникові були перед порогом! Чуєш? Щоб мені по щучому веленію! Мені треба небезприменно сьогондья їхати по ревизію в Чубайвку та Василівку...

Сторож. Та коні аж у степену, на наші.

Старшина. Ну так що?

Сторож. Так це за ними бігти?

Старшина. А ти як думав? Що це тобі первина, чи як?

Сторож. Та воно...

Старшина. Знов начадив махрою? скільки разів казав тобі, щоб несьмів курити отії погані в присульствії.

Сторож. Начадив?... Я вже й забув, який той тютюн на масть!... (У бік). Загрянишого тобі буду купувати, велике жалованя платиш...

Старшина. Що ти там бубониш? Сказано тобі, щоб по щучому велінню...

Сторож. Та воно... Ні, вже колиб швидше дослужити года, хай йому біс, щоб я зостав ся у цьому пеклі!...

Старшина. Ну, а як я звелю громаді присудити вік оттут тобі служити?...

Сторож. Хіба що громада примусить!... зві-

сно, громада великий чоловік!

Старшина. Ну, то-то ж-бо й є! Я тобі ще вчора наказував, щоб коні уранці були перед порогом.

Сторож. Вчора? Та я вас вчора і в вічі не бачив: ви ще проти понеділка загадали мені... І коні стояли цілий понеділок і в вівторок до обіда...

Старшина. Мольчать! з ким це ти губу розпустив? сказано тобі, щоб по щучому велінню.

Сторож. Та про мене, я й піду! Але-ж я запевне знаю, що ви й сьогодні не поїдете.

Старшина. Ну, ну, базікай! свинота!

Сторож. А звесно.

Старшина. Ти хочеш, що-б я тебе по мармізі затопив?

Сторож. Хіба це первина? Бийте! на те ви начальство.

Старшина. (плює). Тьфу!

Сторож. (у бік). Ач якій? (до старшини). Ондечки бомага, якийсь чоловік привіз. Такий з себе огрядний, у синій чемерці, з бородою, у картузі і шарпом шия замотана.

Старшина. Збігай по писаря!

Сторож. Та його тепер і з собаками не знайдеш: він ще позавчора поїхав на хутори кумовати!

Старшина: Щоб він мені зараз тут вродився!

Сторож. А за кіньми хто-ж побіжить?

Старшина. Ну живо! Щоб одна нога мені тут була, а друга там! По щучому велінню! (Випихає сторожа).

Сторож От напасть! (Пішов).

Старшина. (Один, розпечатав пакета). — Від кого-ж би це? (Читає по складам). „Предписиваю оному волостному правленію прийнять енергическія міри”... Які? Нергическі мери? Що-ж воно означа: нергическі? — А ну, далі! (Чита). „к самоскорійшему составленію систематическаго”... Та й довге яке слово!... Указателя і категорических”... Ні, мабуть, вже як писар прийде, то вдвох розберемо! Бо сам я ще до цього не доїхав! От, як припишуть, що розискуєть ся пара лошадей, масти гнідої, на лобі біле пятно... або в уїзді появилась на рогатім скоті чума, прийнять мери... Так тут вже й без писаря я знаю, що ці документи треба покласти під сукно. (Походив трохи по хаті). Одначе сьогодня треба вже небезпременно поїхать по ревизію. Та куди-ж це писар подів ся? (Сплюнув). Тьфу, як погано на похміля!... (Дивить ся у вікно). Єге, вже сонечко височенько підбило ся, а в мене ще й ріски в роті не було... Хіба послати за восьмушкою... У досьвіта прокинув ся, та так щось коло серця запекло, аж перелякав ся! Повернув ся на другій бік, неначе трохи відпустило; а тепер знов аж пашить у середині! Погано, погано! Негодить ся що-дня пити! вчора пив, позавчора пив... Стривай! Який же це у нас сьогодня день? (Дивить ся на стіну, де висить календар). Що воно таке? „Первого Октября”. Та це-ж було, либонь, на тім тижневі? Ото вже не люблю безпорядків. Казав же скільки разів писареві, щоб що ранку вистановляв число, щоб часом, не погубити нам днів; ось же й календар нарочито купив. А тут стоїть первого Ок-

тебра! А першого Октябра це-ж було на Покрову, а на Покрову я був у ярмарку. От тобі і загубили день! Стривай, як же це воно? На тім тижневі у п'ятницю, приїздив становий? Так, становий. У неділю була сходка... У вечері приїхали до мене куми мої: матушка і писаломщик? Так! У понеділок гуляли цілий день; а в вечері приїхав і піп. Ну, а далі що-ж було? Було ще чимало гостей... Старщина з Кандалупової, письменоводитель з жінкою... Гарна у нього жінка, моргуха тільки велика!... Вона таки разів з п'ять мені підморгнула... Та як їй, сердешній, і не моргати! Її-ж чоловік таки настояща смерть, а вона сьвіжа, повна, та дебелила... Чудово вона сьпіва отцю пісьню, що каже:

„Ой кужелю, мій кужелю,
Робити я не здужаю!
До кужеля рука дріжить,
А чарочку добре дершить!..”

Попадя наша штукарка! Запровадила моду, щоб кожний раз як один другого почастиє, то щоб зараз і поцілували ся!... І пішло частуванє. Матушка з писаломщиком пілюють ся! а я з письменоводительшою! Там такі горячі губи, що аж пашить!... Одначе їй все-ж таки далеко до Пріськи, до московки. Ото молодиця!... На виду, як на кір горить; а як іде вулицею, то аж земля під нею двигтить... Єх, матері його ковiнька! Шкода, що я жонатий! А то, стало бить, як начальник, зараз би по щучому велiню... А ото, на тім тижневі у середу, у ночі, трохи-трохи було не вскочив, як кажуть, у нікуди! Тільки що підійшов до Прісьчиної хати,

аж стара Риндичка із своєї хати рип дверима! „А хто то, питає, добуваєть ся до московки?“ А я зігнув ся, та по під загатою, та на втьоки! Вона як зацькує собаками!.. а клятий рябий пес трохи литок не полатав начальникові. Треба буде претикола зробити, щоб вона собаку на цепурі держала.

Я В А Ш.

ґходить Риндичка і Гарасим.

Риндичка (уклонилаь). Помогай-бі! з п'ятінкою бувайте здорові!

Старшина (з жахом). Хіба-ж у нас сьогодні п'ятниця?

Риндичка. А як-же? Звісно, що п'ятінка, та ще й друга після Покрови!

Гарасим (п'яний). Так тошно!

Старшина. Чи не помиляєте ся?

Риндичка. Отак-пак! Щоб я та помилила ся!

Старшина. Як же це воно так сталось, що сьогодні вже п'ятниця?

Гарасим. Я об том незвестен... Один Бог!

Риндичка. Тад-же пригадайте, на здоровячко. В понеділок ваша сусіда, ота шолудива кішка, Ганка підщіпана, та золила сорочки у жлуvtі. А я й присікалась до неї! Чи не сором, кажу, тобі молодице не знати що в середу празник?...

Старшина. Празник?

Гарасим. Так тошно.

Риндичка. Празник сьвятого Хоми! Та й кажу: чи не сором тобі!? Коли-ж ти попереш

сорочки, що сьогодні кладеш у бук? А тут ви, будьте здоровенькі, вийшли з хати та й почали на нас гримати, ще мене так погано налаяли... Еге, кажу, та й почали на нас гримати, щоб ми утишились. Стало быть, у вас була почесна бесіда, а ми своїм гвалтуванем перебарначали вам гуляти.

Старшина. Нічого не пригадаю! Віриш, стара, що ми начальники так заклопотані...

Гарасим. А звісно начальство... Як можна?

Риндичка. Та як же мені цього знати? Ви-ж один, а нас, миру, скільки? Тут треба дві голови на плечах мати. Адже-ж і мій покійничок,— царство йому небесне, вічний покій його душеньці! — був за начальника, чи по prostu сказать, за свинопаса, коло громадських свиней, то так було заклопочеться, так заклопочеться.

Старшина. Він, либонь, від горівки вмер?

Риндичка. Умер, голубчикок сивий! Через великі клопоти й пив!

Старшина. От через ті клопоти иноді і я пю! Лехче якось на серцеві, як випеш.

Гарасим. Верно!

Риндичка. А як же! Горілка, вона зараз таки тобі відтягне від серця! Так і бачиш, як той клопіт гарячою парою з рота виходить! Еге, то ото-ж, кажу, було в понеділок; а у вівторок я бабувала у Зіньки Тухленкової, старого Молочая невістки і принесла вам попелясту курочку і прохала на родини.

Старшина. Курочку? От-же й цього не пам'ятаю.

Риндичка. Ще ваша жінка, Андрієвна, — не-

хай будуть здоровенькі, вам на радість, а мирові на втіху! — взяли у мене ту курочку і по-частували мене пивом, спасибі їм... повнісенький стакан випила!

Старшина. І був я на родинах?

Риндичка. Ба-ні. Ви одмовились тим, що у вас беседа була.

Старшина. Отак заклопочись, як ми, начальники, іноді заклопочуємось!...

Риндичка. А в середу, після обідні, до вас ще під'їхали гості. Батюшка і ще з якимись людьми...

Старшина. У середу, кажеш?

Риндичка. Еге-ж! А вчора посварилась я з Пріською Московкою і приходила до вашої милости скаржитись.

Старшина. З ким? З Пріською, кажеш?

Гарасим. З нею, так тошно!

Старшина. Та ти це навспряжки, чи, може, дуриш мене?

Риндичка. Навспряжки! Та я їй цього не подарую.

Старшина. Помагай тобі, Боже! Це діло ін-тересне! Інтересне діло!...

Риндичка. Ви-ж самі вчора сказали мені, щоб я прийшла сьогодні, бо ви вчора, вибачайте в цім слові, були п'яненькі, на здоровячко вам.

Старшина. Клопоти; Що у мене того клопоту, стара! Так, стало бить, виходить, що сьогодні п'ятниця? Слава Богу, що хоч знайшли день!

Риндичка. Та тут не то що день загубиш, а й їсти забудеш. У вас же того клопоту повна голова!

Старшина. Більше!

Гарасим. Через голову полеть ся... Так тошно!

Старшина. О, полеть ся! (До Гарасима). А ти-ж що якому ділу?

Риндичка. Це-ж мій свідок.

Гарасим. Так тошно, господин старшина!

Старшина. Ти, стало бить, чув, як вони сварились?

Гарасим. Так тошно, верно... Ну, що вони бились, так я об том незвестен!... По закону, значить, по правді?... Хіба у нас земля безрозсудна?... Істиная правда... Амінь і весь обман на лице.

Старшина. Піди-ж, поклич сюди Пріську Московку, то ми зараз і вчинемо суд!

Гарасим. Вчиніть суд праведний, як перед Господом милосерним!... Бо вони проклятущі баби!... їм обом небезпременно треба задубить манатки, та березовою кашою, щоб не клопотали... Го вони анахтеми... так тошно, ваше благородіє!...

Старшина. Веди її сюди перед мої очі, по щучому веліню!

Гарасим. Приведу! Недзя обіжать!... Я її анахтему... Кажу: вклонись старій і ні котрого діла... Постанови, кажу, чвортку і Бог тобі простить... (До Риндички) казав: постанови чвертку? Правда? Не сваріть ся, кажу, бо чистий калавур! (Пішов).

Старшина. Треба-ж, мабуть і писаря підождати.

Риндичка. Ой, батечку, розсудіть же ви мене самі...

Старшина. Та розсудить то можна! Але-ж може мені прийдець ся довго здіймати допроси з Приськи? А тут треба мені їхати по ревизію... Як би можна це діло хоч до-завтрього під су-кно?

Риндичка. Ой розсудіть же мене! Бо як не розсудите, то не витерплю, та я-ж... (Шепче йому не вухо). Ой розсудіть же мене; а я, батечку, вам завжди у пригоді стану. Памятаєте, як ще ви не були за начальника, та позивались з Тихоном за кожуха? Мало я тоді гріха на душу взяла?

Старшина. Ну, те що колись було, нічого згадувати. Нічого вже з тобою робить... Так кажи товком, за віщо там у вас взяло ся? З якого побиту горщика розбили?

Риндичка. Ох, батечку, та тут таке, що як до ладу розказати, то й волосе на голові до гори полізе! Адже-ж ви знаєте, що мій вгород та виходить як раз потилицею до її повітки.

Старшина. Потилицею? Так і запишемо в протокола.

Риндичка. Ще мій покійничок... царство йому небесне, вічний покій його душеньці і всім помершим душам вічная память! Ото, кажу, як ще мій покійничок живий був, той викопав рів проти її повітки, щоб, стало бить, звернути стежку з її дворища по над ровом... Бо вона була, як іде проти череди, чи в поле, то так тобі і преть ся через мій город!

Старшина. Еге-еге! Пострівай! Я бачу, що це діло дуже заплутане! Доказательства маєш?

Риндичка (виймає Фляшку з горівкою і бубублик). Осьдечки! хіба-ж я чести таки та й ва-

шого звичаю не знаю?

Старшина. От бачиш, може-б я й не пив сьогодні, коли-б не таке голівне діло...

Риндичка (частує). Милости прошю...

Старшина. Приходить ся випити щоб у голові... Пожалуйте, звольтесь самі!

Риндичка. Пошли-ж, Боже, помершим душенькам царство небесне, а живим на здоровячко! (Випила і підносе Старшині).

Старшина. Благодарю покорно! (Випив). — Тепер трохе неначе ясніш діло.

Риндичка. А як же. Воно зараз у голові розвиднить ся! Закусїть же бубличком. (Дає бублик).

Старшина. Що воно ніби щось задзвеніло у вусї?

Риндичка. Ото так похміля парує, що аж дзвенить. Викушайте ще!

Старшина. Та пожалуй! Чарка в тебе не велика, то воно можна ще по одній.

Риндичка (наливає). Я вам скажу, що по малісенькій краще пити. Каже:

„Ой чарочко-ж моя
Чепурушечко,
Ой потїш же мене,
Моя душечко!”

Милости прошю!

Старшина (випив). Тепер неначе замовкло у вусї, як по щучому велїню! А собі-ж?

Риндичка. Та я вже, не вам кажучи, з своїм сьвідком випила зо три. (Налива). Дай же, Боже, щоб вороги мовчали, а сусїди не знали! (Старшина простяга руку до чарки, але Риндичка випила). Ото-ж, кажу, як викопав мій

покійничок рів, так від тоді пішла про меж нас що-денна сварка!

Старшина. Що-денна?

Риндичка. Еге-ж!

Старшина. Ну, так ми й запишемо.

Риндичка. Та як же не що-денна, коли я своїми очима бачила, як вона що-ранку Божого винесе, та й висипає попіл у мій рів. Я їй докоряю, та взичаю, а вона мовчить, неначе не до неї річ.

Старшина. Мовчить?

Риндичка. Звісно губи мовчать, а в середині що в неї?

Старшина. Ну, що в середині, хоч воно й цікаво, так це до діла не касательно.

Риндичка. І що-ж би ви думали? Отакечки що-дня, висипаючи попіл, зарівняла мені рів зовсім. Отож і стала я думати: за для чого-б їй оттаке на пакість мені коїти? Чи нема тут якої инчої причті? Сидю я на тім тижневі, либонь проти середи, чи проти вівтірка... Ба так, проти вівтірка... Бо в понеділок я ходила по зіле у Дерйову балку... Та ще яка мені причтина трафилась?

Старшина. Що таке? Ти вже розкажуй все до чиста, щоб діло було як на долоні.

Риндичка. Тільки що перейшла я лощину і простяглась навманя, через стерні, аж це з під моїх ніг заїць плиг, плиг, плиг!... Щоб мені язик осох, коли брешу!...

Старшина. Заїць, кажеш? Чи це-ж до діла касательно?

Риндичка. А як же воно не кусательно, коли то не заїць був...

Старшина. Не заїць? А що-ж воно?

Риндичка. Та кажу-ж вам що зхопилось, та плиг, плиг, плиг!

Старшина. Та вже записано, що плиг, плиг!

Риндичка. Так ви думаєте, що й справді то заїць був?

Старшина. А що-ж таке?

Риндичка. Нечиста сила!

Старшина. Та ну?

Риндичка. Правда. Покотив, та й покотив через гору! А я зараз таки тричі перехрестилась, а далі сплюнула на лівий бік.

Старшина. І що-ж, счез?

Риндичка. Як язиком злизало.

Старшина (пише). Як язиком злизало...

Риндичка. Ой стрівайте-ж, що-ж я наказала? (Думає). Еге, так кажу, ото набрала я там зіля, принесла до дому і почала його вялити на спризьбі, а вже звісно, що як ідеш по зіля, та перестріне тебе заїць, або перебіжить тобі шлях, то...

Старшина. Так що-ж таке треба робити?

Риндичка. Е, душко, цього не можна казати, бо як розкажеш, то те зіле хоч візьми, та викинь його на сьмітник.

Старшина. Стало бить, не pomoже не від якої хвороби?

Риндичка. Ні, не те, а так, звенить, смердітиме, що й носа до нього не навернеш... Ото вже як зовсім стемніло, сиджу я собі на спризьбі, та й задрімала; і снить ся мені, що я молода та така хороша, хоч з лица воду пий.

Старшина. Ну, це ти почала розказувати сон рябої кобили.

Риндичка. Та я-ж таки була хороша молодю, така хороша!

Старшина. Ну, я-б цього і не подумав.

Риндичка. Минуло ся! Та за мною парубки було так мордують ся, що аж попару не знайдуть, аж тини тріщать.

Саршина. Та це-ж було за царя Непитайла. Ти діло кажи!

Риндичка. Стрівайте ж-бо! Ото й задрімала я. Аж чую, щось няка на мого рябка. Ви-ж знаєте мого рябка... торік Палажка, Гунина невістка, позивала мене за те, що ніби-то він порвав на ній нову юбку.

Старшина. Так його рябком дражнють? Це треба у претикол записати.

Риндичка. Я бабувала на хуторах у Байків і звідтіль його принесла щеням; і казано мені, що воно ярча! Одначе-ж я його і не думала виховувати під осиновою бороною. А вже звісно, що як ярчати отакечки не виховувати, зараз відьма візьме та й подусить.

Старшина. Подусить? А чи не пора нам підлить чорнила у чорнильницю. Бо воно щось не охотно слухаєть ся!

Риндичка (налива). Дай же, Боже, щоб усе було гоже! А що не гоже, того не дай Боже! (Випива і частує).

Старшина (випив). Добра горівка! У якім шинку береш?

Риндичка. У Бороха!

Старшина. Еге! Це така, що тільки-б мені й пить. Ну, доводь же діло до краю! Що це він Пріськи не вєде?

Риндичка. Так ото чую, щось няка на мого

рябка: „ня цю-цю, ня!...” Слухаю, аж то вона: приманила його до себе, та й дає йому щось з своїх рук! Я до неї й озвала ся: а що то ти, кажу, матері твоїй станадцять болячок і сїм пропасниць! Що то ти робиш? На що ти чужу собаку годуєш? „Щоб знав, каже, мене та не рвав!” Як прийнялась же я її коринити: лаю на всю губу, а вона мовчить, та все годує рябка. Далі з пересердя плюнула, так таки голосно кажу: тьфу, тьфу! Тобі, дїявольська дочко!

Старшина. Куди це ти плюєш? (Витирає лице). Анахтема, плює прямо у пальтрет!... Стань на цей бік. Продольжай!

Риндичка. Аж другої ночі сиджу я на печі, а у мене у печі віконечко, як раз проти її дверей. Сиджу я, аж чую, мій рябко на когось гавка. Я мерщій прожогом до віконечка, аж щось чемчикує через мій рив. прямісенько до неї; підійшло до дверей, поторгало і стиха промовило: „відченіть!...”

Старшина. Коли це було, кажеш?

Риндичка. На тім тижневі, у середу.

Старшина. На тім тижневі... (На бік). От так штука! (До неї). Ти сама бачила?

Риндичка. Своїми очима! Щоб мені повилазили, коли брешу!

Старшина (у бік). Держись Василю берега!... (До неї): А не запримітила ти його обличчя?

Риндичка. Та що тут? Це вже всім людям звісно. Нібиб-то ви й не догадуєтесь?

Старшина. Я?... слухай, стара, ти не тее... Не кажи, будь ласка, жінці!

Риндичка. Ба, ні! Скажу жінці!

Старшина. Чи ти-ж не здуріла?

Риндичка. Вона мене лихословила перед усім миром, що ніби-то я украла у неї півня!

Старшина. Якого півня?

Риндичка. Чорного з жовтим хвостом!...

Старшина. Та я й на подвіре не бачив такого півня!

Риндичка. От так же і я його точнісінько бачила!... А вона пащікує: „украла, та й украла!...” Я-ж їй, шельменій дочці, виблю очі її чоловіком хвойдником.

Старшина. А в холодній ти ще не сиділа?

Риндичка. За отту задріпанку? За ту нечупайду?

Старшина. Брешеш! Брешеш, стара! Ще одне уразливе слово, і я тебе під дванайцять замків, по щучому веліню... :

Риндичка. Щоб мене під дванайцять замків за отту шолудиву Грициху?... Та я швидч...

Старшина. За яку Грициху?

Риндичка. Кажу-ж вам, що то Грицько добивався до Пріськи.

Старшина. Грицько?

Риндичка. Та він же, він!

Старшина. Так ти-ж так і кажи!... Розбавтай же чорнило, а то вже зовсім засохло...

Риндичка (частує). Він же, кажу вам! Єге, ото-ж вчора вранці вихожу я з своєї хати, аж і вона біля свого порогу крише закришку у борщ. Поздоровкалась я до неї, та й кажу: „а які то до тебе гості добивались у глупу північ? Чи не чоловік, кажу, повернувся я служби?”. Вона на мене як витріщилась, та хоч би словечко. Я її докоряю, а вона мовчить. Чи тобі й не

стид, кажу, та й не сором! Чоловік твій Богу— Государю служить, може побиваєть ся за тобою, як пташечка у клітці, а ти так за ним журиш ся, що чужих чоловіків до себе у ночі принадуєш? Вона слухала — слухала, далі встала, повернулась до мене потилицею... (Шепче йому на вухо). От щоб я пропала, коли брешу.

Старшина. І свідок все те бачив?

Риндичка. Ні, серденько, не бачив, а тільки...

Старшина. Це діло треба розжувати, тут треба підкрепить доказательства.

Я В А ІV.

Входить Гарасим і Пріська.

Пріська. Добри день вам!

Старшина. Здорова, ягідко!

Пріська. За яким лілом мене покликали?

Риндичка. Як ти посьміла мені, старій жінці!...

Старшина. Не присікуй ся, стара, бо я тут начальник. (До Пріськи). Як поживаєш, серденько?

Пріська. Як горох при дорозі! хто не лінуєть ся, той тільки і не вибива мені очей!

Риндичка. Ач яка тихоня, сьвята та Божа!

Старшина. Мовчи стара!

Гарасим. Кажу, ваше благородіє, з ними настоящій калавур.

Старшина. Мовчать!

Гарасим. (Бе себе по губах). Малчать!

Старшина. (До Пріськи). Так, кажеш, як горох при дорозі?

Риндичка. Та що ви з нею цяцькаєтесь? Ви до неї грізно, а не залицянем...

Старшина. Ти мене будеш вчити, як допроса здійсмати? Ти? мовчи, а ні писни!

Гарасим. (До Риндички). Мовчать! Вони їх благородіє, вони понімають... Так тошно!

Пріська. За яким ділом мене кликали? Мені ніколи тут з вами патякати!

Риндичка. До вечора ще не близько, ще усьпієш побачить ся!...

Пріська. Не лізьте, бабо, осою в вочі, бо при людях вилаю.

Риндичка. Ти мене лаятимеш? Та ще той на сьвіт не народив ся, щоб мене перелаяв! Та я тобі сто і сімнайцять болячок...

Старшина (до Риндачки). Геть з хати! я на одиньці здійсму допроса. (Випихає її).

Гарасим. Настоящій калавур з ними!

Старшина (бере Гарасима і Риндичку за плечі і випихає). Геть, під три чорти!

Гарасим. Вони краще понім...

Старшина (до Пріськи). Насилу я діждав ся того щасливого часу, що бачу тебе на одинці!

Пріська. Велике щасте! Чого ви мене кликали?

Старшина. Присядь, Прісію!

Пріська. З якої речі?

Старшина. Коли-б ти знала, яка ти красна!..

Пріська. Красива та не для вас.

Старшина. Та спитай котру хочеш молодичу на селі, яка-б не рада була, щоб старшина до неї залицяв ся.

Пріська. Той посилайте за тими молодицями.

Старшина. А до тебе?

Пріська. А од мене облизня спіймаєте!

Старшина. Справді? (Хоче її обняти, Риндичка прокрадаєть ся і бере свою фляшку і чарку, зника).

Пріська. Ну, рукам волі не давайте, бо їй волося у час не бороді не зостанеть ся!

Старшина. Так ти так з начальством?

Пріська. А хіба ви на те начальство, щоб прилипать до чужих жінок?

Старшина. А в холодну не хочеш?

Пріська. Не за для мене холодна та мурована!

Старшина. Побачимо. Ти, дурочко, подумай краще, чим же я вдатний з себе?

Пріська. Вдатний, та не мій. Залицяйтесь до своєї жінки!

Старшина. А до тебе?

Пріська. Кажу вам, що зась!

Я В А V.

Входить писар п'яненкоий.

П и с а р.

Однажди собрала ся

Компанія в кабаце

І каждый там говорювал 2 рази

На своїм язице. ”

Как Німець по німецькому:

Ай-ай-ай-ай-ай-ай !..

А турок по турецькому: 2 рази

Алла, алла, алла!... „

А руськой йохвабрей усех,

Дав турку тумака,

А німець похитрей усех 2 рази

Дав тягу з кабака. „

Старшина. От чортяка його принесла!...

Писар. Василь Мирснович, душа моя, мое почитеніє!! как ваше драгоценное?

Старшина. Ви тільки пянствуєте, а тут діла повна голова!

Писар. Всьо аттестуем в лучшем культурном состоянії... А, кумушка! По каким таким екстренним требованіям?

Пріська. Спитайте їх!

Старшина. А ви це коли успіли покумати ся?

Писар. Не далее как перваго Октарбря, на Покрову Пресвятія-Богородиці.

Старшина. Тим-то ти така і сьмілива, що вже з підручним начальством покумала ся.

Пріська. Ба-ні! я таки з роду не з полохливого кодла.

Писар. Ви мою кумушку не сьмійте обіждать, потому чох я і підручний, но можу задать начальству таку цивілізацію... (Засукуе рукава).

Пріська. Вони вже мене й холодною стращали.

Старшина. То-ж я шуткував.

Писар. Холодна нехай буде холодною, а нам пора погрітись. (Виймає фляшку і чарку). Кума, сідай! Василь Миронович, душа моя! (Частує).

Старшина. Ні, у мене вже й так в голові гуде, то мабуть не буду пити: бо треба-ж нам по ревизію їхати...

Писар. Пустяк діло, випем і поїдем! прося покорно!

Старшина. Там получена якась бамага.

Писар. Прочитаем і резолюцію покладем.
(Чита бамагу нишком).

Старшина. Про віщо вона дряпа?

Писар. Откатегоряем усю систему в своє время. (Кида бамагу під стіл). Пустяк вниманія.

Старшина. Невже під сукно?

Писар. В архив. (Частує Пріську). Кума, чарочку!

Пріська. Ні, куме; спасибі!

Писар. Як? від мене чарки горівки не випеш? (Сьпіва).

Тиж було, кума моя,
Тиж було, люба моя.
Тиж було, селом ідеш,
Тиж було, в дуду ревеж,
Тиж було, куди йдеш, не мінаєш!
Оберни ся, обійми, поцілуй,
Велію милость!

Милости прося!

Пріська (видпива). Ох, яка-ж пекуча!

Писар. Всю, всю!

Пріська. Не, можу, не можу! (Видпива).

Старшина (у бік). Як бачу, коло цієї молодиці треба инчі заходи. (До неї). Та викушайте-ж уже на мирову зо мною!

Пріська. Я з вами не сварилась! (Знов пе).

Писар. Кума, у тебе хата простора. А я після завтрього менинник. Вари, ріж, печи. Твоя стра-

ва, мої гроші і моє питво! Ех, Василь Миронович, не вмєєш ти з бабами дїло робити! Чи так, кума? Кумасю, не наровїть чарки! (Прїська пє).

Старшина. І я прийду на мєнини.

Прїська. Та вжє звїсно, не вижену з хати.

Старшина (Писарю). Шелєстян Салатович.

Писар. Севастян Севатєвич.

Старшина. Все рївно! Позвольте вашу фляшечку, щє й я почастую вашу кумасю.

Писар (дає фляшку). Пермете!

Прїська. Ой, цє вжє буде богато!

Старшина. Не буде мало! Мерлете! (Частує).

Прїська (хильнула). З нашої сєстри ласкою все можна взяти. (Сьмієть ся). От я вжє й пянєнька. . .

Старшина. А по другій, щє від мене?

Прїська. Та вжє лєйте, куди три, нехай вжє й четвєрта доганя. (Рєгоче).

Старшина (налива). А ну, хильнїть!

Писар. Ай молодець, Василь Миронович! — (Иде до порога). Гей! Хто там? На, фляшку, пїди в шинок і принєси щє двї.

Старшина. А ну, сьміліще! (Хочє поцїлувати Прїську).

Прїська (бє його по губах). А тпрусь мурій!

Писар. Василь Миронович, нєльзя! Кума починай пїсьнї, такої, щоб аж. . . (Сьпїва).

Гусар на шаблю обпирав ся,
В глибокої гордости стояв!

Старшина (підсьпївує).

Прїська. Не вмїю я такої! Ой, я вжє пiana. — (Рєгоче).

Писар. Починай своєї! А ми з Васильом Ми-
ровичом підтягнемо.

Пріська (сьпіва).

Ой, випила, вихилила,
Сама себе похвалила,
Бо я панського роду 2 рази
Пю горівку як воду „
Ой, мій милий умер, умер,
Та в коморі дуду запер,
А я пішла муки брати, 2 рази
Тай почала в дуду грати „
Ой, ти дуда-ж, моя дуда!
Я молода сюда, туду!
Навприсядки та в долоні 2 рази
Пішла мука по коморі. „

Я В А VI.

Риндичка і Гарасим.

Риндичка. Бач, який вони тут допрос беруть?

Старшина (до Риндачки). Мирись, стара, зараз мені! А то я тебе, чортову кочергу!... Знаєш мене: по щучому веліню!...

Писар. Об чом спор? На основанні якої статті?

Риндичка. Вислухайте-ж мене, Шелестян Салатович!

Писар. Севастьян Севатевич!

Риндичка. Ой, батечку, не вимовлю-ж я! Що вона тільки зробила? ви тільки подумайте! — (Шепче йому на вухо).

Приська. Не гнівить Бога, бабо! Чи я-б таки
стида не мала?

Писар. Та не можеть бить? Чистое горе!

Гарасим. Настоящий калавур.

Приська. Що я повернулась до вас потили-
цею — це правда, а останнє...

Старшина. Помирить ся зараз! Ви-ж таки су-
сіде.

Голос за дверима. Натє горівку.

Старшина. От і мирова підоспіла. Це вже на-
ша! (Бере фляшку). А ну, хто моторніший, ча-
стуй, бо я вже розварив ся.

Гарасим. Позвольте, я сповню... Хіба у нас
земля безросудна?...

Писар (бере фляшки). Смирно! Сідай, ста-
ра! біля старої-кумаса! Лавку сюда присуньте!
Так. Василь Миронович на почетное место, біля
кумасі, пожалуйте! Гарасько — тут!

Писар. Кумасю, поцілуйте ся з старою!

Приська (регоче). Чому й не поцілувати ся?

Риндичка (з плачем). Ти думаєш, що мені
тебе не жалко? Ти-ж така молода, та хороша,
та як та сиріточка!... Нікому тебе ні приголу-
бити, ні пожалувати.

Писар. Годі, стара! Цілуйтесь!

Гарасим. Цілуйтесь... Начальство велить!..
Цілуйте ся, чортови сороки... Настоящой ка-
лавур з ними! (Баби цілують ся).

Писар. От і шабаш! Ну, за мною! (Почина
сьпівати, за ним всі).

Во саду лі, в огороді, 2 рази

Пташечки поють. „

Ой там наші родителі,

Ой там наші приятелі,

Горівочку пють, 2 рази.
(Частує Пріську).

Антоновна наливають...

Пріська. Миронович випивають...

Гарасим. На многі літа!

Всі. Многі літа, многі літа! і т. д.

Пріська. (частує старшину). Тепер вже і ви випийте від мене дві!...

Старшина (зовсім вже п'яний). Благодарю покорно... Од вас з овдовольством! (Пє дві).

Писар. Василь Миронович! душа моя, не вались!...

Старшина. Держусь, ще возсодержуюсь!...
Прісю, поцілуй мене! Поцілуй начальство!...

Пріська. Нехай як вияснить ся! (Частує Риндичку).

Риндичка. Чи я-ж тебе та й не жалую, моя голубочко! Завтра прийди до мене, я тобі і бурячків, і капусточки, і картофельки!

Гарасим. Стара не задержуй чарки: може ще хто хоче випити.

Риндичка. У старовину не так сьпівали. — (Сьпіва).

Ой хто пє, тому наливайте,
Хто не пє, тому не давайте,
А ми будем пити,
І Бога хвалити,
І за вас, і за нас,
І за нььку стареньку,
Що навчила нас
Горівочку пити по маненьку.
Ой хто пє, той кривить ся,
Хто не пє, той дивить ся.
А ми будем пити і т. д.

Писар. Василь Миронович! Захріп... Е, шкода!

Гарасим. Бо їм клопоту... настоящей калавур!

Я В А VII.

Ті-ж і сторож.

Сторож. Коні готові!

Писар. Сьогодні вже годі їхати по ревізію!...

Сторож. То це знов коні стоятимуть?

Писар. Не твоє діло. Внеси сюди дзвінок.
(Сторож пішов).

Пріська. Ходім, бабусю, до дому!

Риндичка. Ходім, моя дитино!

Писар. Стой, кума! Катать ся поїдем!

Пріська. Е ні, кумцю! Пий, кажуть, та ума не пропий! Спасибі за честь, спасибі, що помирили!...

Риндичка. Я тобі, моя люба, і квасольки, і огірочків дам... У мене, хвалити Бога, уродило.

Гарасим. Тільки не сваріть ся!

Пріська. Прощайте, Шеластян Салатович.

Риндичка. Спасибі вам, що помирили нас!

Писар. (Риндичка і Пріська пішли). Севастян Саватевич! (Проважа їх до порогу). Кумасю, гляди-ж не за бувай менини!

Гарасим (тим часом хова фляшку і бублики). Настоящий калавур!... Бо їм клопоту!...

Ну, що вони бились... Прощайте! (Пішов у шафу).

Писар (бере його за комір і випихає). Ека свинота, нажреть ся так, што й...

Я В А VІІІ.

Сторож (вносить дзвінок).

Сторож. На що вам дзвінок здав ся. (Дає).

Писар. Не твоє діло. (Почина дзвонити під вухом старшини). Ньо, конячки!...

Старшина (крізь сон). Поганяй, поганяй!— Звертай на Чубаївку! Та не задьоргуй-бо пристяжної!

Сторож. Поїхав по ревізію.

Писар. Ну, буде з нього, нехай їде. А я поїду на хутори другу ревізію робити.

Старшина (сонний). Пиши приговор.

Писар. Чистое горе з оцими п'яницями!... (Пішов). Какою я тільки з ними мученик!...

Сторож. Добра ревізія! Це знов на цілий тиждень: цей дома кружлятиме, а той по хуторах. (Бере з столу бублика і доїдає, потім бере щоти, сіда долі і виклада). Ні вже, хай йому враг, щоб я зостав ся у цім пеклі! Я таки вищитаю, скільки мені зостало ся день служити до года.

Старшина (съпіва сонний). Многа літа, многа літа...

(З А В І С А).

Н. Рубакинъ.

КАКЪ И КОГДА
РАЗНЫЕ НАРОДЫ
НАУЧИЛИСЬ ГОВОРИТЬ
КАЖДЫЙ
НА СВОЕМЪ ЯЗЫКЪ?

1918 г.

Какъ и когда разные народы научились говорить каждый на своемъ языкѣ.

Сколько на свѣтѣ разныхъ языковъ?

Въ настоящее время на всей землѣ существуетъ болѣе восьмисотъ разныхъ языковъ. Въ одной только Азии насчитано 153 языка, въ Африкѣ — 114, въ Австраліи и Океаніи — 117, въ Америкѣ — 423, въ Европѣ — 53. Это не считая нарѣчій. А если считать и нарѣчія, то всѣхъ ихъ на землѣ больше трехъ съ половиною тысячъ.

Значитъ, вотъ сколько на свѣтѣ разныхъ языковъ. На одномъ говорятъ сотни милліоновъ людей, а на другомъ всего лишь два-три десятка человѣкъ. Иной языкъ, напримѣръ, англійскій, можно услышать въ любомъ уголкѣ земли, а иного нигдѣ не услышишь, кромѣ какого-нибудь медвѣжьяго угла, самаго далекаго.

Каждый языкъ — чудо изъ чудесъ.

Но вотъ что удивительно: всѣ люди, рѣшительно всѣ, говорятъ непременно на какомъ нибудь языкѣ. Рѣшительно всѣ, кромѣ больныхъ и уродовъ, и на этомъ языкѣ могутъ высказать, выразить любую свою мысль, любое желаніе, любое чувство, — все, что угодно, все, что есть на душѣ. И не просто выразить, а такъ, что ихъ всѣ слова пойметъ любой человѣкъ говорящій на томъ же самомъ языкѣ.

Почему же пойметъ? Да потому, что каждое слово, сказанное человѣкомъ, что-нибудь да означаетъ.

Слово — звукъ. Но когда слышишь этотъ звукъ, на умъ сама собой приходитъ мысль, — та самая мысль, которая была въ это время въ головѣ человѣка, сказавшаго это слово.

Ее-то оно и означаетъ.

Для иноплеменнаго человѣка это слово-звукъ пустой, а для своего земляка оно ничто иное, какъ мысль выраженная звукомъ.

Какъ же такъ случилось, что все люди стали по звукамъ узнавать мысли другихъ людей? Съ перваго раза кажется, что языкъ человѣческой, дѣйствительно, чудо изъ чудесъ. Невольно думаешь, что все люди должны были когда-нибудь да столкнуться какимъ-нибудь способомъ насчетъ каждаго слова, что, собственно, оно должно между ними означать. А въ многомъ языкѣ больше ста тысячъ словъ. Какъ же тутъ столкнешься насчетъ всехъ ихъ со всеми другими людьми своего народа, — людьми, которыхъ иной разъ и въ глаза не видишь? Да, великое чудо — языкъ человѣческой, сложная онъ штука.

Но и сложную штуку можно понять и уразумѣть, нужно только знать съ какой стороны подойти къ ней и къ ея уразумѣнью. А подходить ко всему съ этой цѣлью надо такъ: сначала уразумѣть то, что попроще, а потомъ ужъ приниматься за разспутыване и того, что посложнѣе.

На какомъ языкѣ и какъ говорятъ между собой животныя?

Вотъ, на примѣръ, языкъ звѣрей и птицъ. Есть ли у звѣрей, у птицъ и у другихъ животныхъ какой-нибудь ихъ собственный языкъ? Разумѣется, есть. Это видно изъ того, что звѣрь звѣря и птица птицу отлично понимаютъ. А они безгласныя твари. Они тоже кричатъ и издаютъ звуки. Они присматриваются другъ къ другу и многое понимаютъ не только по звукамъ, а по одному виду. На примѣръ, въ лошадиномъ табунѣ лишь только насторожить уши одна лошадь, смотришь — насторожились и другія. Или вотъ птичья стая. Испугайся хоть одна птица въ этой стаѣ и вспорхни на воздухъ, смотришь — вспорхнули и другія птицы. Тутъ испугавшейся птицѣ и кричать не нужно. Стоитъ лишь полетѣть, такъ чтобы видѣли и другія птицы той же породы и даже другихъ породъ, — тогда иной разъ и все онѣ полетятъ. Почему? Да потому, что онѣ уже по одному виду чуютъ, изъ-за чего полетѣла та птица.

Словомъ сказать, звѣрь звѣря, птица птицу понимаютъ даже по однимъ тѣлодвиженіямъ: стоитъ одному кому-нибудь пошевелиться, а другіе ужъ понимаютъ, почему тотъ шевелится.

Значить, тѣлодвиженія,— тотъ же языкъ, потому что такимъ способомъ, съ ихъ помощью, одна тварь отлично понимаетъ другую.

Да иначе и быть не можетъ. Какъ же ей не понимать испуга или радости другой такой же самой твари, если и она сама всегда выражаетъ свой испугъ и свою радость совершенно такимъ же способомъ?— И волей-неволей выразить. Не удержится, потому что у нея и глаза, и уши, и сердце, и мозгъ, и умъ, и чувства почти такіе же, какъ и у другихъ животныхъ ея породы.

Значить, вотъ откуда берется пониманіе между разными животными одной и той же породы—отъ тѣлеснаго устройства ихъ, а именно—отъ самаго сходства въ этомъ ихъ устройствѣ. Любой воробей, любой волъ и всякое другое животное радуется или печалится именно потому, что того требуетъ его тѣлесное устройство. Всѣ попугаи отъ радости крыльями хлопаютъ, всѣ собаки хвостомъ виляютъ. Какъ же имъ не понимать радости и горя другихъ такихъ же тварей по такимъ же тѣлодвиженіямъ ихъ?

Ну, а если звѣрь звѣрю и птица птицѣ будутъ еще и голосъ подавать, напримѣръ, кричать, пѣть? Разумѣется, другія животныя той же самой породы и по голосу поймутъ чужую радость и горе другихъ такихъ же существъ, какъ и они сами. Поймутъ по той же причинѣ, почему понимаютъ и чужія тѣлодвиженія. Вѣдь въ голосѣ, въ крикахъ, въ пѣніи тоже могутъ звучать и горе, и радость, и испугъ, и какія угодно чувства. И, дѣйствительно, звучать. Это знаетъ всякій. Поэтому-то птица съ птицей, звѣрь со звѣремъ и могутъ переговариваться одними криками, безъ всякихъ словъ.

Но вѣдь и крики бываютъ разные,—одинъ на другой непохожіе. Иные звѣри умѣютъ выть, рычать, ворчать на многое множество голосовъ и тоновъ. Птицы тоже поютъ и кричатъ по разному. Стоитъ, напримѣръ, прислушаться къ куринымъ разговорамъ и крикамъ. Любая курица можетъ кричать на множество ладовъ: когда ей нужно созывать цыплятъ для ѣды,—она клохчетъ однимъ голосомъ. Когда она чего-нибудь испугалась, она кричитъ иначе, и словно выговариваетъ «куррр...» Когда курица снесла яйцо, она заливается опять иначе. Когда за нею гонится кошка или собака,—курица опять кричитъ на

особый ладъ. Словомъ сказать, она подаетъ при разныхъ обстоятельствахъ разные голоса. И другія птицы ея же породы отлично понимаютъ, что означаетъ такой крикъ.

И такъ не у однихъ только куръ, а и у другихъ птицъ. Точно также и у звѣрей. Они кричать по разному, смотря по обстоятельствамъ. А про обезьянъ даже рассказываютъ, что у нихъ есть свой особый языкъ. Онъ выговариваетъ даже какія-то слова на этомъ своемъ языкѣ. И у всѣхъ животныхъ каждый голосъ означаетъ что-нибудь особое, и каждый звукъ понимается на его собственный ладъ.

Такъ развѣ же это не тотъ же разговоръ при помощи разныхъ криковъ? Развѣ же эти крики не замѣняютъ словъ? Развѣ же они не есть выраженіе чувства и вообще духовнаго состоянія? Крики животныхъ, это хотя и не человѣческія, а все-таки вродѣ какъ слова. Это хоть и не человѣческій, а все-таки языкъ.

Какъ люди переговариваются безъ словъ? Языкъ тѣлодвиженій.

Да вѣдь и человѣкъ въ своемъ разговорѣ не обходится безъ звѣриныхъ и птичьихъ хватокъ. Никто изъ насъ не переговариваетъ безъ тѣлодвиженій. Мы тоже звуками голоса выражаемъ наше внутреннее чувство и мысль. Посмотрите-ка на разговаривающаго человѣка: онъ и руками тычетъ, и брови хмуритъ, а о голосѣ и говорить нечего. Во время всякаго разговора голосъ то и дѣло мѣняется: то онъ жалобный, то сердитый, то веселый, то громкій, то тихій, то льстивый, то иной какой. Значитъ, слова словами, а безъ тѣлодвиженій да безъ разныхъ выраженій голоса ни одинъ человѣкъ во время разговора обойтись не можетъ. Значитъ, тѣлодвиженія и перемѣны въ голосѣ нужны и для разговоровъ человѣка съ человѣкомъ, подобно тому, какъ это самое нужно и звѣрямъ, и птицамъ.

Особенно же много звѣринаго въ языкахъ разныхъ дикихъ народовъ. Есть такіе народы, которые совершенно не могутъ понимать другъ друга, не шевеля при томъ руками. Путешественники рассказываютъ о чернокожихъ дикаряхъ, какъ они переговариваются другъ съ другомъ. Есть такіе дикари, которые не могутъ понимать одинъ другого, если разговариваютъ въ темнотѣ. Почему такъ? Да потому, что имъ ночью не видать, какъ они руками машутъ, дополняя свои рѣчи.

Понадобилось, например, одному дикарю-негру сказать, что он завтра пойдет в лес. А такого слова «завтра» вовсе нѣтъ на языкѣ этихъ негровъ. Какимъ же способомъ, въ такомъ случаѣ, негръ выражаетъ эту самую свою мысль? Онъ говоритъ для этого три слова: «лесъ», «итти», «день», но при этомъ тычетъ пальцемъ впередъ. Это означаетъ у него «день впередъ», то есть «завтра». Такимъ способомъ, при помощи пальцевъ негръ все таки ухитряется высказать другому негру то самое, что ему нужно: «Завтра я пойду въ лесъ». И всякій другой негръ отлично пойметъ его, несмотря на то, что на ихъ языкѣ вовсе нѣтъ слова «завтра».

Такимъ же способомъ, при помощи тѣлодвиженій, дикарь можетъ высказать, что онъ былъ въ лесу вчера. Для этого онъ говоритъ тѣ же самыя слова: «лесъ, итти, день», а затѣмъ тычетъ пальцемъ назадъ. Это у него означаетъ, что день тому назадъ онъ былъ въ лесу.

А идетъ ли рѣчь о завтрашнемъ или вчерашнемъ днѣ, это дѣлается понятнымъ другимъ дикарямъ только при помощи тѣлодвиженій. Дикари должны ихъ видѣть, а не только слышать слова. Въ темнотѣ дикари не поймутъ словъ. Поэтому они ночью и не могутъ такимъ способомъ разговаривать.

Значитъ, пальцы, руки и вообще тѣлодвиженія растолковываютъ, разъясняютъ негру настоящія человѣческія слова. Тѣлодвиженія могутъ даже замѣнять ихъ. Рассказываютъ объ американскихъ индѣйцахъ, какъ они переговариваются между собою посредствомъ тѣлодвиженій. Они чинно усаживаются около горящаго костра и принимаются молча за разговоръ. Молчатъ и разговариваютъ,—при помощи рукъ и вообще тѣлодвиженій. Напримеръ, одинъ индѣецъ рассказываетъ другимъ, что онъ путешествовалъ цѣлыхъ три мѣсяца зимой, пѣшкомъ и въ лодкѣ. Вотъ какъ онъ разговариваетъ при помощи рукъ. Сначала онъ поднимаетъ руки и изображаетъ пальцами полумѣсяцъ и кругъ. Это у него означаетъ: «луна новая—полумѣсяцъ, полная—кругъ». Такія тѣлодвиженія индѣецъ продѣлываетъ три раза. Это означаетъ, что луна полная и новая три раза.—то-есть три такихъ луны, три мѣсяца. Затѣмъ дикарь изображаетъ двумя пальцами одной своей руки на ладони другой, какъ люди ходятъ пѣшкомъ. Это означаетъ въ его рассказѣ: «я шелъ пѣшкомъ». Затѣмъ дикарь двигаетъ обѣими руками на подобіе того, какъ дѣйствуютъ веслами. Это означаетъ: «путешествовалъ

и въ лодкѣ». Затѣмъ дикарь начинаетъ весь дрожать, словно ему холодно. Это дрожаніе означаетъ, что онъ путешествовалъ зимою во время холодовъ. Такимъ способомъ дикарь и передаетъ другимъ дикарямъ при помощи рукъ и вообще тѣлодвиженій все, что ему было нужно сказать о своемъ трехмѣсячномъ путешествіи зимой, пѣшкомъ и въ лодкѣ.

Вотъ какимъ способомъ могутъ переговариваться между собою люди при помощи тѣлодвиженій, даже безъ всякихъ словъ. Это тоже языкъ, только молчаливый. Подобно этому переговариваются и глухонѣмые. Они только такимъ способомъ и могутъ переговариваться. Разговаривать словами они не способны, потому что глухи отъ рожденія. Они хоть и растутъ на людяхъ, но совершенно не слышатъ ни одного человѣческаго слова. Оттого имъ совершенно невозможно научиться разговаривать словами. Но вѣдь как-ни-какъ, а глухонѣмые—тоже люди.—у нихъ есть человѣческій мозгъ, есть умъ, есть мысли и чувства. Глухонѣмые могутъ передавать ихъ другимъ людямъ при помощи тѣлодвиженій, безъ всякихъ словъ. И вотъ что особенно интересно: любой дикарь съ перваго же разу научается понимать глухонѣмого, а глухонѣмой—дикаря. Почему такъ? Да потому, что почти всѣ ихъ тѣлодвиженія вполнѣ естественны и для каждаго ясно, что они означаютъ.

Значить, люди могутъ разговаривать и безъ словъ. Они понимаютъ другъ друга и разговариваютъ, даже и не зная никакихъ человѣческихъ словъ. Мысли могутъ быть сами по себѣ а слово человѣческое, языкъ—самъ по себѣ. Иначе говоря, люди не всегда думаютъ словами. Чтобы думать словами, нужно, чтобы каждое слово выражало какую-нибудь мысль, а каждая мысль напоминала какое-либо слово.

**Выражать при помощи тѣлодвиженій свои мысли труднѣй, чѣмъ
выражать свои чувства.**

Но одними тѣлодвиженіями не скажешь всего того, что выразишь словами. О простыхъ житейскихъ дѣлахъ такъ еще можно разговаривать кое-какъ. Но чѣмъ сложнѣй дѣло, тѣмъ труднѣе о немъ разговаривать безъ словъ. Особенно же трудно передавать при помощи тѣлодвиженій свои сужденія. Это не то, что передавать чувства. Вѣдь и птицы, и звѣри умѣютъ передавать другимъ животнымъ своей породы свои чувства. Но

животныя не разсуждаютъ, а у людей есть въ умѣ всегда хоть какія-нибудь разсужденія. Предавать ихъ при помощи пальцевъ уже мудрено. Чѣмъ замысловатѣе слово, тѣмъ труднѣй его выразить такимъ способомъ. Какъ выразить при помощи рукъ такое слово, какъ напримѣръ, «хорошій», или слово «думать», «говорить правду», «обусловливать»? Индѣйцы выражаютъ слова «говорить правду» такъ: указательный палецъ, простертый ото рта, означаетъ у нихъ «говорить правду»,—одинъ языкъ—это и значитъ «правдивое слово». Два пальца, поставленные око рта и растопыренные, это означаетъ «говорить ложь, быть двуязычнымъ». Слово «хорошее» индѣйцы выражаютъ движеніями руки ото рта, при чемъ большой и указательные пальцы складываютъ вмѣстѣ концами, а остальные три пальца отжимаются. Такое тѣлодвиженіе дѣлается похожимъ на дѣтскій воздушный поцѣлуй. Глухонѣмые тоже понимаютъ, что оно означаетъ слово «думать» индѣйцы выражаютъ, положивши палецъ правой руки поперегъ груди. Почему же такимъ способомъ выражается слово «думать»? Потому что таковъ обычай, такое обыкновеніе. Ну, а если кто его не знаетъ, какъ ему тогда понять, что означаетъ прикладываніе пальца къ груди? Иной и не понимаетъ такого тѣлодвиженія, а иной понимаетъ его неправильно. Значитъ, языкомъ тѣлодвиженій нельзя выразить всего, что выражается языкомъ словеснымъ. Очень много въ каждомъ человѣкѣ такихъ мыслей и чувствъ, которыя можно высказать лишь словесно. Особенно, если это человѣкъ образованный и умственно развитой.

Выраженію чувствъ помогаетъ голосъ.

Подобно тѣлодвиженіямъ, въ разговорѣ сильно помогаетъ человѣку то, какимъ голосомъ и съ какимъ чувствомъ онъ выговариваетъ слова. Выраженіе голоса значитъ въ разговорѣ человѣческому очень много. Оно даже замѣняетъ многія слова. Напримѣръ, у одного дикаго племени вовсе нѣтъ словъ «горе» и «радость». Когда дикарь хочетъ сказать «горе», онъ говоритъ «ай» или «вей», но жалобнымъ голосомъ, а когда ему нужно сказать слово «радость», онъ говоритъ тоже «ай» или «вей», но только радостнымъ голосомъ. Значитъ, одно и тоже слово выражаетъ совсѣмъ разное, смотря по тому, какимъ голосомъ оно сказано, и такимъ способомъ замѣняетъ недостатокъ словъ.

У разныхъ народовъ разное количество словъ въ языкѣ.

А у дикихъ народовъ нѣтъ на языкѣ очень многихъ словъ. Совѣмъ нѣтъ, потому что они еще не придуманы и не вошли въ обиходъ. Языкъ дикихъ народовъ вовсе не то, что, напримѣръ, языкъ русскій или англійскій. Въ русскомъ языкѣ насчитывается около ста тысячъ словъ, въ нѣмецкомъ еще больше, въ англійскомъ еще больше. А въ языкѣ какихъ-нибудь американскихъ краснокожихъ индѣйцевъ, всего лишь нѣсколько тысячъ словъ. Но и это еще много: есть на западномъ берегу Африки такія племена дикихъ негровъ, въ языкѣ которыхъ насчитано всего лишь 350 или 400 разныхъ словъ. Такъ бѣдны разными словами иные языки, на которыхъ говорятъ нѣкоторые дикія племена. Вотъ почему волей-неволей разнымъ дикарямъ приходится пускаться въ ходъ тѣлодвиженія, говорить разные слова разнымъ голосомъ.

— — —

Какихъ словъ недостаетъ въ языкѣ темныхъ и необразованныхъ людей?

Да что намъ дикари. — даже въ одномъ и тоже народѣ, напримѣръ, русскомъ, образованные люди знаютъ гораздо больше русскихъ словъ, чѣмъ люди необразованные. Многія чисто русскія слова совершенно непонятны для человѣка необразованнаго. Вотъ, напримѣръ, слова «тождество», «міросозерцаніе», «исчисленіе», «проявленіе», и многое множество другихъ. Спроси-ка у русскаго крестьянина, прожившаго свой вѣкъ въ какой-нибудь глухой деревушкѣ, что собственно означаютъ эти чисто русскія слова? Они хотя слова и чисто русскія, а все таки понятны не всякому русскому человѣку. Но и это еще что! Иныя слова и понимаются-то далеко не всеми людьми на одинъ и тотъ же манеръ. Вотъ, напримѣръ, самое обыкновенное русское слово «тѣло». Что значитъ «тѣло»? Деревенскій человѣкъ обыкновенно понимаетъ подъ этимъ словомъ свои руки, свои ноги, вообще тѣло, тѣло какого-нибудь живого существа. А въ ученыхъ книгахъ оно обыкновенно означаетъ все то, что можно ощущать руками. И камни — тѣло, и вода — тѣло, и воздухъ — тѣло. Или вотъ еще, напримѣръ, слово «явленіе». На деревенскомъ языкѣ слово «явленіе», это что-то въ родѣ чуда. Напри-

мѣръ, явленіе мощей, явленія святыхъ и что-нибудь другое въ этомъ же родѣ. А на языкѣ ученыхъ людей это же самое слово означаетъ всякую перемену, гдѣ бы и въ чемъ бы она не произошла. Напримѣръ, радуга—это явленіе, огонь—это явленіе, тепло, холодъ, жизнь, смерть—все это явленія. Значить, выходить такъ, что иной разъ русскій человѣкъ не пойметъ русскаго же человѣка, потому что не знаетъ многихъ русскихъ словъ или понимаетъ и русскія же слова на какой-нибудь свой ладъ.

Чтобы понимать какое-либо слово, нужно знать, въ какомъ смыслѣ оно говорится. Слова, которыя имѣютъ общій дѣховный смыслъ, обыкновенно непонятны темнымъ людямъ, какъ и дикарямъ.

Почему же у необразованныхъ людей и дикихъ племенъ гораздо меньше словъ въ языкѣ, и почему они не знаютъ настоящаго смысла многихъ словъ? А потому, что жизнь такихъ людей и племенъ гораздо проще, чѣмъ у образованныхъ. А для болѣе простой жизни вовсе не требуется многихъ словъ. Напримѣръ, дикари-австралійцы живутъ въ пустынѣ, гдѣ нѣтъ ни рѣкъ, ни озеръ. Эти дикари даже не знаютъ иной разъ, что это такое рѣка. Весьма понятно, что на ихъ языкѣ и нѣтъ словъ такихъ «озеро» и «рѣка». Долгое время дикари никогда и не видали ни ружей, ни пушекъ. Разумѣется, у нихъ не было придумано и словъ для обозначенія ружья или пушки. Чего не видалъ и чего не знаешь,—того, разумѣется, никакъ и не назовешь. Что же дѣлать въ этомъ случаѣ какому-нибудь человѣку изъ какого-нибудь дикаго племени, коли въ его языкѣ не хватаетъ многихъ словъ для выраженія его мыслей и чувствъ? Пока не придуманы новыя слова, имъ пошеволѣ нужно обходиться какъ нибудь инымъ способомъ,—просто-напросто дополнять слова руками, да выраженіемъ голоса, подобно тому, какъ это дѣлаютъ звѣри и птицы.

У разныхъ народовъ много одинаковыхъ восклицаній. Какъ изъ нихъ составляются новыя слова?

Путешественники рассказываютъ, что языкъ инныхъ дикарей дѣйствительно похожъ на звѣриный. У нихъ не отличишь и не отличишь одного слова отъ другого. Всѣ слова въ ихъ раз-

говорѣ словно сливаются, да и звуки разговора сильно смахиваютъ на звѣриныя. Напримѣръ, африканскіе дикари-готтентоты во время разговора то и дѣло причмокиваютъ и щелкаютъ языкомъ. Такихъ звуковъ никакой буквой не обозначишь. Дикари нѣкоторыхъ другихъ племенъ, когда разговариваютъ, такъ булькаютъ, словно ротъ полощутъ. А восклицанія «ой», «ай», «хэ», «хе» такъ и слышатся у нихъ во время разговора очень часто. Всѣ такіе звѣриныя крики очень нужны дикарю для выраженія его мыслей. Особенно же полезны дикарямъ такія ихъ восклицанія, которыя выражаютъ то горе, то радость, то иное какое-нибудь чувство. Эти самыя восклицанія есть и въ нашемъ русскомъ разговорѣ и называются «междометіями». Вѣдь и мы тоже иногда восклицаемъ «ой», «ай», и каждое такое восклицаніе тоже выражаетъ какое-нибудь наше чувство,—то горе, то радость или что-нибудь иное. И вотъ что достойно вниманія. Вѣдь мы, русскіе, вовсе не дикари, а все таки такія восклицанія и у насъ—тѣ же самыя, какъ и у дикарей. Они сами собою сочиняются и сами собою появились у всѣхъ народовъ. Они сами собою выходятъ изъ глубины человѣческой души.

Откуда и какъ появляются новыя слова, напримѣръ, названія животныхъ?

Почему же дикари не сочиняютъ новыхъ словъ, коли имъ не хватаетъ старыхъ? Они и сочиняютъ понемногу все новыя и новыя слова. Сочинительство новыхъ словъ и по сіе время идетъ на всемъ свѣтѣ, и у дикихъ племенъ, и у образованныхъ народовъ. Да оно и всегда шло и тысячи и даже миллионы лѣтъ тому назадъ. Путешественники рассказываютъ, какъ сочиняютъ новыя слова дикари. Выходитъ это у нихъ само собою. Такъ, напримѣръ, однажды какой-то дикарь услышалъ въ первый разъ какъ стрѣляли изъ ружья, и назвалъ тотчасъ же ружье «ну». Индѣецъ въ первый разъ увидѣлъ корову и сталъ называть ее «мму». Кукушка у очень многихъ народовъ называется «ку-ку». Дѣти называютъ кошку «мяу-мяу». Вотъ такимъ способомъ и появились многія слова, и къ тому же появились сами собою. И всякому ясно, почему они появились у разныхъ народовъ, на разныхъ концахъ земли и почему они одинаковы повсюду.

Въ иныхъ странахъ дикари живутъ семьями или родами, но семья отъ семьи далека. Въ такихъ семьяхъ то и дѣло со-

чиняются новыя слова. Напримѣръ, одинъ какой-нибудь чело-
вѣкъ придумаетъ и скажетъ какое-нибудь новое словечко. Дру-
гой человѣкъ его услышитъ, пойметъ, запомнитъ, подхватитъ,
а тамъ и самъ скажетъ, а отъ него кто-нибудь другой услышитъ
и тоже пойметъ и запомнитъ. Смотришь,—и пошло слово въ
ходъ въ этой семьѣ. Если семья невелика, такъ не трудно но-
вымъ словамъ входить въ общій обиходъ.

Какъ новыя слова въ языкѣ сочиняются дѣтьми?

Еще много словъ придумывается, сочиняется малолѣтними

дѣтьми. Какъ извѣстно, всякое дитя шевелитъ кое-какъ губен-
ками и старается выговорить какое-нибудь слово, а родители
слушаютъ и повторяютъ. Самый легкій звукъ для ребенка—
пыхтѣніе. Пыхтятъ даже новорожденные. А при пыхтѣніи выхо-
дитъ слово «па», или «ма», смотря по тому, дѣйствуютъ ли од-
нѣ губы или вмѣстѣ съ губами глотка. А изъ такого пыхтѣнія
сами собой выходятъ и слова, напримѣръ, слово «па-па», или
«ма-ма», или «ба-ба». Потому у всѣхъ народовъ такими самы-
ми словами «па», «ба», «ма», называютъ родители ребенка.
Взрослые люди думаютъ, что дитя именно ихъ-то такъ и назы-
ваетъ. А на самомъ дѣлѣ, самые малолѣтніе младенцы вовсе и
не понимаютъ, да и не могутъ понимать какихъ-либо названій.
Они еще ничего и никого и никакъ не называютъ. Младенцы
просто-напросто пыхтятъ или кричатъ, шевеля губками. Родите-
ли похватываютъ ихъ звуки и думаютъ, что они означаютъ то-
то и то-то, а прежде всего, что такими звуками обозначаютъ
дѣти своихъ родителей. Поэтому, у многихъ народовъ это же са-
мое слово «па» означаетъ отца. Но у другихъ народовъ это же са-
мое слово «па» означаетъ не отца, а мать, а слово «ма» или
«мама» означаетъ отца. Напримѣръ, по-грузински «мама» зна-
читъ отецъ. По-сіамски отецъ тоже значитъ «ма», а не «па».
На другомъ концѣ свѣта, въ Америкѣ, на языкѣ сѣверно-амери-
канскихъ индѣйцевъ изъ племени «Тлатсканаи» отецъ тоже зна-
читъ «мама». А вѣдь эти индѣйцы живутъ далеко отъ грузинъ,—
и все таки отца же называютъ однимъ и тѣм же словомъ.

А слово «мать» на многихъ языкахъ значитъ «па» или
что-нибудь въ этомъ родѣ. По-грузински мать значитъ «деда».
На языкѣ одного южно-американскаго индѣйскаго племени мать
значитъ «апше». По-русски «баба» значитъ женщина, а по-та-

тарски «баба» значить «дѣдь». А на языкѣ одного негритянскаго племени «баба» значить «отець». Все такія слова пошли впервые въ ходъ между людьми отъ дѣтскаго безмысленнаго лепета. А дѣти лепетали ихъ такъ потому, что ихъ губы такъ устроены. Поэтому и оказалось, что названія родителей во многомъ похожи на языкахъ разныхъ народовъ, хотя эти народы живутъ въ разныхъ концахъ земли одинъ отъ другого за тысячи верстъ.

Какъ взрослые люди сочиняютъ новыя слова?

Многія слова, какія встрѣчаются въ человѣческомъ языкѣ

пошли и идутъ въ ходъ, еще вотъ какимъ способомъ: изъ двухъ, трехъ старыхъ словъ составляется одно новое. Напримѣръ, въ китайскомъ языкѣ вовсе нѣтъ слова «толпа». Какимъ же способомъ китаецъ даетъ понять другому китайцу, что вотъ рѣчь идетъ о толпѣ? А вотъ какимъ. У китайцевъ есть слово «жинъ», что значить «человѣкъ». Кроме того, есть слово «ду», что значить «много». Изъ этихъ двухъ словъ китаецъ составляетъ третье слово «жинъ-ду», что значить «люди много». А много людей — это значить толпа. Такимъ самымъ способомъ составляются изъ двухъ, а то изъ трехъ словъ, очень многія слова. И въ нашемъ русскомъ языкѣ многія слова составлены изъ двухъ и изъ трехъ разныхъ словъ. Вотъ, напримѣръ, слово «благовѣсть»: тутъ два слова—«благо» и «вѣсть». Или вотъ слово «добродушіе».—оно составлено тоже изъ двухъ словъ — «добро» и «душа».

Или вотъ еще интересный примѣръ того, какъ ухитряются люди, когда на ихъ языкѣ не хватаетъ словъ. Живетъ въ Америкѣ нѣкое индѣйское племя. «Гилатсо». Когда-то индѣйцы этого племени дѣлали свои топоры изъ камня, а потомъ нашли желѣзо и мѣдь и стали дѣлать желѣзные и мѣдные топоры. Но до того времени на языкѣ этого племени вовсе не было такихъ словъ, какъ мѣдь и желѣзо. Какими же словами эти индѣйцы окрестили свою находку, мѣдную и желѣзную руду? Вместо желѣза они стали говорить «камень черный», а вмѣсто мѣди—«камень красный». Разумѣется, индѣйцы отлично понимали что означаютъ эти слова и о чемъ собственно идетъ рѣчь.

Есть на великомъ океанѣ большіе цвѣтущіе острова, которые называются островами Таити. Они лежатъ далеко отъ береговъ Америки и Китая, и на нихъ долгое время вовсе не водилось лошадей, а водились только свиньи. Но вотъ приѣхали къ этимъ островамъ англичане и привезли съ собой лошадей. Какъ же называли ихъ таитяне? Сочинили ли они какое-нибудь новое слово для ихъ обозначенія? Во все нѣтъ. Они называли лошадь свиньей, носящей на себѣ человѣка. Такимъ способомъ таитяне обошлись и безъ сочиненія какихъ-либо новыхъ словъ.

Подобно имъ поступили американскіе индѣйцы изъ племени Сіу. Когда они впервые увидѣли лошадь, то окрестили ее «волшебной собакой». Такимъ способомъ названіе лошади у нихъ тоже составилось изъ двухъ словъ, которыя имъ были извѣстны и раньше.

Многія отдѣльныя слова въ нашемъ языкѣ составлены изъ нѣсколькихъ словъ, между собою соединенныхъ въ одно слово.

Очень многія слова на разныхъ языкахъ составлены изъ нѣсколькихъ словъ, такъ что иной разъ сразу и не замѣтишь, что тутъ не одно слово, а цѣлыхъ два. Вотъ, на примѣръ, слово «благодать». Тутъ ясно видно, что это слово составлено изъ двухъ словъ,—во-первыхъ, изъ слова «благо», а во-вторыхъ—изъ слова «дать». А вотъ слово «защитникъ». И оно составлено изъ нѣсколькихъ словъ: во-первыхъ, «за», во-вторыхъ, «щитъ», и въ третьихъ, «никъ». Эти слова «за» и «никъ» встрѣчаются въ началѣ и концѣ многихъ словъ. На примѣръ, заработокъ, работникъ, чайникъ. Ясное дѣло, все это слова составныя. А вотъ, на примѣръ, слова «моего», «моему». И они составлены каждое изъ двухъ словъ: на примѣръ, въ слово «моего» входитъ, во-первыхъ, слово «мой», а во-вторыхъ, съ нимъ слито другое слово «его». «Мои́мъ» это значитъ «мой—имъ», «Моему́» это значитъ «мой—ему».

Мы и не замѣчаемъ, что нныя слова составлены изъ двухъ словъ, когда говоримъ ихъ. Мы забыли, что многія наши слова когда-то складывались, да вилотную сливались, и при этомъ даже немножко передѣлывались, измѣнялись.

Такъ на примѣръ, мы не говоримъ теперь «добръ—его». Въмѣсто этого мы прямо говоримъ «добраго». Не говоримъ

«добръ—ему», «добръ—имъ», а просто «доброму», «добрымъ».

Иной разъ два разныхъ слова не только сливались въ одно слово, но при этомъ даже очень сильно измѣнялись, такъ что ихъ послѣ того и узнать нельзя сразу. Такъ, напримѣръ, возьмемъ три слова: «смерть, умерить, умираю». Слова какъ будто разные, а кое-что въ нихъ есть одинаковое: «мор, мир, мер, мр». Ученый человѣкъ можетъ безъ особаго труда, узнать и понять, какое слово изъ какихъ словъ составилось, и что въ немъ самая суть или корень, а что приставки да прибавки. Корень всегда обозначаетъ самую суть слова, а приставки и прибавки выражаютъ оттѣнки его. Напримѣръ, вотъ слова «захакивать, приходъ, выходка, ходатай, хожайный, ходовой, ходить, уходить». И эти слова все разные. Но у всѣхъ у нихъ основа ихъ или корень одинъ и тотъ же, а именно: «ход или хожд или хож». Благодаря этой одинаковой основѣ, всѣ эти слова какъ бы сродни одно другому. Во всѣхъ этихъ словахъ одного и того же корня рѣчь идетъ о хожденіи, хотя и съ разными оттѣнками. А эти оттѣнки у разныхъ словъ разные: «захакивать» значитъ не совѣм-то, что «ходить», «приходъ» не то что «выходка», или «ходатай». Отчего-же получаютъ разные оттѣнки у разныхъ словъ одного и того-же корня? А оттого, что у этихъ словъ одинаковъ-то одинъ только корень, а приставки да прибавки все разные. Напримѣръ, у одного слова приставка въ началѣ слово «за» (захакивать), у другого слова приставка «у» (уходить, ухаживать), у третьяго «вы» (выходить, выхакивать). Тоже и прибавки послѣ корня: «ходатай, выходка, уходить, ходовой», (все это прибавки атай, ка, ить, овой). Всѣ эти слова схожи по корню и всѣ различны по приставкамъ и прибавкамъ. И это бываетъ такъ не только съ этими, но и со всякими словами, какія только есть въ нашемъ языкѣ. У всѣхъ у нихъ непременно есть свой корень, да и приставки и прибавки встрѣчаются на каждомъ шагу. Значитъ, ясно, что корень и вправду есть основа всякаго слова. На этомъ то корнѣ и держится самый смыслъ слова, то-есть, то главное.

Но и это еще не все. Этотъ корень—самая старинная часть что оно выражаетъ.

Всѣхъ тѣхъ словъ, въ которыхъ онъ имѣется. Это видно вотъ изъ чего: вѣдь всѣ тѣ слова получились благодаря тому, что къ началу и къ концу этого корня были приставлены разные другя словечки. Напримѣръ, въ словѣ «захакивать» впереди приставлено «за», а концѣ приставлено «ивать»; въ словѣ «вы-

хода» впереди приставлено «вы», а позади приставлено «ка». Въ словѣ „ходатай” въ концѣ приставлено „атай” и т. д. Чтобы приставить эти словечки „за” и „вы”, „ивать” и др., нужно вѣдь, чтобы заранѣе было то, къ чему ихъ приставлять. А они приставляются къ корню. Значить, въ этихъ словахъ корень долженъ былъ явиться раньше, чѣмъ они. Другими словами, они старше ихъ. Приставки и прибавки, какъ сказано, выражаютъ всегда не самую суть слова, а лишь его отгѣнки. Отгѣнки и появились, но только позднѣе,—съ теченіемъ времени. Напримѣръ, въ словѣ „захаживать”, конецъ слова „ивать” означаетъ, что тутъ рѣчь идетъ о дѣйствіи захаживанія; въ словѣ „ходатай” прибавка „атай” означаетъ, что тутъ рѣчь идетъ о человѣкѣ и т. д.

Какъ изъ одного корня вырастаетъ множество разныхъ словъ?

Значить дѣло было такъ: сначала появились у словъ корни, а потомъ къ нимъ стали приставляться приставки впереди и прибавки позади, а изъ нихъ, вмѣстѣ съ корнемъ, и вышли новыя слова. Приставокъ существуетъ множество, а потому, благодаря имъ, изъ одного корня можетъ выйти множество новыхъ словъ. Это смотря потому, какія приставки и прибавки къ нему прибавляются. И такъ было и бываетъ со всякимъ корнемъ: во время своихъ разговоровъ, люди приставляютъ и приставляли къ каждому корню то тѣ, то другія приставки и прибавки. Дѣлается это всегда для того, чтобы отгѣнить и лучше обозначить такое-то слово,—сдѣлать его болѣе понятнымъ для людей.

Но и этимъ дѣло не кончается. Въ нѣкоторыхъ языкахъ, напримѣръ, и въ нашемъ русскомъ, кромѣ приставокъ и прибавокъ еще перемѣняется немножко съ тою же цѣлью и самый корень, напримѣръ, изъ корня „мр” дѣлается въ словѣ „уморить, мер, или мир”, (смерть, умираю). А корень „ход” перемѣняется въ „хожд” (входъ, вхожденіе).

И такія перемѣны, бывають съ очень многими корнями въ нашемъ языкѣ: измѣняются они сами,—измѣняются, смотря по слову. Кромѣ корней измѣняются и приставки къ нимъ и прибавки въ началѣ и въ концѣ словъ. И все это для ясности рѣчи, для ея пущей гнбкости. А отъ этого выходитъ вотъ что:

благодаря приставкамъ, прибавкамъ, да перемѣнамъ въ корняхъ можетъ получиться изъ одного корня десять, двадцать, а иногда даже и сто новыхъ словъ, а то и больше.

Такъ и появилось множество словъ и въ русскомъ, и въ нѣмецкомъ, и во многихъ другихъ языкахъ. И у каждаго слова—свой особый смыслъ, свой отгѣночекъ, свое собственное значеніе, не совсѣмъ похожее на смыслъ и значеніе другихъ словъ.

Вотъ что дѣлають прибавки, приставки и перемѣны въ корняхъ: благодаря имъ размножаются слова въ языкѣ.

Что такое корни, прибавки и приставки?

Но что же такое эти самыя прибавки и приставки и корни? Когда-то и они тоже были особыми словами. И у нихъ былъ свой смыслъ и свое значеніе. Вотъ, напримѣръ, въ словѣ „доброму, добраго“: корень этихъ словъ—„добр“, а около него въ концѣ есть приставки „ому, аго“. Что же это за приставки? Это тѣ же слова: „ему, его“. Слово „доброму“ составлено изъ двухъ слившихся словъ: „добро, ему“. Слово „добраго“ тоже составлено изъ двухъ словъ: „добро и его“. У этихъ словъ „его, ему“ тоже есть свои корни. Или вотъ, напримѣръ, слово „входъ“. Корень его „ход“, а „в“ или „въ“ приставка. Когда то и она была особымъ словомъ, и у ней былъ свой корень, и она означала середину.

Какое-нибудь значеніе когда-то имѣли всѣ приставки и прибавки. И такъ во всѣхъ языкахъ, гдѣ онѣ имѣются.

У всѣхъ у нихъ есть и были свои корни.

Откуда и какъ появляются корни словъ?

Но откуда же взялись эти самыя корни? Объ этомъ уже было сказано: всякій звукъ, вылетѣвшій изъ человѣческихъ устъ, можетъ сдѣлаться корнемъ. Такъ, напримѣръ, изъ многихъ самыхъ обыкновенныхъ восклицаній вышло множество словъ: изъ восклицанія „охъ“ вышли слова „охать, оханье, охажій, подохвать“; изъ восклицанія „ахъ“ вышли слова „ахать,

аховый, ахтительный". Такія восклицанія вылетаютъ изъ груди сами собой, напримѣръ, отъ боли, отъ радости, отъ удивленія, а вылетѣвши, дѣлаются корнями очень многихъ словъ. Такъ и теперь бываетъ у всѣхъ народовъ, не только у русскаго. Такъ было и во всѣ времена. Такимъ способомъ сочинено изъ каждаго восклицанія множество новыхъ словъ, а сами восклицанія сдѣлались ихъ корнями. И каждый корень обросъ понемножку приставками и прибавками и попалъ въ самую сердцевину многихъ словъ.

Точно такъ же стали корнями и такіе звуки, какъ напримѣръ, „ку-ку, мяу, му, ммы". Что они такое? Это просто-напросто звукоподражанія, напримѣръ, подражаніе кукованію кукушки, мяуканью кошки, мычанью коровы. Такого рода звуки оказываются корнями даже очень многихъ словъ. Съ ними случилось тоже, что и съ обычными и естественными восклицаніями. Къ нимъ, во время разговоровъ, люди стали прибавлять впереди приставки, а позади прибавки. И появилось такимъ способомъ и изъ этихъ звукоподражаній тоже множество разныхъ новыхъ словъ, напримѣръ, „кукушка, куковать, закуковала, мяуканье, замыукать, мычать, мычанье и много разныхъ другихъ.

Во всякомъ человѣческомъ языкѣ много такихъ словъ, которыя напоминаютъ разные звуки даже вовсе нечеловѣческіе. Напримѣръ, слово „громъ, грохотъ" напоминаютъ раскаты грозы. Развѣ когда грохочетъ гроза или какой иной грохотъ не слышится намъ въ ихъ шумѣ „трррр?"... Или вотъ слово „барабанъ": онъ напоминаетъ барабанный бой: „бара-бара-барабанъ", стучать барабанныя палочки по кожѣ. Или вотъ слова „звонъ, перезвонъ": они напоминаютъ звенящіе звуки; слово „журчанье, журчащій" напоминаютъ плескъ воды бѣгущаго ручейка. Слова „жужжанье, вой"—тоже похожи на звуки природы. Много такихъ словъ въ каждомъ человѣческомъ языкѣ. Сходны они у разныхъ народовъ, хотя тѣ и живутъ въ разныхъ концахъ свѣта. И повсюду такія слова появились сами собой, потому что люди невольно подражаютъ разнымъ звукамъ при помощи своего рта. Услышать звукъ—и воспроизвестъ его при помощи собственнаго горла.

Иной разъ бываетъ такъ: одинъ какой-нибудь народъ живетъ далеко отъ насъ въ Африкѣ, а другой въ Россіи, но тотъ и другой народъ придумали почти одинаковыя слова для обозначенія одинаковыхъ предметовъ. Вотъ, напримѣръ, такой предметъ, какъ „колоколь". Далеко отъ насъ живутъ дикари аме-

риканцы, которые придумали для него название „ква-ля-ква-ляль“. Это ихъ слово звучитъ почти такъ же, какъ наше русское слово „колоколь“. По-нѣмецки колоколь „глокке“, по-французски „клош“. И въ этихъ словахъ есть тоже кое-что схожее съ русскимъ.

Почему же такое сходство? Откуда оно взялось? Появилось оно само собой, благодаря звукоподражанію. Или вотъ, на-примѣръ, слово „душка“. Даже маленькія дѣти говорятъ „пу“, подражая выстрѣлу. И многіе дикари называютъ ее „пу-пу“. Или вотъ по нашему „громъ“, а у дикарей „бамъ“. Здѣсь тоже подражаніе грому. И въ этихъ двухъ словахъ есть сходство русскаго языка съ дикарскимъ.

Вотъ такимъ способомъ, благодаря звукоподражанію, появилось въ разныхъ человѣческихъ языкахъ множество сходныхъ словъ. Въ такомъ ихъ появленіи, разумѣтся, нѣтъ ничего чудеснаго. Все выходило и выходитъ само собой, просто и естественно. И такъ ведется съ незапамятныхъ временъ, вотъ откуда иногда берутся и взялись нѣкоторые корни очень многихъ словъ въ разныхъ человѣческихъ языкахъ: изъ восклицаній, изъ криковъ и звукоподражаній.

Но корни появляются не только отъ этихъ причинъ. Иные просто-напросто появились случайно, но очень ужъ подошли къ дѣлу. Одинъ какой-нибудь человѣкъ могъ случайно придумать, другимъ людямъ эта случайная выдумка могла понравиться: поэтому они ее переняли, и она пошла въ ходъ отъ человѣка къ человѣку, и такъ по цѣлому племени. Въ такомъ появленіи новыхъ корней, опять таки нѣтъ ничего удивительнаго и чудеснаго. И здѣсь все дѣлалось и дѣлается само собой. Словомъ сказать, много есть разныхъ естественныхъ причинъ, почему появились корни въ человѣческихъ языкахъ. Появились потому, что иначе и быть не могло. А около корней появились все новыя и новыя приставки и прибавки. А такимъ способомъ, изъ корней вышли новыя слова, великое множество словъ, которыхъ теперь и не сосчитаешь.

Почему и какъ увеличивается число словъ въ нашемъ и иностранныхъ языкахъ?

Вновь придуманныя слова и въ настоящее время появляются въ нашемъ разговорѣ, можно сказать, каждый день. Мы

всѣ то и дѣло составляемъ все новыя и новыя слова изъ старинныхъ корней, старинныхъ приставокъ и прибавокъ. Иное слово выходитъ мѣткимъ. Его запоминаютъ другіе люди и тоже начинаютъ говорить его. Такимъ способомъ, оно идетъ въ ходъ и понемножку дѣлается достояніемъ цѣлаго народа. Другія же слова, составляемыя то тѣмъ, то другимъ человѣкомъ, забываются, потому что не приходится по вкусу другимъ людямъ. Такъ и идетъ съ незапамятныхъ временъ. И все это дѣлается само собой. Никто не придумывалъ и не придумываетъ какихъ-либо словъ нарочно и для каждаго отдѣльнаго случая особо. Такимъ дѣломъ занимаются всѣ люди вообще и никто въ особенности. Живутъ люди и говорятъ каждый на своемъ языкѣ, а говоря, все вносятъ да вносятъ какія-либо перемѣны въ тѣ слова, которыя ими выговариваются: то приставятъ новую приставку, то выговорятъ какъ-нибудь по новому какую-нибудь букву, то сдѣлаютъ удареніе въ томъ или этомъ мѣстѣ, то придумаютъ какъ-нибудь особенно разставлять слова въ своей рѣчи. И все это выходитъ вполне естественно. И такъ идетъ съ незапамятныхъ временъ. И всегда такъ шло. А изъ всего этого выходятъ большія перемѣны въ тѣхъ языкахъ, на какихъ говорятъ разные народы и племена.

Народы, которые говорятъ одними корнями.

Но вотъ что интересно. Есть на свѣтѣ такіе дикари, которые говорятъ одними корнями. Иначе сказать, въ ихъ языкахъ нѣтъ ни приставокъ, ни прибавокъ въ концѣ и въ началѣ словъ, а одни только корни. Вотъ они ставятъ корень рядомъ съ корнемъ, безъ всякихъ передѣлокъ и перемѣнъ, безъ всякихъ приставокъ и добавочныхъ концовъ. И такъ говорятъ даже не только народы дикіе, но и образованные, напримѣръ, китайцы. Весь китайскій языкъ состоитъ изъ однихъ корней, а корни эти всегда неизмѣнны. Китайскій языкъ — удивительный языкъ. Тамъ, что ни слово, то корень, и этотъ корень остается всегда безъ всякой перемѣны. Напримѣръ, по-китайски „фю” значитъ отецъ, „мю” значитъ мать. „Отца, отцу, отцомъ, отеческій, по-китайски всегда тоже будетъ „фю”. „Мать, матери, материнскій” всегда будетъ „мю”. „Фю” и „мю” это корни, и они никогда не перемѣняются. По-китайски родители значить „фю-мю”. „Родительскій, родителямъ, родителями” тоже всегда будетъ „фю” — „мю”. Или вотъ, напримѣръ, китайское слово „та”.

Что оно означает? У этого слова множество разных значений. По-китайски „великій“ значить „та“, „величіе“ — тоже „та“ „большое количество“ — тоже „та“, „увеличивать“ — тоже „та“. Иное китайское слово двѣнадцать-тринадцать разных значений. И все эти значенія нерѣдко совсѣмъ не похожи одно на другое.

Но какъ же въ такомъ случаѣ понимать китайцу китайца, если у разныхъ словъ звукъ одинъ и тотъ же, а смыслъ у нихъ все различный? Китайцы дѣлаютъ такъ: они каждое слово понимаютъ по разному, смотря по тому, на какомъ мѣстѣ оно поставлено въ разговорѣ, — передъ какими словами оно стоитъ и за какими словами слѣдуетъ.

Подобно этому говорятъ и сіамцы, и аннамцы, и другія племена, похожія на китайцевъ и живущія въ Индо-Китаѣ.

Напримѣръ, есть у аннамцевъ слово „ба“. Разсказываетъ одинъ путешественникъ, что онъ слышалъ, какъ одинъ аннамецъ сказалъ это слово „ба“ подрядъ цѣлыхъ четыре раза, но только съ разными удареніями, разнымъ голосомъ и на разный манеръ. „Ба-ба-ба-ба“ или „Ба-а, баа, бааааа“. Что же это означало? А вотъ что: женщина дала по оплеухѣ тремъ любимцамъ государя”.

Тожe и у сіамцевъ слово „га“ имѣетъ цѣлыхъ три смысла. То оно означаетъ „искать“, то „чуму“, то „пять“. И это смотря по тому, какъ оно выговорено и гдѣ поставлено.

Китайцы также умѣютъ выговаривать одно и то же слово по разному, какъ и сіамцы, иногда на десять разныхъ ладовъ. Смыслъ слова мѣняется, смотря по тому, какимъ тономъ его выговариваютъ.

Или вотъ, напримѣръ, маленькій разговоръ двухъ сіамцевъ. Одинъ изъ нихъ спрашиваетъ другого:

— Кхай кхай кай кхай на кхай?

Это на сіамскомъ языкѣ означаетъ: „развѣ никто не продаетъ въ городѣ яицъ“?

На это другой сіамецъ оявѣчаетъ:

— Ха най кхай фа-кхай кхай!

Это значить по-русски: „какъ же, по продавецъ сегодня боленъ“.

По-русски выходитъ здѣсь все разныя слова, а у сіамца только шесть разныхъ словъ — „кхай“, „кай“, „на“, „най“, „ха“, „фа“. Но эти шесть словъ такъ разставлены, что, смотря по

мѣсту, имѣють разное значеніе, а кромѣ того выговариваются каждое на особый манеръ. И въ концѣ концовъ получается разное.

Значить, благодаря разстановкѣ словъ да ихъ разному выговариванію, китайцы и сіамцы могутъ выразить на своемъ языкѣ что угодно, хотя и говорятъ одними корнями.

На такихъ языкахъ разговариваетъ въ настоящее время болѣе, чѣмъ пятьсотъ милліоновъ человѣкъ.

Народы, которые въ своемъ языкѣ прибавляютъ къ корнямъ приставки, но корней словъ никогда не измѣняютъ.

Но есть другіе народы, которые разговариваютъ не одними корнями. Они дѣлають такъ: корни—корнями,—они всегда остаются неизмѣнными, какъ и въ языкѣ китайцевъ, но къ нимъ всегда приставляются какія-либо прибавки, отъ которыхъ слово совѣтъмъ мѣняетъ свой смыслъ. Такъ, напримѣръ, разговариваютъ турки. По-турецки „веревка” значитъ „арканъ”, а „веревки” значитъ „арканляръ”; „на веревкѣ”—значить „арканлы” „привязывать веревкой” значитъ „арканла, „лучшая веревка” значитъ „арканлыкъ”. Значить приставляя къ слову „арканъ” то есть, къ корню разныя частички, („ляр, лык, ла, лы”), турокъ можетъ выразить все, что ему нужно. Въ такомъ языкѣ, какъ турецкій, главная суть въ этихъ частичкахъ, которыя приставляются къ корню.

Или вотъ еще примѣръ. По-турецки „тетрадь” значитъ „тефтеръ”; „моя тетрадь” значитъ „тефтеримъ”; „мой тетради” значитъ „тефтелэримъ”; „въ моей тетради” значитъ „тефтеримдѣ”. Значить и тутъ вся суть въ прибавкахъ. Такихъ прибавокъ множество и каждая передѣлываетъ смыслъ слова на свой особый ладъ. И всегда слова плотно склеиваются и складываются съ этими прибавками. Турокъ въ разговорѣ прежде всего обращаетъ вниманіе на самое слово, на корень, а потомъ ужъ на прибавку: тѣ служатъ какъ бы особыми разъясненіями словамъ, къ которымъ они приставлены.

Но что же это за прибавки? Когда-то онѣ были особыми словами,—у каждой прибавки былъ да и есть свой корень. Но мало-по-малу люди забыли, что эти прибавки тѣ же слова, а стали ихъ простыми концами словъ, какъ бы вспомогательными средствами для лучшаго обозначенія другихъ словъ.

Многіе человѣческіе языки похожи по такому своему устройству на турецкій. На такихъ языкахъ говорятъ многіе народы, напримѣръ, турки, венгерцы, якуты, киргизы, финны и разныя другіе народы и племена.

Народы, которые въ разговорѣ сливаютъ нѣсколько словъ въ одно.

Не такъ бываетъ у нѣкоторыхъ другихъ народовъ. Есть, напримѣръ, такіе народы, которые во время разговора сливаютъ по нѣсколько словъ въ одно слово, и къ тому же сливаютъ вплотную, такъ что ихъ трудно различить послѣ такого сливанія. Такъ, напримѣръ, индѣйцы изъ племени делаверовъ называютъ серебро „бѣлымъ камнемъ”. На ихъ языкѣ „бѣлый” значитъ „оникъ”, а „камень” значитъ „ассуунъ”, а серебро на делаверскомъ языкѣ значитъ — „оноссуунъ”, (а не оникъ-ассуунъ). Значитъ, изъ двухъ словъ вышло одно, только болѣе короткое, и при этомъ индѣецъ изъ слова „оникъ” еще выкинулъ цѣлыхъ два звука—„икъ”.

Или вотъ живетъ въ Сѣверной Америкѣ племя „алгонкиновъ”. На языкѣ этого племени слова „подай мнѣ челнокъ” значитъ „надхолнинимъ”. Мы говоримъ это тремя словами, а алгонкины—однимъ. Выходитъ, что у нихъ это какъ будто одно слово. Но на самомъ дѣлѣ это не одно, а три слова, только слившихся между собою: во-первыхъ, слово „натенъ”, что значитъ по-русски „дай”, во-вторыхъ, слово „амохоль”, что значитъ „челнокъ”, и въ третьихъ „нинъ”, что значитъ „намъ”. Все это совсѣмъ разныя слова, такъ что сразу и не узнаешь, что „надхолнинимъ” составилось изъ этихъ трехъ словъ, (натенъ, амохоль, и нинъ). Изъ этихъ трехъ словъ при этомъ кое-что выкинуто.

Иногда индѣйцы сливаютъ множество словъ въ одно слово. Такъ, напримѣръ, индѣецъ изъ племени чирокезовъ говоритъ однимъ словомъ:

„Винитавитегиналискавлунгтанавлетисести”.

Въ одномъ такомъ словѣ сорокъ одна буква!

И вотъ что означаетъ такое слово: „они придутъ къ этому времени къ концу со своими выраженіями благосклонности по отношенію къ тебѣ и ко мнѣ”.

По-русски выходитъ восемнадцать словъ, а у индѣйцевъ чирокезовъ всего лишь одно, длинное, составленное изъ мно-

гихъ словъ, слившися между собою вплотную. Если изъ него выдѣлнить каждое отдѣльное слово, такъ оно звучитъ не такъ, какъ слившися съ другими.

Мы, русскіе, и понять даже не въ силахъ, какъ это можно разговаривать, сливая слова такимъ способомъ. А индѣйцы не въ силахъ понять, какъ это такъ можно разговаривать, вовсе не сливая словъ. На ихъ взглядъ выходитъ, что если не сливать, такъ разговоръ будетъ черезчуръ длиннымъ и придется работать языкомъ больше чѣмъ слѣдуетъ.

Подобно индѣйцамъ говорятъ и дикіе гренландцы. Напримеръ, гренландецъ желаетъ сказать: „возьми трубку, набей ее табакомъ и дай мнѣ”. По гренландски это выходитъ: агглекигуарторазуаринарнок”. Это длинное слово тоже составлено изъ многихъ отдѣльныхъ словъ, и всѣ тѣ слова тоже слиты между собою по гренландскому обычаю.

Народы, которые передѣлываютъ и корни, и окончанія словъ, смотря по тому, что хотятъ высказать.

Многіе народы всегда сливаютъ во время разговора отдѣльные слова такимъ же способомъ, какъ индѣйцы чирокезы и алгонкины, гренландцы и другіе. А въ нашемъ русскомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ и никогда не было такого обычая сливать всѣ слова въ одно, да еще сокращая ихъ. Не бываетъ этого и въ нѣмецкомъ, испанскомъ, и англійскомъ, и греческомъ, и латинскомъ, и армянскомъ, и иранскихъ, и въ санскритскомъ языкахъ *). Народы, говорящіе на этихъ языкахъ, обходятся иначе. Они не сливаютъ отдѣльныхъ словъ въ одно слово, они не говорятъ одними корнями. Больше всего имъ помогаетъ въ разговорѣ обычай передѣлывать корни, да кромѣ того мѣнять окончанія словъ, приставлять къ корнямъ въ началѣ и въ концѣ разныя приставки и прибавки, а ихъ плотно-наплотно сливать съ корнями, такъ что каждое слово кажется словно сдѣланнымъ изъ одного куска, и трудно бываетъ и разобрать, что

*) Латинскій языкъ—это значить древне-итальянскій,—на немъ говорили въ Италіи тысячи полторы лѣтъ тому назадъ и еще раньше. Теперь итальянцы не говорятъ на этомъ языкѣ. Иранскіе или зендскіе языки, это тѣ, на которыхъ говорили болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ нѣкоторые народы, жившіе въ теперешней Персіи. Санскритскій языкъ древне-индусскій. На немъ теперь тоже не говорятъ ни одинъ народъ.

въ этомъ словѣ его корень, а что приставки. Вотъ, напримѣръ, русское слово „надменный“. Корень этого слова „ду“, только передѣланный. „На“—это значить приставка, „мый“—это окончаніе. Корень „ду“ это значить „дуть“. Надменный—это значить „надутый“. Въ такомъ случаѣ корень не легко различается. Въ одномъ словѣ онъ „ду“, въ другомъ онъ звучить иначе, въ третьемъ опять иначе. И такихъ словъ очень много въ нашемъ русскомъ языкѣ. А окончанія словъ мы, русскіе, въ разговорѣ постоянно мѣняемъ, напримѣръ: то мы скажемъ „надменный“, то „надменнаго“, то „надменному“.. Или „дуть“, „дулъ“, „дули“, „ходить“, „хожу“, „ходимъ“. У всѣхъ этихъ словъ концы все разные.

Совѣтъ не такъ бываетъ, напримѣръ, въ турецкомъ языкѣ. Тамъ корень всегда остается безъ перемѣны.—онъ бросается въ глаза, и его легко отдѣлить отъ разныхъ приставокъ.

Совѣтъ не такъ бываетъ и въ китайскомъ языкѣ. Тамъ корень стоитъ особнякомъ, а приставокъ никогда и никакихъ не бываетъ.

Значить, языкъ языку рознь. Есть языки, составленные изъ однихъ корней: есть языки, у которыхъ корни съ приставками: наконецъ, есть языки, какъ нашъ, у которыхъ гнутся игибаются, мѣняются и корни, и приставки, и окончанія.

Значить, человѣческіе языки не все на одинъ ладъ. У каждаго племени, у каждаго народа, есть свой обычай, своя привычка, своя манера, какъ составлять слова, и свои манеры, какъ изъ отдѣльныхъ словъ составлять разговоръ.

Какъ нѣкоторыя слова переходятъ изъ одного языка въ другой.

Люди съ незапамятныхъ временъ имѣютъ разныя сношенія другъ съ другомъ. То у нихъ ведется торговля, то народъ нападаетъ на народъ, и народы дерутся и покоряютъ другъ друга. То народы живутъ тихо и мирно рядомъ, вступаютъ между собою въ браки, вмѣстѣ охотятся. Благодаря разнымъ сношеніямъ, всегда отъ одного народа къ другому переходить множество словъ изъ иностранныхъ языковъ. Въ каждомъ языкѣ всегда имѣются иностранныя слова. При переходѣ отъ народа къ народу, слово понемножку мѣняется, потому что чужія слова, съ непривычки, не всякій можетъ выговаривать, какъ слѣдуетъ. Такъ, напримѣръ, русскій говоритъ: „званція“, а французъ

„киттанс“, и при этомъ еще выговариваетъ „анс“ особымъ способомъ, въ носъ. Или вотъ слово „транжирить“, то-есть бросать деньги и вообще добро на вѣтеръ. Это слово—не русское, а французское, только въ русской передѣлкѣ. Придумали его господа русскіе помѣщики, которые ѣздили въ „этранже“, то-есть за-границу, прокучивать народныя денешки. „Этранже“—французское слово, которое по-русски значитъ „заграница“.

Не всякій русскій выговоритъ иное иностранное слово. У русскаго языка во рту не привыкъ такъ ворочаться, какъ у француза, а можетъ быть, и устройство рта и губъ не совсемъ такое, какъ у того. Иные народы, напримѣръ, нѣмцы, не могутъ выговорить ж-ж-ж и щ-щ-щ. У нихъ вмѣсто этого выходитъ ш-ш-ш и сш-сш-сш. Французъ не можетъ выговорить ы.

Иные индѣйцы не могутъ выговорить п, у нихъ выходитъ б. Одинъ католическій священникъ училъ мексиканскихъ индѣйцевъ молитвъ „Патеръ ностеръ“, то-есть, „Отче нашъ“, на латинскомъ языкѣ. Какъ ни старались индѣйцы выговорить „патеръ ностеръ“,—все у нихъ выходило „пахтль нохтль“. Въ каждомъ языкѣ есть свои звуки и буквы. Въ русскомъ языкѣ насчитывается ихъ 34, въ нѣмецкомъ и французскомъ—меньше въ греческомъ и латинскомъ—еще меньше. У дикарей линезійцевъ, живущихъ на островахъ Великаго Океана, всего лишь 8 звуковъ въ языкѣ, у дикихъ австралійцевъ тоже всего лишь 8. Не мудрено, что иныя иностранныя слова, передѣлываются на другой ладъ при переходѣ отъ народа къ народу.

Ни одинъ языкъ не обходится безъ чужихъ словъ. Во всѣхъ языкахъ становится ихъ понемногу больше и больше.

Иное слово переходитъ отъ одного народа къ другому, а отъ того къ третьему, къ четвертому, пятому, десятому и т. д. Есть такія слова, которыя обошли весь свѣтъ и встрѣчаются почти у всѣхъ народовъ, хотя и въ передѣланномъ видѣ. Такъ, напримѣръ, греческое слово „Христосъ“. Его можно услышать повсюду, гдѣ есть хоть одинъ христіанинъ, или хоть одинъ проповѣдникъ христіанства. Есть и другія слова, которыя вошли въ языки очень многихъ народовъ.

Въ нашемъ русскомъ языкѣ тоже встрѣчается множество иностранныхъ словъ, напримѣръ, греческихъ, латинскихъ,

французскихъ, татарскихъ, английскихъ, голландскихъ, польскихъ, шведскихъ, финскихъ, нѣмецкихъ, арабскихъ, еврейскихъ и даже индѣйскихъ, и многихъ другихъ племень и народовъ. Такъ, слово „сахаръ”—слово арабское, „кочанъ”, „кукла”, „хозяйинъ”—это слова татарскія. Слова „бочка”, „кнутъ”, „булка”, „мечъ”—слова древне-нѣмецкія. Слова „дюжина”, „царь” (цезарь), „ягненокъ”¹—слова латинскія. Слова „теремъ”, „комната”, „монархъ”, „нанихида”, „литургія”—слова греческія. „Суббота”—слово древне-еврейское. „Шоколадъ”, „какао”, „томать”—слова мексиканскихъ индѣйцевъ. „Хининъ”, „картофель”—слова изъ американской страны Перу. Слова „гамакъ”, „ураганъ”—индѣйскія слова съ острова Гаити. А нѣмецкія слова, попавшія въ русскій языкъ, считаются цѣлыми сотнями, равно какъ и французскія. Но всегда можно отличить свое слово отъ чужого, хотя иной разъ это и не легко.

**Въ разныхъ языкахъ у разныхъ народовъ встрѣчается слова,
выросшія изъ однихъ и тѣхъ же корней.**

Но есть въ разныхъ языкахъ еще очень схожія слова одного рода: они къ тому же вовсе не заимствованы изъ чужихъ иностранныхъ языковъ, а просто-напросто выросли изъ одинаковыхъ корней,—изъ однихъ и тѣхъ же корней. Другими словами,—языки могутъ быть разными у разныхъ народовъ, а корни многихъ словъ все таки могутъ быть у нихъ одинаковые. Вотъ, напримѣръ, русское слово „братъ”. Корень этого слова „братъ”. Изъ этого корня выросло, появилось множество разныхъ словъ, напримѣръ, „братство”, „братскій”, „любратанство”. Слово „братъ”—чисто русское слово. Но вотъ далеко, далеко отъ Россіи, въ Азіи есть страны Индія и Персія. На древне-индѣйскомъ и древне-персидскомъ языкахъ слово „братъ” звучитъ почти такъ же, какъ по русски!. По древне-персидски „братъ” значитъ „братаръ”, по древне-индѣйски тоже „братаръ”. И въ этихъ словахъ здѣсь и тамъ оказывается тотъ же самый корень „братъ”. и изъ этого корня въ тѣхъ языкахъ тоже выросло много словъ древне-индѣйскихъ и древне-персидскихъ.

Но вотъ что особенно достойно вниманія: слово „братъ” пришло въ эти языки не изъ чужихъ языковъ. Оно передано по

наслѣдству отъ предковъ,—отъ дѣдовъ, прадѣдовъ и пра-пра-прадѣдовъ, то-есть отъ людей той же самой крови, но только жившихъ давнымъ давно, въ глубокую старину. Это можно узнать вотъ почему: слово это встрѣчается въ очень старинныхъ индійскыхъ и персидскихъ книгахъ, а книги эти написаны еще тогда, когда на свѣтѣ не было ни нѣмецкаго, ни французскаго, ни русскаго, ни греческаго, ни латинскаго, ни литовскаго, ни армянскаго языковъ. Значить, слово „братъ” могло притти въ эти языки лишь изъ старинныхъ языковъ. Оно оттуда и пришло.

Это тоже доказано съ точностью и достовѣрностью и вотъ какимъ способомъ.

Ученые продѣлали огромную и трудную работу. Они записали и до сихъ поръ еще записываютъ все слова во всехъ человѣческихъ языкахъ, какіе только есть и были на землѣ. Изъ этихъ записанныхъ словъ ученые составляютъ особые словари для каждаго языка. Потомъ они сравниваютъ слово со словомъ, нарѣчіе съ нарѣчіемъ, слова. Они разсматриваютъ, въ какихъ словахъ ихъ основы (то-есть корни) одинаковы, а въ какихъ разныя. Это дѣло очень трудное и требуетъ много ума, знанія, таланта, догадливости, усидчивости и вниманія. Но такимъ только способомъ узнаны корни многихъ словъ. Такимъ же только способомъ узнана и исторія каждаго слова, то-есть, выяснено, какъ это слово произносилось въ старину и какъ произносится теперь, да какой смыслъ оно имѣло въ старину и какой имѣетъ теперь, и какія перемѣны произошли съ какимъ словомъ въ теченіе времени. Вотъ такимъ способомъ ученые и узнали, что слово „братъ”—коренное русское слово. Но вотъ что еще оказалось: это самое слово „братъ”—не только русское коренное слово,—оно же коренное слово древне-индійскаго (санскритскаго) и древне-персидскаго (иранскаго) языковъ. Это же слово „братъ”—коренное слово многихъ другихъ языковъ и другихъ народовъ, хотя каждый народъ немножко и переначиваетъ его, когда выговариваетъ.

Интересно посмотрѣть, какъ разные народы передѣлали его на разные лады. Такъ, напимѣръ, по ново-нѣмецки „братъ” значить „брудеръ”, по-гречески—„фретеръ”, по-латински, то-есть, древне-итальянски, братъ—„фратеръ”, по-французски—„фреръ”, по-кельтски *)—„братиръ”, по древне-нѣмецки—„бротаръ”, по-литовски „бротерилис”. А вотъ слово „дочь”, „дщерь”, или „дочерь”: по-санскритски дочь—„дугитаръ”, по древне-пер-

ски „дугда“, по-армянски—„доустр“, по-гречески „дига-теръ“, по древне-нѣмецки „даухтар“, по ново-нѣмецки „дохтер“, по древне-славянски „дщерь“ и „дочерь“, по-литовски „дукте“. Во всѣхъ этихъ словахъ чувствуется, что они сродни другъ другу, хотя и звучать неодинако у разныхъ народовъ, на разныхъ языкахъ.

То же самое вышло со словомъ „мать“. Мать, по-санскритски и по древне-персидски „матар“, по-гречески „метар“, по-латински „матер“, по древне-ирландски или кельтски „матир“, по древне-нѣмецки „муотар“, по ново-нѣмецки „муттер“, по-армянски „маир“, по-литовски „моте“, по-славянски „мати“. „Вдова“ по-русски.—„видава“, по древне-индуски, „вितве“ по-нѣмецки, „вевъ“—по французски. И такихъ сходныхъ словъ во многихъ языкахъ великое множество.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что ниня слова звучать одинаково, а они взяты изъ языковъ разныхъ народовъ. И народы эти иной разъ живутъ очень далеко одинъ отъ другого.

Такъ, напримѣръ, отъ Россіи, Франціи, Германіи, Италиі очень далеко до Индіи или до Персіи. Отъ тѣхъ же странъ не близко и до Греціи. Но, несмотря на это, встрѣчается очень много одинаковыхъ словъ въ слѣдующихъ языкахъ: греческомъ, латинскомъ, русскомъ и другихъ славянскихъ, французскомъ, испанскомъ, итальянскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, кельтскомъ, литовскомъ, армянскомъ, древне-персидскомъ, древне-индійскомъ. Языки разные, народы разные, живутъ далеко одинъ отъ другого, а словъ почти одинаковыхъ у нихъ много.

И не только одинаковыхъ словъ, но и одинаковыхъ корней. Вотъ это-то особенно и удивительно. Напримѣръ, на всѣхъ этихъ языкахъ корень „да“ означаетъ „давать“. Корень „вед“ означаетъ „вѣдать“, „знать“, корень „ид“ означаетъ „итти“, „гар“,

*) Кельты—старинный народъ, который жилъ около тысячи или полуторы тысячи лѣтъ тому назадъ въ нынѣшней Франціи, Англии и въ некоторыхъ другихъ странахъ. Потомки этого народа существуютъ до сихъ поръ, хотя и смѣшались кровью съ другими народами. Они говорятъ и понынѣ на языкѣ, который произошелъ изъ стариннаго кельтскаго. Таковы, напримѣръ, и нѣкоторые жители Валлеа (въ Англии) и Ирландіи.

„гер“, „жар“,— горѣть и т. д. Такихъ корней у разныхъ народовъ наберется даже больше чѣмъ тысяча. И не только корни, но и кой-какіе обороты рѣчи, то-есть способы, манеры разставлять слова въ разговорѣ. Это еще болѣе удивительно. Откуда такое сходство? Неужели оно произошло случайно? Неужто это случай простой? Почему же это въ языкахъ разныхъ народовъ такъ много одинаковыхъ корней и схожихъ оборотовъ рѣчи?

Вовсе нѣтъ. Самая-то суть дѣла объясняется гораздо проще. Сходство въ корняхъ словъ и въ оборотахъ рѣчи въ языкахъ разныхъ народовъ вышло вотъ почему: потому что эти языки сродни одинъ другому. Вся суть въ этомъ родствѣ ихъ, а не въ случаѣ. Вѣдь уже было сказано, что корень такого-то слова — это значить, самая старинная часть этого слова, которая даетъ ему его значеніе, когда-то и самъ былъ словомъ.

Но когда же это было? Очень давно,—когда люди говорили такими словами, что каждое слово было однимъ чистымъ корнемъ, безъ приставокъ, прибавокъ и перемѣнъ. Если есть въ таком-то языкѣ, такого-то народа, такіе-то корни, значить предки этого народа въ старину говорили этими самыми корнями. Если есть они и у другого народа,—значить, предки и этого народа тоже говорили тѣми самыми словами-корнями. Есть они у третьяго,—значить, и его предки говорили также.

Родство языковъ показываетъ нѣкоторое родство и самихъ народовъ. Если бы не было родства между народами въ такую далекую старину, вѣрнѣе всего они говорили бы тогда на разныхъ языкахъ. Значить, и корни словъ у этихъ языковъ были бы всѣ разные. И во всякомъ случаѣ въ этихъ языкахъ не было бы такого большого числа совершенно одинаковыхъ корней и сходныхъ оборотовъ рѣчи.

Поэтому выходитъ, что предки грековъ, итальянцевъ, французовъ, русскихъ, нѣмцевъ, литовцевъ, ирландцевъ, персовъ и индусовъ, всѣ говорили когда-то одними и тѣми же корнями, то-есть на одномъ и томъ же языкѣ.

Иначе говоря, когда-то всѣ эти народы произошли отъ предковъ, говорившихъ на одномъ и томъ же языкѣ. То-есть всѣ эти народы—родственники другъ другу по языку, и у всѣхъ у нихъ, надо полагать, общіе предки.

Какъ и почему и откуда появляются новые языки на землѣ?

Выговариванье мѣняется, смотря по челѣвѣку и по мѣстности. Напримѣръ, саратовецъ говорить слово „дѣдъ“, а бѣлорусецъ выговариваетъ это же самое слово не дѣдъ, а „дзѣдъ“. Москвичъ выговариваетъ „дѣвка“, а гродненскій крестьянинъ произноситъ то же самое слово „дзеука“. Москвичъ говорить „тетка“, а бѣлорусецъ—„цотка“. Бѣлоруссы цокають. Ярославцы, владимирцы, костромичи, новгородцы, какъ извѣстно, говорятъ на о, — окаяють. Калужане, тверичи, акають и якають. Значить, смотря по мѣстностямъ, бывають въ одномъ и томъ же языкѣ разные говоры, разные произношенія и выговариванія словъ. И племя одинаково, и языкъ во многомъ одинаковый. Но все таки въ разныхъ мѣстахъ съ этимъ языкомъ идутъ да идутъ разныя перемѣны. И слова придумываются и идутъ въ ходъ разныя, смотря по мѣстности. Разговоръ москвича уже не похожъ кое-чѣмъ на разговоръ владимирца: разговоръ великоросса еще больше не похожъ на разговоръ бѣлорусса. Еще меньше похожъ разговоръ кацана на разговоръ „хохла“. Еще меньше онъ похожъ на разговоръ поляковъ, еще меньше — на разговоръ чеха. И вотъ что еще интересно: въ старину было гораздо больше сходства, чѣмъ теперь, между языками великоруссовъ, бѣлоруссовъ, малороссiянъ, болгаръ и даже поляковъ и чеховъ. Въ ихъ языкахъ было гораздо больше одинаковыхъ словъ, чѣмъ теперь, да и обороты рѣчи были тогда болѣе схожи. Это видно по стариннымъ книгамъ, написаннымъ сотни лѣтъ тому назадъ, на всѣхъ этихъ языкахъ.

Всякому, напримѣръ, извѣстно, что старинные языки вовсе не похожи на новые, теперешнiе языки. Напримѣръ, древне-русскiй языкъ совсѣмъ не такой, какъ тотъ, на которомъ мы говоримъ теперь. Въ старину русскiе люди говорили и писали, примѣрно, на томъ языкѣ, на какомъ написаны церковныя книги. Эти книги перешли къ намъ изъ Болгарiи. Лѣтъ 900 тому назадъ болгары говорили на такомъ языкѣ, на которомъ написаны эти книги. Старинный болгарскiй языкъ называется у насъ церковно-славянскимъ. Онъ сохранился только въ церковныхъ книгахъ. На немъ теперь уже никто не говоритъ. Въ старину всѣ русскiе люди говорили вродѣ какъ на церковномъ языкѣ. Тогдашнiй болгарскiй языкъ былъ болѣе похожъ на тогдашнiй русскiй. Было это примѣрно около тысячи лѣтъ тому назадъ. Вотъ какъ перемѣнилось за тысячу лѣтъ наша русская разговорная рѣчь. И это по мелочамъ и не замѣтно.

Напримѣръ, псковской крестьянинъ знаетъ такія слова, какихъ саратовецъ и не пойметъ. Псковичъ скажетъ, напримѣръ слово „рахманный“, (небойкій), а саратовцу это слово непонятно, и онъ поневолѣ переспрашиваетъ, что оно такое.

Такъ что и выходитъ, что перемѣны въ разныхъ языкахъ идутъ себѣ да идутъ,—дальше и дальше, и все по разному. И онѣ въ концѣ концовъ заходятъ очень далеко, такъ что одинъ языкъ становится совсѣмъ непохожимъ на другой.

И какъ далеко могутъ идти эти перемѣны? Имъ не положено никакого предѣла. Онѣ хоть совершаются очень медленно по все-таки могутъ зайти очень далеко—такъ далеко, что въ разныхъ мѣстностяхъ изъ одного и того же языка получится съ теченіемъ времени совсѣмъ другой языкъ, а то и нѣсколько языковъ. Такимъ способомъ и происходили и происходятъ языки изъ языковъ. Разные говоры понемножку дѣлаются разными нарѣчіями. Разныя нарѣчія дѣлаются разными языками. А языки становятся все меньше и меньше похожи одинъ на другой, такъ что въ концѣ концовъ объ ихъ родствѣ можно узнать только съ большимъ трудомъ. И не по словамъ, а по корнямъ словъ и оборотамъ рѣчи, коли они схожи межъ собой. Но мѣняются и обороты рѣчи и даже манеры выговаривать слова.

Разнымъ перемѣнамъ въ языкахъ помогаетъ еще вотъ что: вѣдь племена и народы живутъ на землѣ рядомъ одинъ съ другимъ. Люди одного племени вступаютъ нерѣдко въ браки съ людьми другого племени, смѣшиваются между собою кровью. Кромѣ того, разныя племена враждуютъ и воюютъ, племя покоряетъ племя, иногда огнемъ и мечомъ. Все это ведетъ и всегда вело къ тому, что племена съ племенами перемѣшиваются, а это сильно увеличиваетъ тѣ перемѣны, которыя происходятъ съ языками разныхъ народовъ. Кромѣ того, народъ отъ народа перенимаетъ разныя изобрѣтенія, а вмѣстѣ съ ними переходятъ и названія этихъ изобрѣтеній. Значитъ, ужъ не приходится говорить, что такой-то языкъ такого-то народа всегда былъ, есть и будетъ такимъ, какъ теперь. Въ старину онъ былъ вовсе не такой, какъ теперь, да и въ будущее время, навѣрно, перемѣнится.

Но большія перемѣны случились не только съ русскимъ языкомъ, но и со всѣми другими, какіе только есть и были на

земль: и съ французскимъ, и съ нѣмецкимъ, и съ индійскимъ, и съ американскимъ, и такъ даже. Такъ, напримѣръ, теперешній итальянскій языкъ вовсе не похожъ на языкъ латинскій, а онъ произошелъ изъ языка латинскаго, который нѣсколько смѣшался съ старинными нѣкоторыми другими языками. Нынѣшній индійскій языкъ не похожъ на старинный индійскій, который называется санскритскимъ. А онъ произошелъ изъ санскритскаго.

Такъ перемѣняются все языки, въ томъ числѣ и языки, на которыхъ говорятъ разные дикія племена. У дикихъ племень они перемѣняются еще скорѣе, чѣмъ у народовъ образованныхъ, потому что дикія племена болѣе малочисленны, чѣмъ образованные народы. Въ языкѣ дикарей случаются иногда перемѣны въ очень короткое время. Напримѣръ, въ Америкѣ ии ся иной разъ въ сто, а то и въ пятьдесятъ лѣтъ. Живетъ какое-то племя придумываютъ какія-нибудь новыя слова, для названій нѣбольшое племя южно-американскихъ индѣйцевъ въ своей странѣ. Страна эта очень лѣсистая. Индѣйцы кочуютъ по лѣсамъ небольшими деревнями и семьями. Лѣса тамъ огромные, а людей мало, такъ что одно племя иной разъ по десяткамъ лѣтъ совсѣмъ не видитъ людей другого племени. Каждое живетъ само по себѣ. А живя такъ, дикари все таки волей неволей придумываютъ какія-нибудь новыя слова, для названій новыхъ вещей. Новыя слова и здѣсь придумываются, а старыя забываются. Благодаря этому перемѣняется языкъ, на которомъ говорятъ эти дикари. Выходитъ такъ, что въ иныхъ мѣстахъ чуть ли не въ каждой деревнѣ оказывается свой особый языкъ, котораго не понимаютъ люди изъ другой деревни: племя одно и то же, а языкъ совсѣмъ другой. Такъ быстро они дѣлаются они непохожими.

Но такъ бываетъ только съ языками очень малочисленныхъ народовъ. У большихъ племень никакъ не можетъ случиться этого. Если велико число людей, говорящихъ на такомъ то языкѣ, то языкъ этотъ перемѣнится не быстро. Если люди этого племени живутъ на большомъ пространствѣ земли и имѣютъ между собою общеніе,—эти обстоятельства тоже мѣшаютъ быстрымъ перемѣнамъ въ ихъ языкѣ. Но перемѣны все таки идутъ повсюду, во всехъ языкахъ. Въ иномъ мѣстѣ быстрой, въ иномъ медленней, когда тише, когда скоро. Идутъ,—и остаются не могутъ. Такъ и всегда было, и всегда будетъ.

А отъ накопленія такихъ перемѣнъ появляются языки новые и пропадаютъ съ лица земли языки старинные.

Какъ и почему пропадаютъ языки съ лица земли и на нихъ люди перестаютъ говорить?

Бывало перѣдко такъ, что старинные языки совершенно пропадали съ лица земли. А когда-то на нихъ говорили миллионы людей. Но говорили—и перестали говорить. Въмѣсто этихъ старинныхъ языковъ сдѣлался совсѣмъ другой языкъ. Такихъ старинныхъ вымершихъ языковъ очень много. Ихъ всѣхъ и не пересчитаешь. Отъ нихъ и остались только какія-нибудь книги или надписи, которыхъ иной разъ и разобрать невозможно. Напримеръ, церковно-славянскій языкъ — вымершій языкъ, санскритскій—тоже, древне-персидскій—тоже, древне-нѣмецкій — тоже, латинскій—тоже. И всѣ эти языки успѣли пропасть съ лица земли за тысячу или за полторы тысячи лѣтъ.

Что же это значитъ,—такіе-то языки пропали съ лица земли? Это значитъ, что на нихъ всѣ люди мало-по-малу перестали говорить. Почему же перестали? А потому что понемножку появились болѣе подходящія слова и обороты рѣчи, такія которыя гораздо болѣе удобны для выраженія человѣческихъ мыслей и чувствъ. Они-то понемножку и вытѣснили прежнія, старинныя да и теперь вытѣсняють. Такое вытѣсненіе тоже дѣлается лишь мало-по-малу, а сразу не бываетъ никогда.

А если языки могутъ появляться и пропадать за одну только тысячу лѣтъ, то какія же перемѣны могутъ происходить съ ними за десять, и за двадцать, и за сто тысячъ лѣтъ? *)

Какъ разные человѣческіе языки раскрываютъ великую древность человѣческаго рода.

Сколько же времени тому назадъ всѣ люди на землѣ жили по-звѣриному? Это было по меньшей мѣрѣ десятки, а, можетъ

*) Въ настоящее время узнано съ точностью и достовѣрностью, что человѣчeskій родъ существуетъ на землѣ многіе десятки, а можетъ быть и сотни тысячъ лѣтъ. Какимъ способомъ объ этомъ узнали, рассказано въ книжкѣ Н. Рубакина: „Когда, какъ и почему появились люди на землѣ”. Изд. „Прометей”.

быть, и сотни тысячъ лѣтъ до насъ. О столь пожиломъ возрастѣ человѣческаго рода можно узнать по человѣческому языку, и вотъ какимъ способомъ.

Прежде всего интересно узнать съ точностью и съ достовѣрностью, сколько времени существуетъ на свѣтѣ, напимѣръ, тотъ языкъ, на которомъ мы говоримъ. Это можно узнать по стариннымъ книгамъ.—стоитъ лишь посмотрѣть какимъ языкомъ онѣ написаны. Есть русскія книги, которымъ насчитывается около девятисотъ лѣтъ. Онѣ хранятся во многихъ библіотекахъ. Есть, напимѣръ, такія въ Императорской Публичной библіотекѣ въ Петербургѣ. На какомъ же языкѣ онѣ написаны? Вообще не на такомъ, на какомъ говоримъ мы, а на старинномъ русскомъ языкѣ, на которомъ говорили девятисотъ лѣтъ тому назадъ русскіе люди. Ихъ языкъ гораздо больше похожъ на церковный языкъ, чѣмъ на нашъ теперешній. Такъ, напимѣръ, въ одной старинной книгѣ написано: „рече царь, молю тя, отпусти нынѣ грѣхъ раба твоего; аще не люби ти, а ворочуся дому моему“. Вотъ какъ говорили старинные русскіе люди. А мы теперь тоже самое говоримъ такъ: „ли царь сказалъ; молю тебя, отпусти нынѣ грѣхъ твоего раба. Если тебѣ не любо, то я возвращусь въ мой домъ“. Ясное дѣло, что за девятисотъ лѣтъ, перемѣнились сильно нашъ разговоръ, появились новыя слова, замѣнили собою прежнія, старинныя; перемѣнились и обороты рѣчи, способы выражаться. Значить, вотъ какая перемѣна произошла въ нашемъ русскомъ языкѣ за девятисотъ лѣтъ!

Подобно этому измѣнились и языкъ итальянскій. Теперь итальянцы говорятъ, напимѣръ: „ли ва піано—васано“. А тысячу и полторы тысячи лѣтъ тому назадъ, итальянцы выражали тоже самое такъ: „кви вадитъ плануъ, вадитъ санумъъ, (кто идетъ тихо, идетъ здорово). Ясное дѣло, итальянская рѣчь за полторы тысячи тоже сильно перемѣнилось. Подобно этому перемѣнились и другіе языки.

Много тысячъ лѣтъ тому назадъ не было на свѣтѣ ни русскаго племени, ни нѣмецкаго, ни французскаго, ни греческаго, ни индусскаго, ни персидскаго, а былъ какой-то другой народъ. Онъ населялъ какую-то страну, и все люди этого народа, говорили на одномъ и томъ же языкѣ. Но вотъ этотъ народъ съ теченіемъ времени размножился, ему стало тѣсно, и онъ пересе-

лился изъ своей страны въ разныя другія страны. Пошли переселенцы этого народа кому куда вздумалось и куда было можно и нужно. Человѣкъ шелъ за человѣкомъ, толпа шла за толпой, и иной разъ заходила очень далеко отъ мѣста своей первоначальной родины.

Сначала переселенцы, живя на новомъ мѣстѣ, говорили на своемъ прежнемъ, то есть, старинномъ языкѣ, которому научились отъ своихъ родителей. На новыхъ мѣстахъ приходится иной разъ вести новую жизнь, — приходится сталкиваться съ другими народами, видѣть кое-что новое, да и придумывать новое. А въ томъ числѣ и новыя слова для разговора. Извѣстно, съ теченіемъ времени языкъ перемѣняется. Въ языкѣ переселенцевъ все стали появляться все новыя и новыя слова. Такихъ раньше не было. У разныхъ переселенцевъ въ разныхъ мѣстахъ стали появляться и разныя новыя слова. Ихъ копилось понемножку все больше и больше. Они шли въ ходъ отъ человѣка къ человѣку и прибавлялись къ другимъ словамъ того же языка, на которомъ говорили эти люди, научившіеся имъ отъ своихъ отцовъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Кромѣ того, и прежнія слова съ теченіемъ большого времени нерѣдко передѣлывались, — то есть, люди начинали выговаривать ихъ на новый ладъ. Иначе и быть не могло въ новыхъ обстоятельствахъ жизни: отъ перемѣны этихъ обстоятельствъ мѣняются вѣдь не только языки, но и сами люди, устройства ихъ рта и носа *), а значить, и ихъ манера выговаривать слова.

Люди сами не замѣчали и не замѣчаютъ, что они дѣлали, выговаривая такія то слова такъ, а не иначе. А они дѣлали огромное дѣло: благодаря имъ конились и конятся перемѣны въ ихъ родномъ языкѣ. Конятся по мелочамъ, совершенно незамѣтно, а всетаки конятся. И вотъ что вышло отъ такихъ перемѣнъ, отъ прибавки новыхъ словъ, да отъ иного выговариванія старыхъ: прежній родительскій языкъ переставалъ быть такимъ, какимъ онъ былъ раньше, на прежней родинѣ. Онъ мѣнялся да мѣнялся. Дѣлалось это очень медленно, но всетаки всегда дѣлалось. Да и въ настоящее время дѣлается у всѣхъ народовъ, какіе только живутъ на землѣ. Кромѣ того, инныя старинныя слова, съ теченіемъ времени просто-на-просто забывались, какъ и теперь забываются. Понемногу было забыто

*) Напримѣръ, въ холодныхъ странахъ южанинъ легче простужается, чѣмъ сѣверанинъ, который привыкъ уже къ холодамъ.

много старинныхъ словъ **). Эти забытыя слова замѣнились новыми, которыя болѣе подошли къ обстоятельствамъ. Но и вновь придуманныя слова не всегда идутъ и шли въ ходъ. Такъ и теперь иное слово бываетъ въ ходу у людей лишь въ какой нибудь небольшой округѣ. Вотъ какимъ способомъ появляются новыя языки на землѣ. Дѣло начинается съ малаго и незамѣтнаго, съ разнаго выговариванія разныхъ словъ.

На большія перемѣны въ языкѣ нужно и большое время. Чѣмъ больше перемѣны, тѣмъ больше нужно времени. Сколько же его нужно, чтобы изъ одного языка сдѣлался совсѣмъ другой? Посмотримъ. Уже было сказано, что у многихъ языковъ оказались одинаковыя корни очень многихъ словъ и весьма схожіе обороты рѣчи. Вотъ, напримѣръ, у какихъ языковъ это подмѣчено и доказано съ точностью и достовѣрностью: у языковъ славянскихъ, германскихъ, пранскихъ, въ языкѣ армянскомъ, греескомъ, латинскомъ, кельтскомъ, литовскомъ и санскритскомъ. Эти языки называются языками арійскими. Такое-то сходство всѣхъ этихъ языковъ и показываетъ, что между ними существуетъ родство: по-просту сказать, всѣ они произошли когда-то изъ какого-то одного общаго языка, который называется арійскимъ. На немъ когда-то говорилъ народъ, имя которому дано—арійцы. Какое же нужно было время, чтобы изъ того стариннаго языка произошло множество другихъ языковъ? Сколько лѣтъ тому назадъ на землѣ ни одинъ человѣкъ не говорилъ на этихъ языкахъ? Это время нужно считать не меньше, какъ многими тысячами лѣтъ. За одну или за полторы тысячи лѣтъ человѣческой языкъ не можетъ такъ перемѣниться, что изъ одного языка выйдетъ совсѣмъ другой. Одно дѣло такая перемѣна, какаѣ произошла съ русскимъ языкомъ за тысячи лѣтъ, и другое дѣло—перемѣна еще большая. Какъ ни какъ, а мы, русскіе, все-таки можемъ читать и понимать русскую книгу написанную девятьсотъ лѣтъ тому назадъ. А можетъ ли, напримѣръ, нетерпѣливый итальянецъ понимать книгу латинскую? Это

*) Напримѣръ, забыты или вышли изъ обихода такія старинныя слова: „лубо“, „аше“, „дцать“, „дучно“ и др. Закылсь и старинныя обороты рѣчи, напримѣръ, „быхъ“ и „тѣкохъ“, „взалкахъ“. Перемѣнился смыслъ многихъ словъ. Напримѣръ, въ старину слово „тъма“ значило „десять тысячъ“, а теперь оно значитъ „темнота“.

гораздо труднѣе. Потому что латинскій языкъ болѣе старинный чѣмъ русскій. А можемъ ли мы понимать книгу, написанную на греескомъ или индѣйскомъ языкѣ? Разумѣется, нѣтъ. Сходство между этими языками совсѣмъ почти потерялось. Разумѣется, должно было пройти очень большое время, чтобы языки стали такъ отличаться одинъ отъ другого. А ужъ если сходство между ними пропало, значитъ, эти языки существуютъ очень продолжительное время. По меньшей мѣрѣ, многія тысячи, а то и десятки тысячъ лѣтъ. Значитъ, вотъ сколько времени существуютъ и люди, которые говорили и говорятъ на этихъ языкахъ. Поэтому выходитъ, что и родъ человѣчeskій существуетъ на землѣ по меньшей мѣрѣ десятки тысячъ лѣтъ. Это видно еще изъ того, что въ старинныя времена жизнь шла гораздо тише, чѣмъ теперь, а значитъ, и перемѣны съ языками большихъ народовъ дѣлались медленнѣе.

Но родъ человѣчeskій гораздо дольше живетъ на свѣтѣ, чѣмъ десятки тысячъ лѣтъ. Это видно вотъ изъ чего: въдъ кромѣ тѣхъ арійскихъ языковъ, о которыхъ было сейчасъ сказано, есть на свѣтѣ языки, вовсе на нихъ непохожіе и по корнямъ, и по оборотамъ рѣчи. Таковы, напримѣръ, языки,—древне-еврейскій, арабскій, финикійскій, ассирійскій и нѣкоторые другіе. Всѣ эти языки называются языками семитскими. Всѣ они сильно отличаются по корнямъ и оборотамъ рѣчи отъ арійскихъ.

Но они тоже сродни между собою, подобно тому, какъ приходятся родственниками другъ другу языки арійскіе. Это видно вотъ изъ чего: у всѣхъ семитскихъ языковъ замѣчено тоже большое сходство другъ съ другомъ: и корни словъ у этихъ языковъ одинакіе, и обороты рѣчи схожіе. Напримѣръ, арабъ говоритъ, здороваясь съ кѣмъ нибудь: „саламъ алейкумъ”, что значитъ по-русски: „миръ на васъ”. А древній еврей говоритъ почти такъ же: „шаломъ ляхемъ”. Арабъ говоритъ: „бисмилляхъ”, что значитъ: „во имя Божіе”. А по-еврейски эти же слова надо сказать такъ: „бешемхаелохимъ”. Такихъ сходныхъ словъ и оборотовъ во всѣхъ семитскихъ языкахъ много. Почему же они появились? Опять таки не случайно, а потому, что всѣ эти языки сами собою сдѣлались понемножку изъ какого-то очень стариннаго семитскаго языка, на которомъ говорили всѣ люди семитскаго племени въ очень старинныя времена. Никакихъ другихъ семитскихъ языковъ тогда еще не было, а былъ только одинъ обще-семитскій языкъ. Что это было за племя,

изъ котораго произошли всѣ другія семитскія племена,—неизвѣстно. Гдѣ и когда оно жило,—тоже неизвѣстно. А все-таки оно жило и размножилось, и заселило многія земли, напри- мѣръ, Аравію, Палестину и другія. А расселившись по разнымъ странамъ, это племя немного перемѣнилось. Въ разныхъ стра- нахъ по-разному, потому что и обстоятельства его жизни перемѣнились въ разныхъ мѣстахъ по-разному. Понемногу перемѣ- нился на новыхъ мѣстахъ и языкъ, на которомъ говорили пе- реселенцы этого стариннаго общесемитскаго племени, родона- чальника многихъ важнѣйшихъ семитскихъ племенъ. Благодаря этому, изъ ихъ прежняго общаго всѣмъ языка сдѣлалось нѣ- сколько другихъ языковъ того же самого семитскаго корня. Съ теченіемъ большого времени въ одной странѣ языкъ перемѣ- нился такъ, въ другой странѣ—онъ перемѣнился иначе, въ третьей опять иначе. И вышло изъ одного семитскаго языка нѣ- сколько другихъ семитскихъ языковъ того же корня, напри- мѣръ: еврейскій, арабскій, финикійскій, ассирійскій и др. Сло- вомъ сказать, всѣ эти семитскіе языки появились на землѣ та- кимъ же самымъ способомъ какъ и отдѣльные арійскіе языки.

Но откуда же и какъ появилось такое различіе языковъ арійскихъ отъ семитскихъ? Оно тоже появилось съ теченіемъ времени и тоже очень большого. Когда-то не было ни арійскихъ, ни семитскихъ племенъ и языковъ, а были только племена и языки - - ихъ родоначальники, отъ которыхъ они и произошли понемногу и очень медленно. У всѣхъ арійскихъ языковъ былъ свой родоначальникъ— языкъ, у всѣхъ семит- скихъ— свой. Какъ же появились языки— родоначальники? Ра- зумѣется, тѣмъ же способомъ, какимъ всегда появлялись и по- являются на свѣтѣ всякіе человѣческіе языки: у языковъ се- митскихъ вмѣстѣ съ арійскими тоже былъ когда-то одинъ об- щій родоначальникъ, то-есть, еще болѣе старинный языкъ, и отъ котораго и произошли эти два языка. Жило когда-то племя которое было родоначальникомъ какъ семитскихъ такъ и арій- скихъ племенъ. Когда же оно существовало на свѣтѣ? Разу- мѣется, еще задолго до появленія особыхъ семитскихъ и особыхъ арійскихъ языковъ. А эти языки уже сильно отличаются одинъ отъ другого.

Чтобы появилось между ними такое различіе, должно было пройти огромное время. Гораздо большее, чѣмъ такое было нуж- но для меньшихъ перемѣнъ, для того, напри- мѣръ, чтобы изъ стариннаго арійскаго языка произошелъ языкъ латинскій, и

славянскій и другіе того же корня. Это время нужно считать многими десятками тысячъ лѣтъ. И это по меньшей мѣрѣ.

Но и на этомъ еще дѣло не кончается: Вѣдь на свѣтѣ были, кромѣ языковъ арійскихъ и семитскихъ, и многіе другіе, на нихъ вовсе не похожіе, напримѣръ, древне-вавилонскій, древне-китайскій, затѣмъ языки чернокожихъ негровъ, краснокожихъ индѣйцевъ и другихъ племенъ, населяющихъ разныя страны земли съ незапамятныхъ временъ. А эти то племена и ихъ языки откуда взялись? Но вѣдь все люди изъ одной человѣческой породы. Когда тѣмъ же способомъ, какъ и прочіе человѣческіе языки и племена: люди отъ людей, языкъ изъ языка, новый изъ стариннаго, а тотъ—изъ еще болѣе стариннаго, а тотъ—еще и еще изъ стариннаго, самого стариннаго. И такъ далѣе, вплоть до того звѣринаго языка, на которомъ когда-то говорили люди-полувѣбри.

Но вѣдь все люди изъ одной человѣческой породы. Когда-то у всехъ у нихъ былъ одинъ общій языкъ, похожій на звѣринный,—когда то все они говорили при помощи криковъ и тѣлодвиженій и иначе не могли говорить, потому не хватало на это ума. А ума не хватало потому, что его не могло быть при такомъ устройствѣ мозга, какой былъ у самыхъ старинныхъ людей. А какой у нихъ былъ мозгъ,—это узнано съ точностью и достоверностью по стариннымъ и окаменѣлымъ человѣческимъ костямъ. Такія кости найдены въ разныхъ концахъ земли, въ очень старинныхъ пещерахъ и въ пластахъ, осѣвшихъ изъ воды. Особенно удивительно то, что у очень старинныхъ людей помѣщалось въ головѣ меньше мозгу, чѣмъ сколько помѣщается теперь даже у самыхъ дикихъ дикарей. Сколько же времени нужно было, чтобы такъ перемѣнилось устройство человѣческой головы и чтобы она сдѣлалась больше и вмѣстительнѣе? На это должны были уйти по меньшей мѣрѣ сотни тысячъ лѣтъ *). Значить, вотъ сколько времени понадобилось для того, чтобы изъ одного звѣринаго языка, произошли все теперешніе человѣческіе языки. А они все таки произошли. И коли они существуютъ, этимъ самымъ и доказывается великая древность человѣческаго рода. Языкъ человѣческій—тоже великая древность.

*) Объ этомъ рассказано въ книгкѣ „Когда, какъ и почему появились люди на землѣ“. Изд. „Прометей“.

Какой же изъ всѣхъ языковъ, существующихъ на землѣ, самый старинный?

Какой же языкъ прирожденъ человѣческому роду? На какомъ же именно языкѣ говорили самые первые люди, раньше другихъ появившіеся на землѣ? На такіе вопросы очень интересно получить отвѣтъ. Вотъ что говорится на счетъ этого въ одной старинной книгѣ.

Дѣтъ триста тому назадъ въ Индіи жилъ ибкій ханъ, по имени Джель-эль-аддинъ Мохаммедъ, по прозванію Акбаръ, что значитъ „Великій“. Въ большинствѣ случаевъ повелители народовъ бывають людьми недалекими, но Акбаръ ханъ былъ человѣкъ умный и образованный для того времени. Захотѣлъ онъ узнать, какой именно языкъ нужно считать прирожденный человѣческому роду.

Отъ кого-то, Акбаръ слышалъ, что такимъ языкомъ нужно считать языкъ еврейскій, потому что на немъ говорилъ Адамъ, первый человѣкъ, о которомъ рассказывается въ еврейскомъ священномъ писаніи. Но Акбаръ былъ человѣкъ мудрый, и потому чужимъ словамъ не всегда вѣрилъ, хотя-бы то были слова писанія. Акбаръ по мѣрѣ силъ старался разобрать и провѣрить ихъ. И вотъ онъ захотѣлъ узнать какимъ-нибудь инымъ способомъ, правда ли то, что говорили о еврейскомъ языкѣ? И ханъ отдалъ такой приказъ: немедленно взять отъ родителей двѣнадцать грудныхъ дѣтей, отвести ихъ въ особый ханскій дворецъ, а къ дѣтямъ приставить двѣнадцать ибмыхъ кормилицъ. Эти кормилицы должны были воспитывать дѣтей до двѣнадцати-лѣтняго возраста.

Такой приказъ отъ Акбара хана былъ исполненъ: двѣнадцать ребятъ были отведены въ его дворецъ, который находился близъ города Агры. Дѣтей и вправду стали воспитывать ибмыя кормилицы, которыя не могли выговорить ни одного слова. Ни одинъ человѣкъ не смѣлъ приходить въ этотъ дворецъ, подъ страхомъ смертной казни, а если кто и приходилъ, то не дальше, какъ до дворцовыхъ воротъ. Тамъ его встрѣчалъ единственный дворцовый сторожъ, который тоже былъ ибмымъ.

И вотъ прошло двѣнадцать лѣтъ. Дѣти выросли. Тогда Акбаръ ханъ рѣшилъ, что настала пора узнать съ точностью и

достоверностью, на какомъ же языкѣ заговаряютъ дѣти, никогда не слышавшія никакого человѣческаго языка. Если и правда, что еврейскій языкъ—самый старинный и прирожденный всему человѣческому роду, значить, на немъ-то и должны заговорить эти дѣти сами собою, безъ всякой выучки.

Собрали Акбаръ ханъ къ себѣ во дворецъ ученыхъ людей изъ разныхъ странъ. Тутъ были и евреи, и персы, и индусы, и арабы, и халдеи, и разные другіе. И всѣ эти мудрецы говорили и доказывали, что на ихъ-то языкѣ и должны сейчасъ заговорить дѣти, не обученныя никакому языку, и каждый мудрецъ указывалъ священныя книги своего народа, въ доказательство своихъ словъ.

И вотъ привели дѣтей, воспитанныхъ нѣмыми кормилицами, и Акбаръ ханъ заговорилъ съ ними.

И что же оказалось? Эти дѣти не заговорили ни на какомъ языкѣ.

Они совершенно не умѣли говорить, хотя и не родились нѣмыми и глухими отъ рожденія. Дѣти только мычали, кричали, и издавали разные дикіе звуки, подобно тому, какъ это дѣлаютъ животныя.

Дѣти, воспитанныя безъ языка, говорили только на звѣриномъ языкѣ. Не слыша никогда никакого разговора другихъ людей, дѣти и сами не научились говорить, и обходились безъ всякаго языка. Значить, ихъ прирожденнымъ языкомъ оказался языкъ звѣриный, попросту сказать, звѣриные крики, воли и тѣлодвиженія.

Значить, вотъ какой языкъ оказался дѣйствительно самымъ стариннымъ.

Такъ говорится въ старинной книгѣ, которая написана католическимъ священникомъ, вѣрящимъ отъ слова до слова Священному Писанію.

Священникъ такъ и написалъ, какъ было дѣло, хотя слова Священнаго Писанія и не оправдались.

Чтобы говорить по человѣчески, нужна выучка.

Что Акбаръ ханъ узналъ, то онъ и долженъ былъ узнать: въ старину люди говорили на звѣриномъ языкѣ. Это доказывается не только такимъ способомъ, какой придумалъ Акбаръ, а и многими другими. Вѣдь до сихъ поръ въ природѣ каждаго

человѣка есть кое-что звѣриное. Сотни лѣтъ тому назадъ, этого звѣрнаго было у него еще больше, а въ давно минувшія незапамятныя времена и того больше.

Было время, когда все люди, какіе только тогда существовали на свѣтѣ, были всеѣмъ не похожи на нынѣшнихъ людей. И внѣшній видъ, и хватки были у нихъ звѣриныя, да и житье-бытье тоже. Жили тогда люди не государствами, а стадами или стаями, каждая стая по нѣскольку головъ, въ родѣ того, какъ теперь живутъ обезьяны. И разговаривали тогда люди между собою на такомъ языкѣ, на какомъ разговариваютъ и звѣри. Если бы люди не учились отъ людей своему человѣческому языку, такъ они и теперь бы разговаривали по-звѣриному.

Значить, вотъ почему мы все говоримъ по-человѣчьи, каждый на своемъ языкѣ: такъ мы говоримъ, благодаря выучкѣ. Вся суть въ ней. Кто въ какой семьѣ родился или воспитался, тотъ на такомъ языкѣ и говорить.

Человѣческій языкъ вовсе не чудо.

Говорятъ, что языкъ человѣческій чудо изъ чудесъ. Правильно, съ перваго взгляда кажется, что въ человѣческомъ языкѣ есть дѣйствительно много чудеснаго. Изъ этой книжки видно, чудо или не чудо человѣческій языкъ. Люди всегда называли и называютъ чудомъ то, что имъ кажется очень ужъ удивительнымъ и совершенно непонятнымъ. Что стало яснымъ и понятнымъ, то уже не считается чудомъ. Хотя и удивительно то, что миллионы миллионовъ людей понимаютъ другъ друга, но языкъ человѣческій все таки не чудо. Если бы все люди сразу перестали говорить по-звѣриному и заговорили бы по-человѣчески, это дѣйствительно было чудомъ. Если бы все человѣческіе языки появились внезапно, это было бы чудо изъ чудесъ. Но вѣдь этого не было и быть не могло. Все человѣческіе языки появились на землѣ понемножку, выработались постепенно, звукъ за звукомъ, слово за словомъ, оборотъ за оборотомъ, и не только появились когда-то, но и теперь появляются такимъ же самымъ способомъ. Да иначе не могло и не можетъ быть. И мы все, люди, постоянно помогаемъ ихъ появленію. Помогаемъ, сами того не замѣчая и не понимая. Помогаемъ, выговаривая слова на свой особый ладъ, придумывая новые обороты рѣчи, забывая слова и обороты старинные.

Вѣдь это никто иной, какъ мы, люди, дѣлаемъ. А отъ этого-то и совершаются всѣ перемѣны во всѣхъ языкахъ. Но вѣдь то, что мы сами дѣлаемъ, мы не считаемъ чудомъ. Всѣ перемѣны въ языкѣ совершаются благодаря намъ самимъ. Значитъ, и въ появленіи разныхъ языковъ нѣтъ, и не было и не можетъ быть никакого чуда.

Всѣ народы—родственники другъ другу.

Говорить, языкъ—главное отличіе племени отъ племени и народа отъ народа. Это совершенно правильно. Но вотъ что не слѣдуетъ забывать: люди могутъ быть изъ одного и того же племени, а языки у нихъ могутъ быть все такъ разными. Такъ, наприимѣръ, на Балканскомъ полуостровѣ живетъ множество разныхъ славянскихъ народовъ, — сербы, черногорцы болгары и другіе. Рядомъ съ ними живутъ турки. Славяне исповѣдуютъ христіанскую вѣру, а турки—магометанскую. Что же это за турки, живущіе на Балканскомъ полуостровѣ? Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, это тѣ же славяне, только принявшіе магометанскую вѣру. Благодаря этому, они разошлись и отдѣлились отъ своихъ и сблизились съ турками и поэтому они стали говорить больше всего на турецкомъ языкѣ, и стали позабывать свой родной языкъ, славянской. Значитъ, языкъ-то у нихъ перемѣнился, но кровь въ жилахъ, племя, разумѣется, осталось тоже самое. Ясное дѣло, что одинъ и тотъ же языкъ можетъ переходить отъ народа къ народу.

Бывали нерѣдко такіе случаи: жилъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ земли какой-нибудь маленькій народъ или племя. Жили тихо и мирно. Вдругъ откуда-нибудь издалека надвигались на него иноплеменные враги, набрасывались съ огнемъ и мечомъ и покоряли этотъ народъ подъ свою власть. Побѣдители уводили къ себѣ побѣжденных въ плѣнъ, въ рабство, а то и сами селились въ завоеванной странѣ на чужой, присвоенной землѣ. Всѣхъ захваченныхъ мужчинъ побѣдители обыкновенно дѣлали своими рабами, а женщинъ брали въ жены и наложницы. Рабы волей-неволей должны были научиться тому языку, на которомъ говорятъ ихъ господа, да и жены и наложницы тоже. Отъ такихъ браковъ рождались дѣти. Онѣ тоже начинали говорить не на томъ языкѣ, на которомъ когда-то говорили ихъ матери. Также происходило и съ дѣтьми рабовъ. И выходило въ

концы концовъ, что племя, какъ бы сливалось съ племенемъ, старый родной языкъ съ теченіемъ времени совсѣмъ забывался, выходилъ изъ употребленія, а на его мѣсто становился другой языкъ. Такимъ способомъ, напримѣръ, нѣмцы въ Пруссіи покорили славянъ, которые тамъ жили когда-то; венгерцы покорили другіе народы, которые когда-то жили въ нынѣшней Венгріи: русскія племена около тысячи лѣтъ тому назадъ покорили мѣрду, черемисовъ, мерю и другихъ финновъ, которые жили когда-то въ московской, владимирской и другихъ губерніяхъ. Отъ этихъ племенъ тамъ не осталось почти слѣда. Теперь въ, кто живетъ въ этихъ губерніяхъ, считаютъ себя русскими. Но на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не русскіе, а лишь полурусскіе, потому что въ ихъ жилахъ течетъ отчасти русская, а отчасти финская кровь.

И такихъ случаевъ за многія тысячи лѣтъ было очень много въ разныхъ концахъ земли.

Значить, можетъ случиться такъ: иное племя хоть и говоритъ напримѣръ, на языкѣ нѣмецкомъ, а само оно племя славянское. Другое племя говоритъ, напримѣръ, на языкѣ арабскомъ, а въ его жилахъ течетъ итальянская кровь.

Значить, языкъ, на которомъ говоритъ племя, одна статья а прохожденіе этого племени—совсѣмъ другая статья. Поэтому, если кто говоритъ на нашемъ языкѣ, это еще не значитъ, что онъ навѣрное сродни намъ и по племени. Но нельзя утверждать и того, что ужъ если люди говорятъ на другомъ языкѣ, такъ въ ихъ жилахъ не течетъ той же крови, какая и у насъ. Нѣтъ, за десятки и сотни тысячъ лѣтъ всѣ племена и народы успѣли много разъ перемѣшаться кровью. Иначе и быть не могло.

Такъ было на всей землѣ, такъ будетъ и впредь. Когда-нибудь всѣ отдѣльные языки забудутся и словно вымрутъ, а вмѣсто нихъ всѣ люди будутъ говорить на языкѣ, одинаковомъ для всѣхъ людей. Такой языкъ понемножку и сложится въ свое время. Уже теперь постепенно перемѣшиваются слова изъ разныхъ языковъ, и нѣкоторыя изъ нихъ дѣлаются достойнымъ всѣхъ племенъ и народовъ. Такихъ общихъ словъ накопится съ теченіемъ времени много-много. Этому поможетъ сама жизнь, тор-

говля и всякія пшыя сношенія людей съ людьми, обмѣнъ мыслей, изобрѣтеній, книги, газеты. Обороты рѣчи тоже понемножку сдѣлаются одинаковыми у всѣхъ людей, и всѣ люди станутъ понимать другъ друга. И этого не можетъ не быть.

Но когда же это будетъ? А тогда, когда всѣ люди сдѣлаются другъ другу друзьями и братьями, и народъ не будетъ идти противъ народа, племя противъ племени, когда братъ не будетъ убивать брата, когда богатые и сытые не будутъ обижать и истреблять бѣдныхъ и голодныхъ, когда люди не будутъ стрѣлять въ людей и когда человѣкъ человѣку не будетъ ни судьей немилостивымъ и несправедливымъ, ни безжалостнымъ палачомъ.

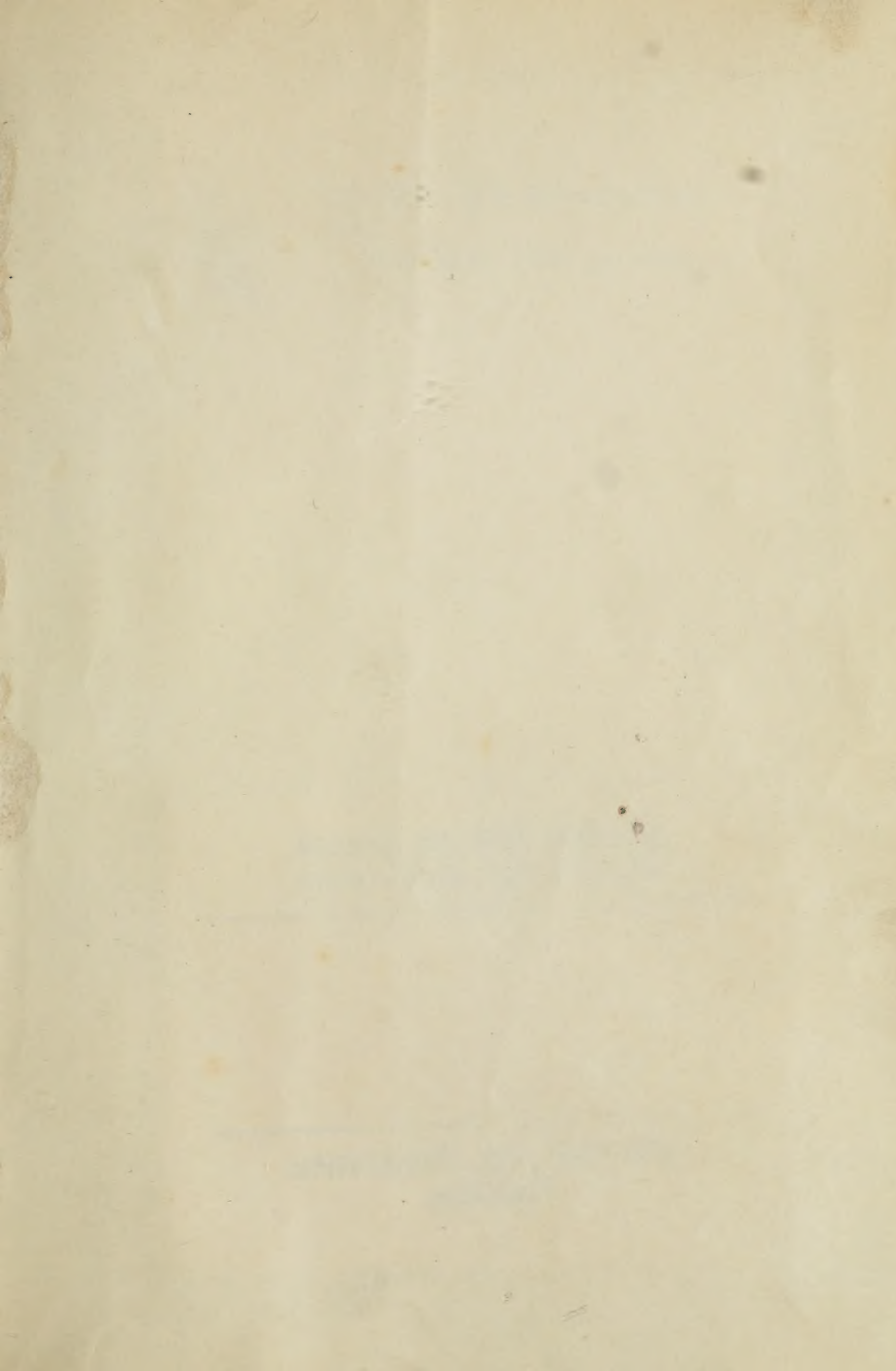
К о н е ц ъ.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ

и продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ слѣд. книги:

Изданія Рабочаго Книгоиздательства.

- 1) Рубакинъ. Какъ, когда и почему разные народы научились говорить каждый на своемъ языкѣ. —.25
- 2) Рубакинъ. Кораллы и люди. —.15
- 3) Рубакинъ. Путешественники и переселенцы въ царствѣ животныхъ (съ 11 рисунками). —.25
- 4) Рубакинъ. Бомба профессора Штурмвальта. —.12
- 5) Д-ръ Жозанъ. Физическій міръ мужчины. —.25
- 6) Д-ръ Жозанъ. Физическій міръ женщины. —.25
- 7) Д-ръ Жозанъ. Ованизмъ и его послѣдствія. —.25
- 8) М. Горькій. Макаръ Чудра. —.10
- 9) М. Горькій. Товарищи. —.10
- 10) М. Горькій. Васька Красный. —.10
- 11) М. Горькій. На плетахъ. —.10
- 12) Анекдоты про царя Николая. —.10
- 13) Шутки революціонной Россіи. —.10
- 14) Яблонскій. Кто завоевалъ свободу. —.10
- 15) Какъ царь мѣста лишился. —.10
- 16) Л. Толстой. О разумѣ, вѣрѣ и молитвѣ. —.10
- 17) Л. Толстой. Николай Палкинъ. —.10
- 18) Л. Толстой. Какъ помогали рабочимъ. —.10
- 19) Л. Толстой. Молитва. —.10
- 20) Л. Толстой. О смертной казни. —.10
- 21) Л. Толстой. Благодарная почва. —.10
- 22) Амфитеатровъ. Господа Обмановы. —.10
- 23) Гюи-де-Мопассанъ. Инвалидъ. —.10
- 24) Гюи-Де-Мопассанъ. Приключеніе Вальтера. —.10
- 25) Панъ. Твардовскій. —.10
- 26) Революціонный Пѣсенникъ. —.10
- 27) Серафимовичъ. Ночью. —.10
- 28) Серафимовичъ. Сибиряки. —.10
- 29) Андерсенъ. Елочка. —.10
- 30) Андерсенъ. Крошка. —.10

PG
3365
A15
1919

Tolstói, Lev Nikolaevich,
graf
Razskazy dlia naroda

**PLEASE DO NOT REMOVE
SLIPS FROM THIS POCKET**

**UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY**

